

У Р А Л Ь С К И Й ISSN 0134 - 241X
енедоньм
5•6•95

КАК НАМ ДОСТАЛАСЬ ПОБЕДА
КОНЧАКА — КНЯЖНА МОСКОВСКАЯ
СПЕЦАГЕНТ-НЕВИДИМКА ЗАВЕРШАЕТ СВОЕ ПЕРВОЕ ДЕЛО
ФИНАЛ ПОВЕСТИ В.КРАПИВИНА «ЛЕТО КОНЧИТСЯ НЕ СКОРО»
УФОЛОГИЯ: ПО «ЗОНАМ» АЛТАЯ
КУКЛЫ С ТУМАННОГО АЛЬБИОНА

ТАЙНА ОРДЕНА «ПОБЕДА»

Спартак АХМЕТОВ

Конец 1943 года. В Великой Отечественной войне уже наметился перелом в нашу пользу. В Москве нормализуется жизнь. Моссовет принял постановление о возобновлении деятельности многих предприятий, в том числе ювелирно-часовой фабрики. Вскоре поступил заказ государственной важности: изготовить орден «Победа». Заказ исходил от самого Сталина. Причем Главнокомандующий особо подчеркнул: сделать орден из отечественных природных материалов.

В создании ордена «Победа», на который пошло драгоценных металлов и камней на общую сумму полмиллиона рублей, участвовало очень много людей. В их число входил И.Ф. Казеннов (1889-1969), известный ювелир-художник, мастер высочайшей квалификации. Заготовки для ордена вырезал П.К. Казеннов — однофамилец Ивана Федоровича. Самодельной ручной дрелью были высверлены в золоте и платине гнезда под бриллианты и рубины. Огранку красных самоцветов производил Н.И. Турчанов — начальник гранильного цеха фабрики.

Вот с рубинами-то вышла закладка. Сталин приказал использовать только отечественные самоцветы. И хотя И.Ф. Казеннов собрал рубины со всей Москвы, не то что пяти (хотя бы для одного ордена) — двух одинаковых не нашлось. Все природные камни ощутимо различались по цвету. Что делать? Известно, чем грозило человеку невыполнение воли вождя...

Недаром Иван Федорович слыл смельчаком. Он принял единственно верное решение: использовать синтетические вернейлевские рубины, из которых можно было нарезать неограниченное количество заготовок одинакового цвета. Правда, эту тайну И.Ф. Казеннов хранил всю жизнь, лишь незадолго до смерти открывшись одному из своих учеников.

Орден «Победа» экспонируется в Кремле на выставке Алмазного фонда. Им награждены выдающиеся полководцы, приблизившие День Победы.

Редакция:
Виктор КЛОЧКОВ
 (главный редактор),
Юний ГОРБУНОВ,
Анна КОСТРИКОВА
 (художественный редактор),
Герман ИВАНОВ
 (заместитель главного редактора),
Сергей КАЗАНЦЕВ,
Андрей ПОНИЗОВКИН,
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Леонид ШУНЯЕВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Виктор АСТАФЬЕВ,
Владислав КРАПИВИН,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Геннадий ПРАШКЕВИЧ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Компьютерная верстка:
Галина ЦВЕТКОВА
Анна КОСТРИКОВА

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
 620142, ЕКАТЕРИНБУРГ,
 ул. ДЕКАБРИСТОВ, 67
 ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
 224-501 (ФАНТАСТИКИ,
 КРАЕВЕДЕНИЯ, СЕКРЕТАРИАТ),
 220-481 (ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ,
 ПУБЛИЦИСТИКИ, НАУКИ И ТЕХНИКИ,
 МОЛОДЕЖНЫХ ПРОБЛЕМ)

Рукописи принимаются перепечатанными
 на машинке через 2 интервала, 60 знаков
 в строке, 28-30 строк на странице.
 Рукописи не рецензируются
 и не возвращаются.

По вопросам подписки и доставки
 обращаться в районные отделения
 "Россвязьинформа".

Бракованные экземпляры отправлять
 в ИПП "Уральский рабочий".

Рег. № 441 от 13.12.98.
 Подписано к печати 24.04.95.
 Формат бумаги 84x108/16.
 Бумага офсетная № 2.
 Печать офсетная.
 Усл.печ. л. 10,88.
 Уч.-изд. л. 12,9.
 Усл.кр.-отт. 11,74.
 Тираж 19 300.
 Заказ № 187.

Все претензии по ошибкам в тексте предъявлять
 редакции журнала "Уральский следопыт"
 Отпечатано с готовых оригинал-макетов
 на ИПП "Уральский рабочий"
 620218, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

На 1—4 стр. обложки слайды
 Николая ПЕРЕВЫШИНА

© "УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ", 1995 г.

УРАЛЬСКИЙ следопыт

5-6.....95

В НОМЕРЕ:

●	Поэзия. Никогда не забуду друзей дорогих Венедикт СТАНЦЕВ, Михаил НАЙДИЧ	2
●	Елка в госпитале Домна СИДОРОВА	3
●	Нет у нас теперь ребят во дворе... Письма на фронт Леонид БОГОЯВЛЕНСКИЙ	6
●	Кончака — княгиня московская Юний ГОРБУНОВ	11
●	Краеведческая копилка	16
●	Мой Шолохов Аман ДАВЛЯТШИН	19
	Журнал в журнале «Аэлита»	
●	Лето кончится не скоро. Повесть. Окончание Владислав КРАПИВИН	27
●	Рассказы	46
●	Заочный КПФ	55
●	По «зонам» Алтая Максим ШИШКИН	57
●	Тайные люди. Повесть. Окончание Андрей ИЛЬИН	59
●	«Он достигает неба своего...» Людмила ДЬЯКОВА	79
●	«УС» на привале	80
●	Экодом	82
●	Уктусская улица Юрий СЫТНИКОВ, Леонид ЗЛОКАЗОВ	83
●	Краеведческая копилка	85
●	Поэзия. На пашне жизни Олег ПОСКРЕБЫШЕВ	87
●	Павленковская библиотека	88
●	Сталь крепка марганцем Виталий ДОВГОПОЛ	90
●	Дороги кривичей Михаил ДОМОВ	91
●	Птичья гречиха Александр СЕМЕНИН	93
●	Куклы с туманного Альбиона Регина ТЕРЕШКИНА	94
●	«Слоновник» на Кировоградской... Ольга КОЛПАКОВА	96

УЧРЕДИТЕЛИ —
 СОЮЗ
 ПИСАТЕЛЕЙ РФ,
 ТРУДОВОЙ
 КОЛЛЕКТИВ
 ЖУРНАЛА

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
 В 1935 ГОДУ.

ВОЗОБНОВЛЕН
 В 1958 ГОДУ.

НИКОГДА НЕ ЗАБУДУ ДРУЗЕЙ ДОРОГИХ

УТРО ПОБЕДЫ

Венедикт СТАНЦЕВ

Блестела роса,
упавшая этой ночью,
травы плели чистой зеленью вязь,
легко раскрывались
кловы бархатных почек,
цветом сиреневым становясь.
Сыпал в окопы
звенящие зноем бусы
хрустальный жаворонок
из облака-скалы,
гремела музыкой
из самых лучших музык
тишина,
набившаяся
в стволы.
В это утро весеннее,
пройдя пол-Европы,
почерневшая в сраженьях лютых,
пришла Победа прямо в окопы
без праздничного салюта.
Смотрели солдаты во все глаза,
сбросив на бруствер каски,

на вид, как они: на ногах кирза,
на поясе — гранаты связкой.
И сколько было в окопах ребят —
ее свидетели первые,
каждый в Победе узнал себя,
увидел свое бессмертие!..
В тосте победном
сдвинулись тысячи кружек,
и были солдатские лица

от счастья светлы.
Гремела музыкой
из самых лучших музык
тишина,
набившаяся
в стволы!..

ОЖОГ

Я вышел живым из боя,
вернулся на отчий порог,

но не дает мне покоя
на сердце войны ожог.

Память острее от ожога:
зову я мальчишек седых,
молясь по заветам бога
за мертвых и за живых.

О, Господи, Боже правый,
горю я желаньем одним:
всем павшим — законной славой,
прозрения — всем живым!

Мы чувств своих зерно нетленное
храним в суровых испытаниях.
Навеки все благословенное
приходит к нам через страданья.

Но нет суровой испытанья
походной службой военной,
вот потому для нас свидание
вдвойне с тобой благословенно.

ЧТО ОСТАЛОСЬ

Эта степь и мельканье прозрачной
реки,
низкорослый кустарник,
темнеющий издали..
А когда-то здесь насмерть
стояли полки.
И не только стояли,
а выстояли.

Громогласные молнии землю разят,
а осколки свистят по-иному,
чем осы.
Но бойцы понимали —
ни шагу назад!
А цена?.. О цене
пусть пекутся торговцы.

Вот кусты при дороге.
Я молча гляжу:
может, куст облетающий
видел в бою нас? —
видел, как батальон подходил
к рубежу,
и конечно же, видел,
чем кончилась юность.

Михаил НАЙДИЧ

Никогда не забуду друзей дорогих:
obeliski да ветер,
да проблески снега,
да трава, да Победа,
которой полвека —
вот и все,
что осталось от них.

ОДИССЕЯ С ДВУМЯ УБИЙСТВАМИ

Та пуля, как заслуженная кара,
меня нашла — видать, не зря искала.
Среди разрывов, дыма и огня:
«Ну все, готов!» — сказали про меня.

Потом, когда с довольствия снимали,
все небо было в голубой эмали,
и я в него вгляделся, не жилец, —
уже и в списках нет меня. Конец.

Но не было могилы для ночлега,
лишь Зойка-санитарка да телега;
а что такое степь в моей судьбе?
Пшеница над лицом — и

«Цоб-цобе-е!» —
дорога... И слеза не под запретом;
скитания по всяким лазаретам;
шинель артиллерийская до пят,
а костыли чудовищно скрипят.

И вдруг — визжанье. Мина?..
Скрип трамвая,
занятая житуха тыловая,
да как же, брат, не удивиться тут:
мороженое... видишь?.. продают.

Базар. Жулье. Глаза какой-то крали.
А карточки-то хлебные... украли!
Виски руками сжав, сижу на пне —
и струйкой пот холодный по спине.

Подняться не могу — озноб, одышка;
а люди мимо: загулял парнишка! —
Им не понять: над человеком — мгла.
«Хрен с ними! Пусть.

У них свои дела».

Контора. И поскрипывают перья.
Ухмылки да улыбки недоверья.
Да где же совесть?..

Распроклятый быт.
Вот так я во второй раз был убит.

Домна СИДОРОВА.

ЕЛКА В ГОСПИТАЛЕ

Домна Ефимовна Сидорова (в первом браке Жунтова-Черняева) родилась в последнее десятилетие прошлого века. Этим сказано все. На долю того поколения пришлось революции, войны, «чистки», сталинский террор...

В 1907 году эта крестьянская семья едет через всю Россию из Смоленской губернии на казахские земли за хлебом и волей — столыпинское переселение. И 13-летняя девочка ведет дневник — документ эпохи по-своему уникальный. Он опубликован в журнале «Родина». Потом были Гражданская война в Средней Азии, банды, расстрелы, гибель почти всей семьи...

Новая жизнь на Урале со вторым мужем Александром Никифоровичем Сидоровым начиналась счастливо. Но муж погибает в застенках ГУЛАГа (реабилитирован посмертно). А там — опять война. Уходит на фронт сын...

Как все это пережить? Домна Ефимовна знала только один способ, вернейший и безотказный во всю ее жизнь — творить Добро. Всего не рассказать и в целой книге. В голодные годы она, например, отдала свою овечку — просто так, не требуя ничего взамен — многодетной соседке. Той овечкой премировали за труд в колхозе села Тутулым. Про это я, внучка Домны Ефимовны, слышала с детства.

Приехав в Свердловск к дочери, Домна Ефимовна работает сестрой-воспитательницей в детском саду № 46 и не меньше сил отдает раненым в подшефном госпитале, что размещался в здании нынешнего почтамта.

В публикуемых записках не стоит искать сенсаций. Это документ не столько факта, сколько настроения, атмосферы эпохи (он публикуется впервые, со значительными сокращениями). Ведь ныне сама жертвенная доброты воспринимается как откровение может быть, даже пора заносить ее в Красную книгу...

...После завтрака в детсаду побежала в госпиталь и забыла про сон, который я потеряла за военные годы. Иначе нельзя: меня ждут тяжело раненные, неходячие, восемь человек разных возрастов и разных наций: украинцы, белоруссы; эстонец, молоденький паренек, молчаливый, задумчивый; совсем мальчик узбек, глаза большие, веселый, болтливый, немного по-русски знает; начинает рассказывать, как его осколком ранило, все фразы спутает, перемешает, больные заливаются смехом, а он доволен, бедняга...

Что же я сегодня понесла раненым? Исполнила просьбу своей 48-й палаты: графин квасу, да влила в него чепушку водки, картошку в мундире, и соленых огурцов. Меня пропускали без проверки.

На первом этаже меня встретил врач: идите, там сегодня ваш любимец ленинградец Леня Дружинин воюет. А еще я вас прошу, говорит, посетите 5-ю палату, там разбитый летчик, хочет вас видеть, что-то важное рассказать.

Я летела по лестнице, от радости не чуя под собой ног. Вот, думаю, какая я счастливая, что нужна людям. Подхожу к двери — шум, открыла дверь: смирно, говорю. Бойцы любили, когда с ними шутят; все в ответ приложили руку ко лбу. У Вити Гурьянова не было обеих кистей рук, у правой руки уцелел только большой палец, так он его поднял. Вольно, говорю. Все сели, захотели. Смотрю я на них и не верю, что это солдаты: просто школьники, ребята. Поднимайся, бойцы, станем кушать огурцы, квасу понемножку, домашнюю картошку; знаю, вам понравится, желаю всем поправиться!

У каждого свой стакан в тумбочке, я налила семь стаканов, восьмой побоялась: молодой эстонец лежит, на нем гипсовый лифчик, он не может двигаться. Я всем поставила на столик принесенное, подошла к эстонцу: он плачет!

— Ты что, сынок, обиделся? Вот, родной, не хотела говорить тайну, а придется: в квас налита водка, я тебе боюсь давать, ты очень слаб, а случись что-нибудь — мне тюрьма.

Он улыбнулся:

— Мне врач по сто граммов спирта дает, а вы квасу боитесь дать!

— Слышите, ребята, что говорит Андрюша?

Все загалдели: наливай! Я поставила ему стакан, подняла Андрюшу, а сама села подпоркой. Спасибо, говорит, мамаша, как хорошо сидеть! Я бы все сидел и сидел. Месяц лежу, и никто меня так легко не поднял: начнут поднимать, а я кричать. Врач утром да вечером, а у няни своей работы хватает. Да, говорю, родной, что делать — вас так много. Комиссар говорил, около трех тысяч в нашем здании.

Ребята, а вы знаете, почему я к вам хожу? Среди вас сына нахожу; был комсомольцем, пошел добровольцем, попал на Курскую дугу, да прямо в зубы ко врагу... Раненные замолчали.

Я собралась уходить, но меня не отпускали так просто: вы нам сегодня еще ничего не рассказали, ни сказки, ни стихов. Ах вы, дети, вам все мало! Я еще дома не бывала: чуть посплю, отдохну, и снова к вам махну.

У моих тяжелых больных два часа гостила и за это время не слышала ни одного стога, все были довольны, а я больше того, что мое лекарство в пользу.

Мы задумали елку, я буду играть деда Мороза, и никого пока просила не выдавать эту тайну. Елку решили делать на все святки, чтобы весь госпиталь успел посмотреть. Это затея нашего коллектива, наша заведующая Анна Михайловна Коновалова — золотой человек, все хочет сделать что-нибудь хорошее для раненых. Ведь это те же дети. Вчера, говорят, Леня Дружинин — не понравилась ему запеканка — пустил тарелку

взапятки няне, а причем тут няня? Но надо им уступать, они так страдают, все перекалечены, бедняги...

Вышла на улицу, спать и есть хочется, поспешила домой варить нищенскую похлебку...

Поела наскоро, побежала узнавать об арестованном муже. Без вины виноватого обрили и увезли из села Тугулым в неизвестном направлении. Я уже много по-рогов обила без толку: «10 лет без права переписки» — вот и весь ответ. Поехать бы, утешить, сказать, что буду ждать, сколько надо, хоть всю жизнь...

... Время на часах три, надо поспать хоть до шести, а там на работу. Писать стихи к Новому году буду ночью, на дежурстве в садике. Легла, не раздеваясь, на диван, а в комнате собачий холод. Приняла снотворный порошок. Уснула богатырским сном. А сны разве дадут покоя? Нет, мозги плетут какие-то плетни, все в голове перепуталось, горести и радости, одно другое перегоняет. Проснулась — ровно шесть вечера, больше трех часов не приходится спать, воюю на три фронта: садик, госпиталь и семья.

Пришла на работу в 7 вечера, заведующая говорит: хорошо, что пораньше пришла, звонили из госпиталя.

Я взяла свою тетрадь, куда записывала стихи, и пошла в пятую палату; удалось достать три пачки папирос, а летчику плитку шоколада — поддержать его надо!

Сестра подвела меня к летчику; немного отороженный ширмой, лежит, бедняга. Одна рука на каком-то металлическом крыле, на ноге гиря, худущий, бледный, а глаза смеются. Я подошла поближе: здравствуй, сынок, как тебя зовут? Он поглядел на меня так тепло и говорит: Вася Сидорчук, шестнадцатого года рождения. Збив треклятой басурман! Вот видите, крыло мне смастерили, а лететь гиря не пускает. Да, говорю, сынок, у нас и фамилии сходятся: ты Сидорчук, а я Сидорова. Мой сын тоже Вася, только помоложе, с 24 года, вот мы совсем свои, родные. Да, как мой Вася рвался на фронт! Я, говорит, танкист, меня никогда не убьют. Он думал, как дома бегал с деревянным клинком, так и там. А как он погиб — в похоронной не пишут. Может, когда горел в танке, маму на помощь звал...

Вася Сидорчук слушал меня и тяжело вздыхал, а потом сказал: поедemте к нам на Украину и будем жить!

Рассказала я ему про своего сынка, как он мечтал стать летчиком, а ему дорогу закрыли, потому что в 38 году без вины арестовали моего мужа; сыну оставалось одно — идти к станку. Стал токарем-универсалом и работал в Казани по 12-14 часов в сутки, голодом и холодом, потом добровольцем пошел на фронт... В октябре 43-

го года получаю похоронку: Ваш сын В.А. Сидоров погиб, проявляя мужество, под Курском... Погиб так далеко от мамы, и никто его там не пригрел, не пожалел. Вас тысячи там падают, так я решила за него вас всех согреть. Здесь, среди раненых, я нахожу себе утешение...

Сестра вошла: хватит, вы оба, видать, устали. В другой раз поговорите, скоро ужин.

Раненым ужинать и спать, а мне — в садик на дежурство. Надо ребят трех групп уложить, усыпить их с лаской, рассказать сказку на ночь. Потом картошки бак на кухне начистить для поваров. Ночью не приляжешь ни на минуту: одна на целый детский сад, а время страшное на дворе. Бывало, кто-то из детей заболевает, или за-капризничает новенький с непривычки. Каждому ребенку

нужен свой подход, всем нужна ласка. Я не признавала наказаний и сильно переживала, если детей кто-нибудь наказывал. У Гали Паршиной заболела мама туберкулезом, и врачи велели изолировать на время детей. Галя была балованная. Вот все дети легли по кроваткам, а она стоит: за мной мама придет!

— Хорошо, родная, подождем маму, а ты пока возьми вот тетрадку и пиши, кто из малышей спит, а кто не спит. Будешь сегодня моя главная помощница.

— Да я писать не умею.

— Ничего, ты ставь палочки, я потом разберу.

Галя довольная побежала к малышам ждать, когда они уснут. А там и ее сон сморил. Маме своей она утром сказала: а я тете Досе помогаю, буду каждый день в садике дежурить! Я потом

специально для Гали написала стихотворение «Капризная дочь», и она его рассказывала на утреннике. А сколько переживаний было с Вовочкой Лобановым, моим любимцем, который тяжело переболел менингитом. Я приходила к нему в больницу в самый кризис — меня пускали...

Не забыть мне тех чужих — нет, моих детей...

... Вот проснулись мои птенчики, зазвенели, как бубенчики.

Десять утра, я направилась к летчику. Мария Леонтьевна Капустина, наш повар, золотой человек, наложила баночку грибов, стакан сметаны, пару капустных пирогов. Сами мы этого не ели, не имели возможность есть, но, раненых надо поддержать. На фронте-то у них сухари да банки (с консервами. — Ред.), в больнице — каши, запеканки...

... Я надела халат и прошла прямо к летчику.

— Добрый день, Василек!

— Та не совсем добрый.

— Почему не добрый?

— Та сны поганы снятся, яка-то хмара черная ползет и плывет, аж голова распухла.

— Ничего, сынок, все будет хорошо. Еще повоюешь! Полетаешь, сокол мой, и с победою домой!

— Як вы хорошо балакаете, я б день и ночь слухав и слухав. Вы походите на мою маму.

— Вот и хорошо, что мы такие родные.

Сестра слушала наш теплый разговор и радостно улыбалась.

— Вот я тебе принесла сибирскую закуску, а выпивка твоя.

... Конечно, может, и не так уж полезна была эта чарка спирта раненому, но врач лечил всех своим добрым сердцем, он шел на все уступки, выполнял все просьбы раненых, видя их мучения. Усадили Василька поудобнее; давайте, говорит врач, выпьем за летчика, чтоб скорее поправился наш истребитель Сидорчук! Мне подали чарочку с наперсток, я взяла и говорю: я не пью, но за такое важное и великое пожелание выпью.

... Ночью на дежурстве я села сочинять стихи для елки — первой елки в госпитале за все военные годы. «Пришел в гости новый год, тяжелый, военный; весь воюет наш народ, мучаются пленные...» Нет, это, пожалуй, не пойдет: печально для праздника.

Надо повеселее, пусть бойцы посмеются. Только ведь я не писатель, не поэт, и грамоты большой нет: три класса всего-то удалось окончить, я была и осталась крестьянкой. Но надо писать, так хочется порадовать раненых!

... К утру были готовы мои стихи:

Раньше дедушка Мороз возил подарки в санках,
а теперь Мороз на фронте разъезжает в танках.

— Ах вы, фрицы-душегубы, — крикнул дедушка Мороз,

— Не спасут вас шали, шубы, отморожу гиблый нос!

— и так дальше семь куплетов: хватит бойцам. Теперь пойду детей провожаю...

... Летчик с каждым днем все слабел, он рассказывал, задыхаясь, историю партизанской семьи, торопился до своей операции; не знал, сумеет ли ее пережить.

— Это было в Брянских лесах, когда меня подобрали после аварии партизаны, там я узнал историю Никиты...

По рассказу летчика я написала поэму в стихах, которая часто исполнялась во время войны на самодеятельных сценах. Это история о смелом мальчугане, что громил фашистов в отместку за гибель семьи... Так хотелось выполнить просьбу этого безнадежно больного защитника Родины. Крепко бил он палача, теперь тает как свеча; могла бы я ему помочь — не спала бы день и ночь!

... Но вот подходит новый 45-й год. Все радостней вести с фронта. Вечером я пришла в госпиталь, вначале в 48-ю палату. Прочитала новые стихи.

Летчику на сегодня назначена операция, профессор говорит, дальше откладывать нельзя.

Вхожу к нему. Боже, какая радость! Летчик сидит такой жизнерадостный, держит тетрадку: мамаша, идите ко мне, я вам очень признателен. Я как поправлюсь, от-

печатаю «Рассказ Никиты» и возьму себе на память.

... К первому января 45-го года все было готово. Елку мы поставили в 48-ю палату, приготовили бойцам подарок: хороший обед, фрукты, по чарке красного с разрешения врача. Я в костюме Мороза иду по длинному коридору, несу на голове поднос с подарками. Когда мы шли по коридору, из всех палат выглядывали раненые и все кричали: ура деду Морозу! Вошли мы в 48-ю, начался наш сказочный, веселый новый 45-й год — всего не напишешь. Бойцы у елки радовались, шутили, как дети. Пришел комиссар с дочкой, нас сфотографировал на память.

На другой день мы привели две группы детей, старших и средних. Наши малыши столько доставили бойцам удовольствия: пели, рассказывали стихи, танцевали. После концерта бойцы расхватывали ребят на руки, ведь у многих дома тоже остались дети, иные не знали, куда судьба их семьи забросила. Моего любимца Вову Лобанова держал на коленях Леня-ленинградец; Вова ему сказал: а у меня, дядя, папу тоже гитлеры убили...

... Меня вызвали к больной родственнице, я уехала в село Тутулым и там пробыла две недели. Вернулась на работу и вечером укладывала ребят спать. Вова Лобанов мне говорит шепотом: тетя Дося, садьте ко мне на кровать, у нас тяжелые вести. Я вчера поливал цветок и присел за бочкой, Анна Михайловна говорит Марии Леонтьевне, что на-днях схоронили пять бойцов, и с ними твой сын-летчик. Я обомлела. Вова, говорю, может, ты спутал, почему же мне не говорят? Они не хотят вас расстраивать, говорит Вова. А ты, значит, глупенький, решил меня расстроить? Нет, тетя Дося, я запрятался за шкаф и тоже плакал... Только вы, тетя Дося, никому не говорите, что я подслушивал.

— Хорошо, спи, я умею хранить военную тайну.

... В марте 45-го года многие бойцы, которых мы выхаживали, собрались со мной домой, кто в часть. Расставание было тяжелое: свыклись, как родные.

В 48-й палате остался только эстонец, все свои гипсы забросил, такой довольный. Ах, говорит, мамаша, вы так давно не были; нам вчера комиссар говорил, скоро кончится война, домой поедem!

... В 7 часов утра раздался громкий звонок, я бегу, растерялась:

— Але, кто это?

— Это я, Гриша Пушников (мой племянник по мужу).

Тетя Дося, поздравляю вас с Победой!

У меня ноги подкосились, я присела на стул.

— Але, тетя, ты меня слышишь?

Я залилась слезами.

— Слышу, Гриша,

— Зачем плачешь, надо радоваться!

Я ему отвечаю невпопад:

— Нет-нет, я не плачу, у меня радость и горе — все перемешалось. Вася-то не вернется...

... Звонок заливался без конца, это был незабываемый день, люди все обнимались и целовались, как на Пасху, нет сил описать той великой радости Победы...

На снимке:

Д.Е. Сидорова в роли деда Мороза.

Публикация и предисловие Ольги Щербининой

Екатеринбург

Леонид БОГОЯВЛЕНСКИЙ

НЕТ У НАС ТЕПЕРЬ РЕБЯТ ВО ДВОРЕ...

ПИСЬМА НА ФРОНТ

«Аккуратно мы получаем твои дорогие для нас письма. Долго они путешествуют к нам сюда в глубокий тыл. Письмо, посланное тобой 15 декабря 42 года, мы получили 8 января 43 года. А наши письма, по-видимому, тонут в океан писем к вам с родины».

Так в январе 1943 года отец писал мне на фронт в блокадное кольцо Ленинграда. Тогда, в обстановке войны, читая это письмо, я не обратил особого внимания на образное сравнение, сделанное отцом, — океан писем. Ныне же, спустя полвека, я подумал: как верно отразило оно реальность.

То был великий океан писем. Но и океан людского горя, наполнявшего те письма — белые треугольнички и прямоугольнички с номером полевой почты, штемпелем и чужими, пугающими словами: «просмотрено военной цензурой», — человеческих страданий и слез, тревог, надежд и ожиданий, исковерканных судеб и несбывшихся мечтаний.

Сотни миллионов писем, отправленных из тыла на фронт, были поистине великой всенародной летописью тыла в годы войны. Кто-то точно сказал, что тогда линия фронта проходила через каждый дом, каждую семью. Слова «Все для фронта! Все для победы!» были не просто лозунгом, а реальной жизнью, тяжелым трудом и в городе, и в деревне, благодаря которому действующая армия получала все необходимое. Перо, те письма писавшее, надо, по справедливости, приравнять к штыку.

Если письма с фронта еще как-то сберегались и хранились родными, и мы можем читать их сегодня, то письма, которые бойцы получали на фронте, сохранить было труднее. Они или истирались в пыль в солдатских вещмешках или погибали в боях вместе с теми, кому адресовались. И те, что сохранились — бесценны.

В 1941/42-м, первом военном учебном году, я учился в десятом классе средней школы в городе Сарапуле на Каме. Еще до окончания учебного года ушел из школы в Ленинградское артиллерийско-техническое военное училище, которое находилось тогда в Ижевске, в шестидесяти километрах от Сарапула. А в ноябре того же, 1942-го, был уже на Ленинградском фронте, получив по окончании училища звание лейтенанта.

В училище и на фронт много писали мне мои друзья по школе и мои родные. Эти письма я не уничтожал, а берег, складывая в свою полевую командирскую сумку. Они были частичкой той мирной жизни, из которой я ушел и уже не ведал, вернусь ли в нее. Они поддерживали меня морально и духовно. Некоторые из тех писем сохранились до сих пор.

Коротко об их авторах.

Валя и Сима, мои братья. В 1942 году Валя был восьмиклассником, а Сима — студентом второго курса лесомеханического техникума. Оба фронтовики. Валя потом работал на заводах в Сарапуле мастером цеха, там жи-

вет и ныне, а Сима 27 лет прослужил в Вооруженных Силах, подполковник. Умер в 1987 году.

Борис Волокитин, семиклассник, наш младший товарищ по дворовой мальчишеской компании, сосед по квартире. Стал инженером, работал управляющим трестом «Пермьгаз». Живет в Перми.

Оля Изергина, Володя и Лена Кунаковы — брат и сестра, Соня Лапина, Роза Харламова, мои одноклассники, Веня Татаркин из параллельного класса нашей же школы. Оля стала инженером-технологом пищевой промышленности, живет в Перми. Володя Кунаков-Коновалов, фронтовик был тяжело ранен, стал инженером-машиностроителем, работал директором машиностроительного завода, начальником главка, заместителем министра среднего машиностроения, Герой Социалистического труда, Лауреат государственной премии. Лена Кунакова-Курбатова — врач. Оба живут в Москве. Соня Лапина-Головастикова стала инженером-машиностроителем, живет в Москве. Роза Харламова работала инженером-химиком на заводах в Сарапуле, там и живет. Веня Татаркин в 1943 году окончил пехотное училище и осенью того же года погиб в боях на Украине.

Год 1942-й

Оля Изергина и Соня Лапина.

23 апреля 1942 года. *«Привет из Сарапула! Здравствуй, Леня! Наконец-то мы собрались написать тебе, хотя и не следовало бы, пока ты не напишешь. Ну, а мы вошли в твоё положение — что тебе некогда писать. Стыдно начинать с поучений, но ты это простишь...»*

Сарапул все тот же. Разве только погода изменилась к лучшему. Солнце, грязь. В сапогах на переходах и то утонуть можно. Скоро Кама пойдет. В школе занятия продолжают. Теперь у нас «спецы» учатся в первую смену, мы — во вторую, а 3-я школа — в третью. Нам хорошо: и утро, и вечер наш. Механизация, к несчастью, все еще существует. Мы на Барановскую дачу ходим к десяти утра, в грязь купаемся. Секретарем комитета комсомола (вместо меня. — Л.Б.) теперь Галя Демченко. Меня (Олю. — Л.Б.) назначили группкомсоргом класса в колхоз. А может быть и на фронт возьмут. Там может встретиться».

Веня Татаркин.

10 июня 1942 года. *«Привет из Сарапула! Здравствуй, Леонид! Наконец-то я собрался написать тебе письмо. Сначала я напишу тебе кое-что о школе. Учебный год закончили довольно удачно. Общая успеваемость по школе кажется 90%. Общая успеваемость комсомольцев 96%. Ваш класс получил Красное Знамя, а наш — Пе-*

переходящую грамоту. Насчет работы в колхозах пока что ничего неизвестно. Предполагаем, что в колхоз нас не пошлют, а вернее всего на днях заберут на военный завод.

Не знаю, что будет впереди. Очень плохо, когда думаешь о своем будущем в такое время. Выходит что-то печальное. Пехотное училище начинает отталкивать, так как курсанты вот уже второй месяц ходят в гражданской одежде и даже босиком. Я сегодня посмотрел в окно и увидел одного бойца, который шел в строю босиком по камням. Мне стало стыдно за нашу армию, стыдно перед народом. Ты, Леня, на меня не сердись, что я это написал. Я хорошо понимаю положение, и мне не нужно каких-либо разъяснений. Помни, Леня, у нас сейчас одна задача: во что бы то ни стало, добиться полного разгрома немецких армий в 1942 году. Привет от всех ребят и девчат, особенно комсомольцев».

Володя Кунаков.

Август 1942 года. «Здравствуй, Ленчик! Я работаю штурвальным и живу в колхозе. Ребята из нашего класса пока еще дома. Из тех классов — кто работает на заводе, кто трактористом, кто штурвальным...»

Веня Татаркин

Июль 1942 года. «Сегодня зашел к вам с работы. Я работаю на военном заводе слесарем вот уже 10 дней. Валяка Атаманов, Вовка Нестеренко и некоторые другие работают на пристани грузчиками. Курсантам пехотного училища выдали всем новую английскую форму: френчи и черные брюки галифе. Ходят все подтянутые, как будто форма сшита на них. Ходят ровно, стройно...»

Оля Изергина

29 июня 1942 года. «Отдохнуть мне не пришлось, так как пришла повестка на завод, и я сейчас работаю на заводе. Работаем с 8 утра до 12-1 ночи. Я очень устаю, что приходится ужасные мысли. Очень тяжело. Совсем одна. Кроме отца и матери у меня сейчас и друзей нет. Честное слово, Леня, я только сейчас почувствовала, как я люблю папу и маму. Большинство ребят работают на пристани грузчиками. Очень жаль, но все же Валя Атаманов надорвался.

Пишу в темноте. Свет погас. Только этим и пользовалась. А так ни минутки нет свободной... Хочется на лодке покататься, в лес хочется, вечера роскошные... Строчки скажут, так как совсем темно. Уже 10 часов. Сегодня в ночь работаем. Выходных в этот месяц не было. Ну, заканчиваю. Желаю тебе успеха. Крепко жму твою руку...»

23 июля 1942 года. «У нас в городе 25 девчат на фронт отправили. Вероятно, если я уйду с завода, я буду там же».

Мой брат Сима.

21 апреля 1942 года. «8 апреля нас послали из техникума за сеном в Мостовинский сельсовет, за 45 км. Обрато пришлось идти всю ночь, так как лошади очень плохие. 18 апреля я получил комсомольский билет...»

6 мая 1942 года. «Сегодня я сдал последние зачеты по всеобучу. По винтовке — 3, по гранате — 5, по пулемету, миномету, штыковому бою, тактике и строевой — 4. Я был командиром отделения... 2 мая в техникуме был выпускной вечер, на танцы приходил Вовка Кунаков. Леню Кунакову от призыва освободили. Лед на Каме уже прошел, ледоход кончился, вода убывает, хотя все готовятся к наводнению...»

17 июня 1942 года. «Пишу тебе письмо из Агрыза. Я сейчас еду в Вятские Поляны на лесослав работать. Я сегодня получил приписное свидетельство из военкомата. Прошел комиссию. А теперь еду работать на три месяца, так что повидаться с тобой не сумею. Призыву подлежу осенью...»

24 июля 1942 года. «Пишу тебе письмо из Кировской области, Усть-Немды. Вот я уже прожил около месяца, а писем из дому не получал. Я здесь очень скучаю, больше всего я соскучился по тебе. Я часто вспоминаю о тебе, мама, папе, Валентине и мне хочется почему-то плакать...»

31 июля 1942 года. «Сейчас только ребята привезли мне письма от тебя и от мамы. Живем пока ничего. Кормить стали досыта. Но кормят одной заварной кашей, от которой склеиваются желудки. Хлеба стало хватать, так как, по выражению ребят, хлеб с хлебом не едят. Иногда покупаем молоко. Денег хватает. Работаем сейчас на машине, делаем плоты и отправляем их. С последним плотом поедем до Соколов, оттуда на камском пароходе до Сарапула. Работаем в две смены: с 3 часов (ночи) до 1 часа (дня) и с 1 часа до 11 часов (вечера). Хочется спать. Все время болит голова. На работе часто приходится бывать мокрым. И удивительно, что не могу заболеть малярией.

Нет у меня обуви. Приходится ходить босиком. Бахилы, которые мне дали, я порвал. Ботинки тоже начали рваться. Я их берегу, чтобы ехать в них домой, а лаптей нет...»

6 августа 1942 года. «Все было благополучно. А вот вчера я заболел малярией, и еще начался понос. Если малярия долго будет трепать, буду проситься домой. Раньше 15 сентября нам домой не вернуться. Вчера я рубил проволоку и рассек себе лоб...»

Мой брат Валя.

Октябрь 1942 года. «Хочу написать тебе письмо, так как я уже давно не видел тебя и соскучился. Начали мы занятия 1-го октября, а из колхоза я приехал 21-го сентября. Заработал я 60 или 70 килограмм. Я точно еще не знаю. Сегодня меня спрашивали по истории. Я получил хорошо. Плохих у меня нет, и пока получать не думаю. Время боевое, надо учиться по-боевому... Все время вспоминаем о тебе. Кузьма по тебе соскучился и просит тебя написать».

Соня Лапина. Из Ижевска.

Октябрь 1942 года. «Ленчик, приветствую! Вот и у нас началась учеба, хватит гулять. Скучаю по дому, но это все пройдет. Ведь прожить со своими столько лет и вдруг оказаться одной. Было бы много легче, если бы были другие условия. Сейчас жить одной трудно. Была у Ляли (Оли Изергиной. — Л.Б.), у них очень холодно. У меня хоть дома тепло. Я живу на

частной квартире, вместе с хозяевами. От института всего 1,5 квартала. Может сумею устроиться у знакомых, буду проще себя чувствовать. Уж слишком большая семья — 9 человек. Утром на кухне негде поесть. Все спешат, кто на работу, кто в школу. Наших в институте очень много, а когда видишь своих, то веселее.

Я на факультет точной механики не попала, а учусь на бронетанковом, из сарапульских одна (в Московском механико-машиностроительном институте, эвакуированном в Ижевск. — Л.Б.)

Нездоровая немножко атмосфера в институте. Многие профессора считают прошлогодний ижевский и нынешний наборы неполноценными. Особенно не любят девчушек и считают пустой трату денег на их учебу. Может, они правы...

Оля Изергина.

29 декабря 1942 года. «Меня берет военкомат военруком в начальную школу. Курсы снайперов пока посещаю аккуратно. Да, мне и нравится. Это такое живое, как раз по моей натуре. У нас открылся каток. Я каждый день ходила, только вот сегодня до 10 дежурю, так что ничего не выйдет...»

Год 1943-й

Оля Изергина

9 февраля 1943 года. «Работаю сейчас в средней школе № 3, во всех классах. Ох, и трудно бывает... Завтра в театре общегородское комсомольское собрание. Ночь в школе дежурила...»

9 марта 1943 года. «Работаю в третьей школе. Сейчас начинаем военную игру наподобие прошлогодней, «На штурм». Вошла в члены городского штаба. Одна среди всех мужчин. Умора. С квартирой сейчас лучше, живем немного по-человечески. Главное радио есть. Ты представить не можешь, какое впечатление производит «Последний час!» Скорее бы наступил последний час расплаты... Часто бываем с Розой. У нее все еще болят глаза, но нигде нельзя достать рыбьего жира...»

Мой брат Валя

14 марта 1943 года. «Пишу тебе о том, как прошла военная игра «На штурм». Ты помнишь, как прошла та военная игра, «Рейд в тыл врага». Играли там, где татарские кладбища. Я был командиром роты по захвату знамени противника. Мы знамени не отдали, а его знамя (противника) моя рота захватила.»

Из писем моего отца.

9 января 1943 года. «Живем мы по-прежнему в суете и заботе о хлебе насущном. Туго во всем, но мы пока не голодуем. Получаем по 400 грамм хлеба и добавляем понемногу с рынка. Семья наша все убавляется. 6 января мы проводили Симу в твою школу (Ленинградское арттехучилище в Ижевске. — Л.Б.) Поросянок растет хорошо. Корма и подстилки пока хватает, а свиные чего же больше надо. Уголок ему пришлось тот, который ты загородил для ислухи...»

Из писем мамы

23 июня 1943 года. «Сегодня вернулась от Симы. И когда узнала, что от тебя нет писем, я очень беспокоилась. И такое стало скверное состояние, что не знаю, куда себя деть...»

Июнь 1943 года. «Очень скучаю без вас... Неужели ты и к зиме не вернешься домой. Кто бы мне сказал, что ты будешь жив и здоров, то я терпеливо дожидалась бы тебя. Посылаю тебе фотокарточку Симы. Он снимался перед отъездом в Ижевск, вышел, как живой.

У нас в Сарапуле цены на хлеб ржаной 2800 рублей за пуд, картофель 700 рублей пуд, молоко 150 рублей четверть, масло 300 рублей фунт, мед 400 рублей килограмм...»

(Это базарные цены. В то время и при тех зарплатах и окладах они были очень высокими и для малооплачиваемого населения недоступными. Оклад моего отца, служащего, в начале войны равнялся всего-то 150 рублями. Мой лейтенантский оклад в 800 рублей представлялся нашей семье огромным. Продукты по карточкам в магазинах отпускались по государственным ценам, очень невысоким и доступным населению: один килограмм хлеба черного 85 копеек, серого (пеклеванного) 1 руб., белого (ситного) 1 руб. 70 коп., сахар-песок, колотый, пиленый (рафинад) от 1 до 2-х руб. кг. — Л.Б.)

Лена Кунакова

23 января 1943 года. «Вчера я встретила в училище твою мамашу. Она к Симе приезжала. Она мне сообщила твой адрес, просила черкнуть тебе... Я с большим удовольствием вспоминаю худенького мальчика, розового от смущения, с спустившимися на глаза волосами. Но никак не могу, верно, просто не научилась представлять себе не только тебя, но и других наших соучеников строгими, мужественными, стоящими на своем посту бойцами. Мне все еще кажется, что это те же десятиклассники. Но увы! Это только кажется. А на самом деле, как все переменилось!!!»

Роза Харламова

4 марта 1943 года. «Привет тебе от бывшей соседки по парте. Приятно все-таки получать письма от школьных друзей, когда школа уже далека, а впереди трудный, самостоятельный жизненный путь. Я работаю. Учиться будем после войны. Работаю на военном заводе. Лаборант-химик...»

21 апреля 1943 года. «Кама уже прошла. Скоро начнется навигация. Бывают замечательные деньки. Солнышко. Сухо. Знаешь, как замечательно в лесу. Птицы поют. Красота. Сегодня видела, как летели журавли...»

Мой брат Валя.

Апрель 1943 года. «16 апреля в 7 часов утра тронулась Кама. Я лежу утром в постели и слышу, как зашумит, затрещит. Я выбежал и смотрю: лед корчится, лезет друг на друга, и пошел. Но сейчас сильный затор у чугунного моста. И взрывали его гранатами и с самолетов. Такой гул поднялся, как все равно на фронте. 25 апреля ждут первый пароход.

16 апреля получили телеграмму от Сталина. Он

прислал благодарность от Красной Армии за помощь семьям красноармейцев и за сбор 555780 рублей. И за сбор книг для школ Сталинграда. Сарапул на первом месте по Удмуртии по сбору книг, вещей и денег. 17 апреля послали ответ и дали обещание, что в будущем соберем в три раза больше».

Оля Изергина

14 апреля 1943 года. «Получили два твоих письма, скоро адреса-то меняются: не успеешь написать, а ты уже другой адрес шлешь... Что предвещает окружающая обстановка? Ждешь с нетерпением «Последнего часа», а его все нет. Как все это надоело! Как устаешь от всего этого! Скоро ли конец всему этому? Как тяжело, ведь каждый день приносит все новые и новые жертвы. Неужели у него еще есть силы, чтобы продолжать эти ужасы? Цель жизни! Какая после этого может быть цель жизни, когда сегодня жив, а завтра нет. Сейчас не живешь, а существуешь. Просто жуть смотреть на ребят, когда с ними занимаешься. Ты не подумай, что я опять в упадническом настроении, нет, но окружающее и окружающие... Страшно скучаю о брате. Мне очень хочется его видеть. Ведь уже 2 года прошло. Здесь на три дня была Соня. Уезжают они в Москву...»

Борис Волокитин

14 июня 1943 года. «Здравствуй, Леня. Я очень благодарен твоей открыткой. Ты спрашиваешь, как мы провели те лета. Те лета мы провели ничего. Было еще тогда весело, ходили за грибами, удилы рыбу на Каме. Но это лето уже хуже. Есть такой приказ: чтобы все с 6 класса были в колхозе. А я перешел в 7 класс. И так что еду в колхоз работать. Я уже съездил 20 мая в колхоз и приехал 13 июня. В колхозе мы боролись, сажали картофель. Ребят у нас теперь нет во дворе, так что мы пока остаемся дома вдвоем: Валя да я...»

Соня Лапина.

12 мая 1943 года. «Ну вот я и в Москве. Приехала 19 апреля. Перед отъездом ходила в Сарапул на 3 дня. Из своих видела только Лялю и Розу. Наш эшелон отправили раньше назначенного срока, и я в Ижевске из своих никого не видела перед отъездом.

Живу в общежитии. 4 человека в комнате. Девчата замечательные, в беде никогда не оставят и всегда помогут, чем могут. Живем дружно. Какой богатый институт, какие лаборатории, оборудование. Теперь не МММИ, а Московское высшее техническое училище имени Баумана... Когда ехала сюда — на станции видела Аркадия Жернакова. Их отправляли (на фронт. — Л.Б.). А Татаркина, видимо, оставили в Можге».

6 августа 1943 года. «Письмо твое получила. Большое спасибо. Извини, что сразу не ответила. Я около Наро-Фоминска, станция Зосимова Пустошь. Заготавливаю дрова для города Москвы. Сессия кончилась 31, 3 уже в 7 часов утра выехала из Москвы. Учусь заготавливать дрова. Вспоминаю, как жили в колхозе Кирова. Что-то есть общего. Встаем в 5.30, до участка километров 5.

Пишу на книге, ноги калачиком. Буду жива, не убьет береза, так буду писать. За эти годы всему научилась — за один год я побывала во многих местах...»

14 октября 1943 года. «Начался новый учебный год, а я и никого не видела из Сарапула... Занимаюсь много. В среднем по 8 часов в день. Большое внимание военному делу. Из училища будут выпускать с сержантскими и офицерскими званиями. Каждый год для нас практика на военных базах, а для ребят лагеря по 45 дней...»

Ленчик, как рада успехам на фронте. Москва часто салютует. А как красиво. Мы обычно залезаем на крышу общежития...»

Роза Харламова.

27 ноября 1943 года. «Дни стали коротки. Уходишь поздно с работы — темно. Из дома уходишь — тоже темно. Прошагаешь пять километров с работы, и из дома вылазить неохота...»

26 декабря 1943 года. «С Новым счастливым годом! Желаю тебе удач в этом году и скорого возвращения. Получила от тебя открытку. Да! Увы! Это правда, что Венька Татаркин убит. Очень и очень жаль. Хороший был парень. Олю вижу редко. Я прихожу поздно. Пройдешь такую дорожку, так идти нигуда не захочешь. Вот так и живу. Выходных не бывает. Даже на лыжах побегать некогда».

Год 1944-й

Роза Харламова.

9 марта 1944 года. «Ухожу на работу в 8 часов, прихожу в восьмом-то редко. Иногда приходится работать круглые сутки. Хотя это и просто химлаборатория, а без нашего заключения литье литейного цеха не пускают в работу. Значит их программа зависит от наших анализов. Вот за день-то набегашься, еле домой придешь. Дома сидеть не хочется, к Ляле идти поздно, страшно...»

(После этой фразы в письме Розы Харламовой военная цензура вымарала четыре строчки. Смысл этих строк восстановился сообщением моего брата Вали, которое цензура по-видимому проглядела: «Ты, наверное, помнишь Веру Глухову, дочь учительницы, сестру Коляки. Они жили наверху. Ее ножом прямо в легкие, и вряд ли выживет. Если идешь с хлебом, обязательно отнимут. А если не отдашь, то пырнут ножом...» Город наводнили приезжие спекулянты, бродяги, воры, мошенники, порожденные военной неразберихой в тылу и не преследуемые милицией).

11 апреля 1944 года. «Я живу хорошо. Люблю свою работу, свой завод. Из общественной работы состою членом шефской комиссии в госпитале. Госпиталь сейчас переехал в нашу школу. У нас 5 палат, 130 человек. Теперь у них хорошо стало, уютно. Наши палаты в первом этаже. Помогали и помогаем стирать белье. И так вообще помогаем.»

Соня Лапина.

18 марта 1944 года. «Привет от всех из Сарапула! Я там была! Видела своих, Олю, говорила с ними! Приехала Муза из Казани. Она все такая же хохотуша. Оля выглядит хорошо... Обратно плохо было сесть. Вагонов не открывают совсем. Я ехала в вагоне раненых военнослужащих. Ребята ехали хорошие, уступили для

меня местечко. Да, Ленчик, оставила свои косы в Са-
рапуле...»

Год 1945-й

Из писем мамы.

10 мая 1945 года. «Поздравляю тебя с большим, тор-
жественным праздником Победы. Сейчас пишу тебе,
как я услышала. Восьмого в девять часов вечера я при-
шла от тети Гали. Радио передавало приказ. Когда
стали говорить «слава погибшим героям», я вспомни-
ла про вас, мои дорогие, и у меня невольно навернулись
слезы. Я выключила радио и легла спать. Ночь почему-
то очень плохо спала. И когда стало светать, к нам в
дверь кто-то быстро-быстро постучал. Я подумала,
что это могло случиться? Когда папа открыл дверь,
влетел Борис Волокитин, прямо к радио и говорит:
«Все проспало. Ведь война кончилась!» Я вскочила, ста-

ла слушать и своим ушам не верю: неужели пришел час
который так долго ждали! Время было четыре часа
утра. Все, конечно, встали. В городе небывалое движе-
ние. Ярко светило солнце, словно и оно было радо блес-
тящей победе нашей героической Красной Армии. В
девять часов был митинг. Народу было очень и очень
много. Я пошла к тете Гале и мы решили двенадцато-
го собраться у нас... Теперь, возможно, нынешнее лето
мы увидимся...»

Из писем отца.

18 сентября 1945 года. «На радостях пишу тебе это
письмо. Один орленок откликнулся. Валя прислал пись-
мо из Манчжурии. И наш меньшак обвесь пороховым
дымом, был на волосок от смерти. Теперь будем ждать
письма от Сими...»

Декабрь-январь 1995 г.

Иван КОВЕРДА

ДЕТИ ВОЕННОГО ТЫЛА

В августе 1994 года мне довелось гостить у брата в
г. Чикаго (США). Живущих там украинцев интересовала
жизнь старого Тагила, Тагила спецпереселенческого. Из
сотни фотографий, которые я привез с собой, были ус-
троены выставки в украинской школе, прямо на улице,
а затем некоторые снимки демонстрировались в поме-
щении губернаторства штата Иллинойс. Судя по доку-
менту, выданному мне губернаторством, выставку пос-
мотрели 42 тыс. человек.

Среди выставленных работ была и эта — «Дети воен-
ного тыла».

Весна 1945 года. Нижний Тагил. Поселок спецпересе-
ленцев «2-я площадка» (сейчас на этом месте — цех
прокатки широкополочных балок).

Слева направо: Иван Трофимович Коверда, ныне ин-

женер центральной лаборатории НТМК; Валентин Петро-
вич Гузик, инженер одного из военных заводов Перми; Ва-
силий Сластен (о нем ничего не известно); Оля Шопова
(болгарка), работала в детском саду в Н. Тагиле, сейчас
на пенсии; пятый неизвестен.

Должен сказать, что на № 1 есть и другие претендент-
ты. Одни узнают в нем тагильчанина Михаила Карпенко
(умер несколько лет назад, и справиться невозможно).
Другие — Шурку Олейника (справиться тоже нельзя). Моя
родня (автор снимка — мой брат Павел Коверда) увере-
на, что это я.

Интересно, однако, как много может оказаться претен-
дентов на место не царского наследника и даже не внука
лейтенанта Шмидта, а голодного оборванца!

Фото из архива автора.

Юний ГОРБУНОВ

КОНЧАКА — КНЯГИНЯ МОСКОВСКАЯ

Рисунок Марии БАЖЕНОВОЙ

28 лет пребывали на великокняжеском столе сыновья Невского — сначала Дмитрий, потом Андрей. Это было время (конец XIII-начало XIV века) плачевное для Руси и великого княжества Владимиро-Суздальского. Славно потрудившись над гениальной натурой великого Александра, природа вволю отоспалась на его сыновьях. Раздоры властолюбивых братьев кровавой чередой прошли через все их княжение. Особенно грешил Андрей. Сам не умея держать меча, он то и дело звал против брата пришельцев и жертвовал, как писал о нем Карамзин, последними остатками народной гордости. Трижды северная Русь была жестоко разоряема монголо-татарами, и великий стол зашатался.

А между тем подрастали на Руси два сильных княжества-отрока — Тверское и Московское.

Как раз в пору Дмитрия и Андрея они, что называется, приняли постриг и сели на коней. И когда после смерти Андреевой в 1304 году великокняжеский стол опустел, на него заявили притязания дядя и племянник — тверской князь Михаил Ярославич и московский — Юрий Данилович. На стол они претендовали владимирский, но твердо при этом стояли и опирались на собственные самостоятельные княжества.

Близился закат Руси владимиро-суздальской. Завязывался узелок вокруг Москвы.

Новое великое княжение началось с новой распри, завершившейся драматически. Песчинкой в том историческом круговороте, оказавшейся на поверку тяжелее иного камня-булыжника, стала женщина — царица дома Чингисханова.

Московский князь Юрий Данилович богатым возвращался из Орды. Сегодня на его улице был праздник. Золотоордынский хан Узбек отдал за него сестру свою, царевну. А вместе с рукой сестры, само собой, пожаловал и ярлык на великое княжение владимирское. Наконец-то всеми неправдами перемог Юрий Михайлу тверского. Но дядюшка упрям и своеволен. Он так просто стола великого не отдаст. На его стороне лестничное право * и добрая половина удельных князей, что еще не потеряли веры в закон предков. Быть сече, быть.

**Это выражение происходит от слова «лестница» (лестница). Обычай княжеского наследования в Древней Руси, когда все князья-рюрикoviчи считались братьями — совладельцами всей Руси. Старший сидел в Киеве (потом во Владимире). Это великое княжение затем наследовали братья по старшинству, потом дети старшего брата, других братьев, а за ними в той же последовательности — внуки, правнуки и т.д. Те, чьи отцы не успели побывать на великом столе, лишались права на очередь и получали на княжение удельные города.*

Михаил тверской был сыном великого князя Ярослава Ярославича, брата Александра Невского, и в очереди на главный стол стоял теперь первым. Отец Юрия — Даниил московский был младшим из сыновей Александра Невского и на главном столе побывать не успел. По лестничному праву и Юрий лишился этой привилегии.

Но думать сейчас об этом, сидя в кибитке молодой княгини, вовсе не хотелось. Да и не надо было думать. Эту заботу добровольно взял на себя ханский воевода Кавгадый — хитрый и улыбчивый бестия, посланный ханом во главе монгольской конницы сопровождать великокняжеский кортеж, чтобы уберечь его от непредсказуемых поступков Михаила.

Из Сарая-Берке плыли они до Костромы Волгой, а конница Кавгады шла берегом. На стоянках пировали вместе. Бояре суздальские и московские, брат Юрия — Борис, молчаливый и себе на уме. Не помнил Юрий Данилович, как засыпал он поздней ночью в объятиях княгини. А по утрам хатунь приказывала слугам нести любимое свое лакомство — соленый арбуз. Из рук своих, чуть слышно хною пахнущих, угощала податливого после хмельной ночи князя.

Так начиналось его великое княжение.

Между тем, прослышав об удаче Юрия в Орде, стекались под его великокняжеские стяги дружины и ополчения соседних княжеств — ярославские, суздальские, владимирские, — тоже понимая, что без столкновения с Михаилом Юрию стола не оседлать.

Первая встреча с ним у Костромы, благодаря хитрому Кавгадью, обошлась без боя, но дружины и обозы неостановимо шли на Тверь. Кавгадый хихикал и подмигивал Юрию — он ждал, когда дадут о себе знать новгородцы. А пока суть да дело, пришельцы потрошили близлежащие села союзных княжеств, по которым шло Юриево войско, — не везти же, право, из Орды провиант, вина и корм для коней. Да и по женкам истосковались кметы...

На все это смотрел Юрий из кибитки красавицы своей, смотрел отстраненно и бездумно. Пока однажды не привели пред очи его перехваченного в окрестностях тверича-смерда. Был он в толсто подшитых валенках, лопоть справная на нем, а под ней бахтерец (род кольчуги). На князя глядел волком и сразу, без допроса, заявил, что Твери москowlянам нипочем не взять и что ни о каком великом князе, кроме Михаила тверского, он в округе не слышивал.

Юрий вдруг увидел, что уже декабрь стоит вокруг его обоза, что непростительно затянулось свадебное его путешествие, что князья заждались с делами неотложными. А Кавгадый, еще на вчерашней пирушке преданный и льстивый, уже кричит ему, до щелок сузив глаза и безобразно ощерив рот, кричит, что рать Михайлова уже за бугром, что новгородцы, мать их в душу, опять изменили Юрию, и что пора ему, князю, поискать саблю и шлем среди бабьих юбок...

Роняя на пол арбузные корки, выскочил князь из кибитки и потребовал коня.

Нестройная рать его перешла уже Волгу и подходила к селу Бортенево. Тверь была в сорока верстах. Неторопливо, словно нехотя наступавший день открыл взору Юрия пешие ряды тверичей. Что-то там взблескивало, двигалось, какая-то темная, безмолвная людская масса. «Вот такие все, как тот, в валенках», — догадался князь и не ко времени подумал, что уже сегодня к вечеру будет он в Твери... Ой, не ко времени!

Бой под Бортеневым разразился коротким зимним днем 22 декабря 1317 года. Два князя — московский и тверской, — науськанные Ордой, в очередной раз колошматили друг друга. В бессчетный раз русские били русских. Только и всего. И никто не мог тогда предполагать, сколь роковым станет это банальное сражение для судеб Руси.

И вот под звуки дудок и цимбал конные дружинники новоиспеченного великого князя Юрия Даниловича московского пошли на пеший строй вчерашнего великого князя Михаила Ярославича тверского.

Полки сошлись, пошли в ход сабли, сулицы, рогатины, вилы... Все смешалось на снежном поле, тотчас обгаренным кровью.

А в стороне, где наскоро оставлен был обоз москowlян, из крытой мехами повозки с любопытством и легким волне-

нием глядела на дальний бой молодая княгиня московская Кончака. Она велела служанкам укутать себя поплотнее, особенно ноги обернуть меховой коротеей и сесть к ней по обе стороны, а дверь у повозки оставить открытой — она ведь должна видеть первую победу своего рыжекудрого князя над этим упрямым мужиком Михаилом.

Но вдали мельтешило, орало, лязгало, и внутренний взор княгини скоро перекинулся далеко-далеко, к морю Хвалынскому, в пределы родного города ее — Сарая.

Кончака росла без отца. Ей и трех лет не было, когда его не стало, а младшей сестре — Тулунбай и того меньше. Брату доставляло наслаждение еще и еще рассказывать девчушкам, смакуя подробности, о гибели отца Тогрула, из-за коварства темника Ногая. Ногай этот, возмнив себя царьком, хитростью заманил в ловушку хана Золотой Орды Телебугу с его свитой и родственниками. Хану вместе с несколькими двоюродными братьями, среди коих был и Тогрул, их отец, накрыли головы и переломили спины. То была жесткая драка за престол в Золотой Орде между внуками и правнуками великого хана Батыя. Тогда стал властвовать очередной золотоордынский царь Тохта.

В молчаливой, глубоко спрятанной ненависти к хану рос ее брат Узбек и в той же ненависти утвердил он сестер своих — Кончаку и Тулунбай, над которыми с детства верховодил и для которых был божеством — красивый, сильный, устал и сомнений не знающий Узбек. Он и веру выбрал наперекор Тохте, с юности окружил себя бесерменами, а христиан, и прочих «райя» (так мусульмане звали иноверцев), в Сарае обитавших, третировал как мог и умел.

В молчаливой неприязни к ханскому двору рос царевич Узбек и его красавицы-сестры. Царь Тохта оставался в Сарае-Бату, ханской столице, построенной на Волге еще Батыем. А юный Узбек с матерью, сестрами и начавшим складываться враждебным великому хану окружением, обитали в Сарае-Берке — молодом еще городе, заложенном братом Батыя — ханом Берке.

Молитвы Узбека дошли до ушей аллаха: Тохта неожиданно для всех в одном из походов отдал душу своему языческому богу, и царевич Узбек показал себя во всем блеске. С помощью преданного окружения он избавился от прямого наследника — сына Тохты, отомстив таким образом за смерть отца, и коварно узурпировал власть. Вместо сына Тохты, великоханский престол в 1313 году занял его племянник — 30-летний Узбек, а Сарай-Берке, родной город Кончаки, стал новой столицей Золотой Орды.

Орда резко повернулась лицом к мусульманству. Молодой, горячий Узбек уже не был столь терпим в вопросах веры, как того требовала Яса Чингисхана. Торопил и понуждал сарайскую знать, последовали в Сарае казни недовольных, погромы христиан. С Узбеком пришла власть жестокости и произвола.

С выбором великих князей на Руси дело упростилось. Кто на глазах, в чьих речах больше лести и обещаний, чьи подарки хану и женам его богаче, — тот и пан. Пока едет князь ко столу своему с заветным ярлыком за пазухой — он уже передумал державный царь, и новый князь у него в уде.

Сначала пофартило в Орде Михаилу Ярославичу. Чуть не два года толкался он в Сарае, ублажал хана, царевичей, нойонов и нукеров, транжирил казну, слал заемные грамоты удельным князьям. И вернулся, наконец, в Тверь великим князем.

А в Орде сменил его Юрий Данилович, искавший стола вопреки лестничному праву, из побуждений, прямо скажем, хулиганских. Он почуял в Узбек-хане своего. Ведь и ему, племяннику Тохты, а не сыну верховенство тоже не светило; ведь и он нагло и безбожно преступил закон. А разве царь золотоордынский русскому князю не указ? Разве не Орду поставило над Русью провидение?

Вот тогда и увидела Кончака в Сарае князя московского, его шальные рыжие, всегда смеющиеся глаза. Пришел с подарками, смиренный, а в глазах будто конь на дыбы встал. И рука, когда одевал ей гривну золотую, горячая, как из костра.

Другой их встречи князь как будто сам искал. Первый нарушил немоту чужого языка, коверкая, но смело сказал монгольское приветствие и близко-близко пришагнул к ней, шальной и горячий. Она почему-то не сказала сестре про эту встречу, оставила ее себе одной. И испытала сладостное, доселе неведомое чувство обладания тайной. Это был, пожалуй, самый дорогой подарок русского князя царевне дома чингизидов. Невест в том доме принято было выбирать издалека, а просить у старших — отца-матери, брата. А этот рыжий, светлоокий как будто спрашивал у нее самой, и долго-долго носила она по Сараю эту свою неожиданную тайну.

Кончака любила Сарай-Берке. Любила бродить по нему по утрам с сестрой, служанками, под приглядом незримых нукеров. Любила улицы, неохватные взглядом, разноцветные базары, несчетные купола мечетей и какой-то неясный, неизвестно откуда доносящийся гул разноречивых голосов. Это всегда составляло для Кончаки загадку ее Сарая — постоянное присутствие невидимых людей вокруг нее. Стены, дома, крыши, купола — и всюду кипит, разговаривает, смеется и плачет невидимая жизнь.*

**Остатки Сарая-Берке или Нового Сарая лежат на рукаве Волги — Ахтубе, недалеко от Волгограда, там, где позднее возник маленький городок Царев, ныне Ленинск. А развалины Старого Сарая (Сарая-Бату) еще можно обнаружить в пос. Селитренном неподалеку от Астрахани. Время оказалось безжалостным к этим столицам-на-час.*

Кончака привыкла к присутствию Юрия в Сарае и к тайне своей. И когда однажды брат, оставшись с ней наедине, язвительно спросил, как о деле ею решенном: «За русского князя собралась?» — как будто ударил по щеке, — она, напружинившись вся, опустила глаза и кивнула едва заметно. Она поняла: Юрий не приходил к брату и не просил ее руки. Узбек узнал о их тайне стороною. Выбор делает она, Кончака.

Узбек взбесился. Что-то орал о вере, о своеволии. Нагайка свистела и извивалась на ковре у ног Кончаки. Но брат и сестра стояли друг друга. Кончака больше не опускала глаз. Слово, хоть и молча, хоть и только наклоном головы, но было сказано. Его уже не взять назад.

Швырнув плетку, Узбек вышел и велел позвать русско-

го князя. Красив и спокоен был хан Узбек. Что ж, решил он, сестра золотоордынского царя — любимая сестра! — выбрала себе супруга. Об этом должны узнать князь Юрий, оба Сарая, русский улус. У них нет больше выбора. Любимая сестра великого хана нашла себе мужа, а русскому улусу великого князя! Пусть теперь Юрий шлет послов к Ивану, брату своему на Москву, за выкупом — задешево хан свою сестру князю не отдаст.

Удачлив был Юрий Данилович, баловень судьбы. Не просил у нее — выхватывал. Знал, что в Сарае все будет так, как и случилось. Знал, еще когда незадолго до Орды хоронил жену. Ну что ж, Кончака, так Кончака. Могла оказаться и Тулунбай. Эка невидаль — жена. Да хоть бы и служанка кончакова, коли за ней такое приданое — ярлык великого княжения!

В сарайском православном храме сам епископ Измайло приобрел Кончаку к вере Христовой. Маленький золотой крестик на тонкой цепочке надел ей на шею. И имя новое, православное нарек царевне чингизидовой — Агафья. Тихая, задумчивая вышла Кончака-Агафья из храма под руку с супругом своим Юрием Даниловичем. Новыми какими-то глазами смотрела на окружающее.

...Кончаке вдруг показалось, что бой стал слышнее — он словно бы приблизился к повозкам. Но конников московского князя по-прежнему казалось больше, они как будто верховодили и не могли не одолеть пещев. Нукеры ее, Кончаки, бояре, немногочисленная охрана обоза сгрудились впереди, загораживая ей обзор, суетились, что-то кричали, махали саблями в направлении боя. «Наверно скоро конец», — решила Кончака. Вот кто-то прискакал, едва держится в седле... Нет, это не Юрий, это не ее рыжекудрый князь...

Так не хотелось ей уходить из воспоминаний, из вчерашнего прошлого!

Вот плывет по Волге караван — большие, красивые лодии с шатрами и кибитками. Учаны, паузки с грузами, приданым ее, солеными арбузами... Скачут берегом конники в островерхих шапках... В шатре ее князь рыжеволосый, хмельной, а на коленях его — она сама, Кончака-Агафья... То ли бесовская игра все это, то ли судьба какая-то непостижимая...

О чем говорили они, зная каждый по несколько слов или фраз? О чем думали в редкие минуты, когда оказывались наедине с собой? Каким представлялось им будущее — их, Сарая, Москвы и Руси московской?

Похоже, что в союзе их, как в малой капле, запечатлелась и общая картина той поры: славянская, мирная и оседлая Русь вынужденно и прозорливо сочеталась браком со Степью, кочевой и воинственной. То была спасительная евразийская неизбежность, взаимопроникновение начал. Не оружием в ту пору стояла и держалась Русь.

Когда нахлынула волна насилия и возникла угроза порабощения нации, единственное, что могло спасти и в конце концов спасло ее, — это упрямое, жертвенное и мучительное сопротивление доброго, дипломатичного и созидательного женского начала в человеке. Оно пробивалось сквозь жестокость времени как слабая трава пробивается сквозь асфальт, бетон и камень.

Носителем этого начала был по преимуществу славянский этнос. Начало, противоположное женскому, олицетворяла в эту пору Степь в лице пришельцев — монголо-татар. Начала соперничали и взаимопроникали. Кочевое, бесцеремонное, жестокое теснило, давило, силой внедрялось в кровь, характер, натуру славянскую. В свою очередь славянское — доверчивое, духовное, созидательное тоже искало лазейки, слабые места и просачивалось в кровь азиатскую, образуя непостижимый евразийский конгломерат — русский этнос.

Взаимопроникновение происходило там, где нащупывались обоюдно слабые места. Юрий Данилович московский, натура по-видимому легкая, бесцеремонная, склонная к авантюризму, находила оправдание и поддержку у Кончаки, воспитанной в обстановке произвола и вседозволенности. Он нашел в ней не только верную руку в единоборстве с Михаилом тверским, но и в чем-то близкую ему душу. Этот союз был следствием его прежнего поведения, а также залогом и объяснением последующих поступков князя.

Кончака и Юрий — пример далеко не единичный. На монголке, добровольно принявшей христианство, женился в Орде белозерский и ростовский князь Глеб Василькович и, как пишет С.М. Соловьев, использовал эту родственную связь, чтобы вызволять русичей из татарского плена.

Прямо романтический сюжет находим у Карамзина. Он пишет, что монгольский чиновник Буга сначала силой взял себе в наложницы устюжанку Марию, а потом принял христианство и с именем Иоанн женился на Марии, составив благополучную семью. В Устюге, на Соколей горе, построил он церковь во имя Иоанна Предтечи.

Покорил сердце монгольской царевны и князь ярославский Федор Ростиславович. Названная в крещении Анной, она стала женой князя. По словам летописца, «построила в Ярославле храм Архистратига Михаила и заслужила имя добродетельной христианки».

Листая историков, эти сюжеты можно продолжать и продолжать.

Русь стала другой после 250-летнего вынужденного сожительства с пришельцами, но и Орда растеряла свой прежний исключительно кочевой и воинственный стиль. Славянская «печка» пыталась обогреть неохватное евразийское пространство.

... Но что это случилось вдруг — в обозе стало сразу шумно и суетно. Заскрипели повозки, заржали и зашархались кони. Какие-то возгласы, испуганные лица. Кончака совсем не понимала слов. Да и, похоже, ругались все вокруг, поминали мать и бога.

Вдруг у ее кибитки, подняв на дыбы коня, очутился князь Борис. Рукав разорван и обмотан чем-то белым, кровь проступает. Князь кричит ей что-то. Она силится понять, но опять почему-то слышит одни ругательства. «Что же случилось, — спрашивает служанок и, путаясь ногами в коротее, выпрыгивает из повозки. Борис машет на нее руками, торопит всех куда-то... — Но где же Юрий? Где великий князь?»

И тут много копыт застучало вдали, тотчас приблизи-

лось, и какие-то лица, кони, стремяна, сабли, копыта замельтешили вокруг нее, затолкали опять в кибитку. Смех гудел, крики — неестественно громкие, нервные. «Да ведь это чужие, — поняла, наконец, Кончака. — Ведь это Михайловы кмети. Михаил одолел Юрия, и она в плену! Но где же Кавгадый? Его тысяча где? А сам князь? Зарублен? Или тоже пленен?»

Длилось это бесконечно и одно мгновение. Пока не явился всадник пасмурный и тяжелый. Лицо сплошь в бороде, голова простоволоса, а шлем висит, притороченный к седлу. Все вокруг него замолчало, остепенилось. Кончака узнала — Михаил. На шаг подъехал к Борису. Смотрел, будто целился. Потом отпустил поводья, тронул коня стремени и приобнял Бориса. «Ладно,» — сказал. Огляделся. Нашел глазами ее кибитку. Спешился. Встал в дверях. Кончака увидела усталое лицо, усталые глаза. Сосульки полутаяли на усах, закрывая губы. Кончаке вдруг холодно стало, ознобно. Не Сарай ведь за стенами. Не Сара-ай...

Михаил поклонился слегка, руку на грудь возложил, отступив на шаг. «Милости прошу в Тверь, — сказал. — Гостьей будешь». И щелкнул пальцами, подняв десницу.

Все опять засуетилось, загомонило, двинулось.

Теперь, вместо Юрия, ехал в ее кибитке раненый князь Борис.

Кончака ужалась в угол, глядя, как Фатма, служанка ее, меняет князю тряпицу. Она ждала, и князь заговорил без вопросов, трудно подбирая слова.

— Войско Юрия разбито, соседи, кашинцы, сильно помогли Михаилу. А Новгород так и не появился. Кавгадый послал было сотню, но тверичи так ошетинились неприступными пешими рядами, что и багатуров ваших перекололи, и те повернули вспять. Кавгадый больше не пошел, подался к стану.

Борис говорил так, будто это его кмети одолели рать. Кончака нетерпеливо и испуганно ждала: а что же Юрий?

— А Юрий к Торжку ушел, как понял, что... — Борис устало и буднично ругнулся. — Наверно в Новгород подастся.

И словно дождавшись того, чего боялась она больше всего на свете, Кончака закричала: «Не...е...ет» и заколотила кулачками по лицу себе, мешая краску и слезы. Что кричала она, князь не понимал. Видел, что истерика, и спокойно, чуть насмешливо смотрел, откинувшись вглубь кибитки.

Вдруг сразу рухнуло все и провалилось куда-то. Придя в себя, Кончака глядела в окно. Снежно, пусто было там. Смеркалось уже. Михайлова рать, поредевшая, но веселая, катила впереди, торопясь к ночи домой. Ее кибитку обгоняли повозки с ранеными. В ее сторону что-то кричали, еще не остыв от боя, смеясь полуистерично и ругаясь.

Без Юрия чужое стало все. И ей сразу открылась бездна ее поступка, бездна выбора. Не поражение Юриевой рати, не измена Кавгады, не плен... Даже не трусливое бегство князя. Какое-то другое отчаяние обуяло ее и сдавило грудь. Отчаяние чужести и несовместимости с ней всего, ее теперь окружающего.

Кибитку трясло, а Борис спал. Ей, Кончака знала, теперь уже не будет такого сна.

Тверь ратников ждала. Полночные факела встречали их далеко перед городскими воротами.

Улицы, стены, башни полны были народом. Лупили колокола. Никто не сомкнул еще глаз. Кончака видела в окно чужие, радостью пьяные лица. Всех — и князя с конем, и ее с кибиткой — готовы были нести на руках. Победа уже не разбирала своих и врагов. Бориса вывели из кибитки. Кончака же, когда потянулись к ней руки, дико закричала, и ее оставили в покое.

Только у крыльца княжого терема, когда подошел к ее кибитке сам Михаил, с помощью служанок вышла Кончака, ничьих не принимая рук.

Встречала Анна, жена Михаила. Тоже простоволосая, но уже пережившая первую отчаянную радость встречи. Только теплом, только счастьем лучились ее глаза и вся полная, статная, высокая фигура. Она издала пошла навстречу, протягивая руки. А Кончака почувствовала, что опять закричит, а если коснется ее эта женщина, она оттолкнет, станет царапать ее руки. И Анна, поняв это, остановилась.

В светелке княжеских хором, жила Кончака одна, со служанками. Жила недолго. Однажды утром крик услышали в хоромаш. Вбежали. Кончака была мертва. Полулежала на тахте одетая как тогда, в тот день, в кибитке. Будто и не раздевалась.

Не доехала до Москвы великая княгиня московская.

Что было потом, знает любой учебник истории.

На другой день после Бортенево* Кавгадый явился к Михаилу на поклон с лукавыми посулами и преданностью. Михаил хоть и чуял лукавство, но принял с честью воеводу и его нукеров. Он уже виноватился перед Ордой за свою как бы нечаянную победу.

** Любопытно, что сразу два тверских селения готовы были разделить с князем горькую славу той декабрьской его победы. Ранний историк Твери Д.И. Карманов пишет, что супротивные рати сошлись в сорока верстах от Твери вниз по реке Волге, т.е. там, где ныне расположена деревня Бортниково Рождественского сельсовета. А вот В.С. Борзаковский в «Истории Тверского княжества» (СПб., 1878) отдаст предпочтение селу Бортенево близ реки Шоши Старицкого уезда.*

Но, похоже, что эта несогласованность идет от двоякого прочтения первых источников и в частности летописной «Повести о смерти в Орде Михаила Тверского». Одни историки выводят из этой повести, что рать московская перешла на левый берег Волги, значит, бой случился в Бортенево «рождественском». Другие же считают, что тверичи и кашинцы не дали Юрию перейти реку, и тогда слава достается ныне не существующему селу Бортенево, стоявшему не подалеку от Никулина городища.

Новейшие историки склонны верить раннему летописцу Твери, и считают, что Юрий с войском Волгу перешел и тем самым заставил кашинцев, под угрозой разорения их земель, решительно выступить на стороне Михаила тверского, что и дало его рати

окончательный перевес в битве (см. очерк «Битва возле Бортенево» в кн. А.Д. Виноградова и Е.А. Виноградовой «Тверь. Легенды и были», Тверь, 1992)

А Кавгадый снесся уже с Юрием, и тот, обрастая в Новгороде свежими ратями, опять пошел на Тверь. Но увидя новые, желтые от смолы, ее стены, от штурма отказался. Михаил тоже остыл уже. У всех троих головы болели лишь о том, как поведет себя теперь царь Узбек. Успокоился миром. Решили, что поедут в Орду, и пусть будет, как она скажет. Михаил готов был вернуть Юрию жену, брата, бояр и князей плененных.

Но тут-то вот и случилась смерть Кончаки.

Некоторые историки и писатели (например, Д. Балашов в романе «Великий стол») считают, что Кончаку тайно и коварно отравил Кавгадый, чтобы усугубить вину Михаила перед Ордой и отомстить ему за позор под Бортенево его, Кавгадыя, кметей. Историки, такие как Карамзин, С.М. Соловьев, ограничиваются на этот счет предположениями. А Карамзин к тому же, между прочим, замечает, что в Твери свирепствовала какая-то жестокая, смертоносная болезнь. Именно в году 1318-м. Да и разве одна Кончака умерла без видимой причины? А князь Борис? А другой брат Юрия — Афанасий?

Так или иначе, а троица поехала в Орду. И был в Сарае суд, и одним из судей почему-то поставили Кавгадыя. Среди многих вин Михаила (сопротивление великому князю и ханской коннице, недопоставка дани и т.д.) главной, конечно, была смерть княгини московской. Михаил, как мог, оправдывался, но был обречен. Да и что такое суд в Орде! Лицедейство. Помучив князя в колодах, его зверски умертвили. Православная церковь справедливо возложила на него венец мученика. Память святого благоверного князя Михаила Тверского отмечается 22 ноября по старому стилю.

Юрий вторично вернулся на Русь великим князем. Но хан Узбек, в совершенстве владея чингисхановой еще политикой — никому из соперников не давать подняться на крыло, — не хотел усиления Москвы и стал благоволять сыну Михаила — Дмитрию, а вскоре и ярлык ему отдал великокняжеский. К несчастью, оба соперника — Юрий и Дмитрий — одновременно оказались в Сарае-Берке, и Дмитрий убил Юрия. Видимо, считал его виновником всех, в эту пору случившихся на Руси, бед. Казнили и Дмитрия. Ярлык достался его брату — Александру...

Такая вот вереница кровавых событий. Пока не дошла-таки великокняжеская очередь до младшего брата Юрия — тихого и незаметного Ивана, который скоро получил прозвание «Калита».

Таким был начальный период коварного и неправо-го усиления Москвы. Сколько крови и бед принес он Руси, сколько мутного, злого, жестокого поднял со дна душ человеческих! Ведь брат шел на брата и русский на русского. А между тем и без этих кровавых усобиц, как потом убедительно доказали историки, в частности, В.О. Ключевский, Москва обречена была первенствовать на Руси после Владимиро-Суздалья.

Да ведь русские исстари задним умом тороваты!

Александр БРЫЛИН

«АНГАРА» ИЗ АРТЕМОВСКОГО

Этой медали (вернее будет назвать ее плакеткой) нет в коллекционных каталогах. Она изготовлена заводским музеем Егоршинского радиозавода города Артемовского по случаю, за которым стоит интересное событие — экспедиция по российскому побережью Северного Ледовитого океана, по маршруту Узлен — Мурманск, совершенная в 1983 году.

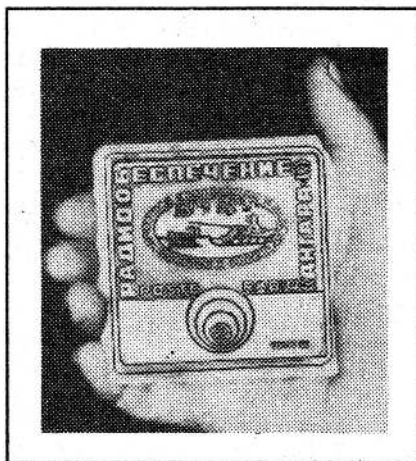
Медаль имеет форму плакетки (квадратное исполнение). На лицевой стороне по периметру верхней части — крупная надпись: «Радиообеспечение. Ангара-1» и более мелко, обрамляя изображение каюра с собачьей упряжкой: «Полярная экспедиция газеты «Советская Россия». В нижней части — товарный знак завода с расходящимися кругами — радиоволнами. Автор — выпускник Нижнетагильского художественного училища, известный в городе художник-оформитель В.И. Фаттахудинов.

Егоршинский радиозавод — старейшее радиопредприятие на Урале, родине изобретателя радио А.С. Попова. (Ныне исполняется 100 лет со дня его рождения). Завод широко известен своими радиостанциями «Урожай», «Район», «Олень», которые успешно применяются для связи в самых разных отраслях народного хозяйства.

Радиостанция «Ангара», как часть одноименного комплекса, разработана заводским ОКБ под руководством инженера Ю.А. Бердышева. Она предназначена для внутрипроизводственной радиосвязи на всей территории земного шара, включая тропики и Заполярье. Новинка егоршинских радиоинженеров стала новым этапом в отечественной радиотехнике. Переносный вариант «Ангара-1» помещался в сумке, которую можно переносить на

плече, вес ее всего несколько килограммов, а связь в условиях севера она обеспечивает на расстоянии до 500-600 километров.

В 1980 году новую радиостанцию эксплуатировали 100 потребителей, а через два года — уже более пятисот. География использования «Ангара» представ-

ляет всю территорию СССР и многие страны мира. В 1983 году егоршинская радиостанция удостоена Почетного диплома международной выставки «Телеком-83». По ряду показателей она превосходила лучшие образцы отечественных и зарубежных изделий этого класса.

Когда в 1983 году известный советский альпинист мастер международного класса Сергей Ефимов отправлялся в Непал в составе экспедиции для восхождения на вершину Гималаев Эверест и получил радиостанцию «Ангара-1», то был уверен что это изделие какого-то столичного завода. Ее

внешний вид, удобство и надежность в работе в пробных сеансах радиосвязи вызвали его восхищение: «Могут же и у нас делать хорошие вещи!» Во время восхождения на Эверест центральная база экспедиции посредством «Ангара-1» надежно держала связь со столицей Непала. И каково же было удивление прославленного альпиниста, когда он узнал, что радиостанция сделана в небольшом уральском городке Артемовском.

Участники полярной экспедиции газеты «Советская Россия» с «Ангара-1» познакомились еще в тренировочных походах и настойчиво добивались получения именно этих радиостанций. Артемовцы не только оказали им в этом содействие, но и перестроили «Ангара-1» на любительский диапазон, создав возможность связи с огромной армией радиолюбителей.

Участникам перехода предстояло пройти 10000 километров. Восемь месяцев шесть человек боролись с суровой северной природой. На счету был каждый килограмм груза, взятый с собой. Пройдя первые сотни километров, радист экспедиции Владимир Карпов убедился в надежности «Ангара-1» настолько, что отказался от запасной радиостанции. Нарты радиста падали с обрыва, порой мороз доходил до 50 градусов, но станция работала. Надежная радиосвязь соединяла отважную шестерку с миллионами людей, «болевших» за исход экспедиции. Во время перехода радист В. Карпов и радисты базовых групп, оснащенных теми же радиостанциями, вступали в контакт с любителями-коротковолновиками СССР и более чем пятидесяти стран мира.

В Арктике радиосвязь ухудшается при северных сияниях и маг-

нитных бурях. В такие минуты особенно нужна помощь радиолюбителей. Был случай, когда телеграмму маршрутников не смогла принять базовая радиостанция. Но кто-то из радиолюбителей принял ее, передал другому, и лишь третий смог передать информацию базе.

«Теперь мы поняли, — записал от имени участников перехода Юрий Борисихин в книге отзывов музея во время встречи на заводе 11 ноября 1983 года, — почему так прочна и безотказна

«Ангара-1», бывшая нам в Арктике и компасом, и часами, и мамой, честно говоря, успокаивающей, она крепка теми, кто просто и упорно трудится над ней: конструкторами, рабочими. Спасибо вам и поклон арктический».

В память об этой встрече с участниками экспедиции и было выпущено десять медалей «Радиообеспечение полярной экспедиции «Советская Россия». Впервые на заводе был использован метод малой мемориалистики. На встрече в музее плакетки были

вручены каждому участнику перехода и радистам базовых радиостанций. По просьбе самих путешественников одна медаль через них была передана Почетному полярнику, председателю оргкомитета экспедиции газеты «Советская Россия» контрадмиралу Ивану Дмитриевичу Папанину. Такая же медаль экспонируется в заводском музее рядом с подарками полярников радиостроителям.

г. Артемовский,
Свердловской обл.

Павел Павлович Демидов, представитель шестого поколения династии горнозаводчиков, трижды попал в произведения русских писателей. Особенно он был недоволен И.С. Тургеневым.

Приятель Тургенева князь А.А. Мещерский в письме к нему иронически возмущался: «Дурак право Демидов! Должен бы был быть рад и доволен, что Вы, дорогой Иван Сергеевич, обессмертили его хоть в образе Финика, а он еще, скотина, сердится и дуется! Главное, что все это сильно затрудняет систему апрошов к нему».

«Обессмертили» Демидова в романе «Дым». В нем Тургенев описал общество модного курорта в Баден-Бадене, который был местом летнего сбора элиты европейской знати. Русские там немало отличались. Демидовские попойки оставили в летописях баденских сезонов незабвенные воспоминания. По словам литератора В.А. Соллогуба, «Тургенев очень зло, но очень верно изобразил российские нравы в Бадене». Многие узнали себя в героях тургеневского произведения.

Фиников, а не Финик, как пишет Мещерский, появляется в XV главе «Дыма». Здесь среди посетителей салона Ирины: «отличался своей надменной осанкой, совершенно плоским черепом и без-

Николай МЕЗЕНИН ДЕМИДОВЫ В «ДЫМЕ» ТУРГЕНЕВА

душно-зверским выражением лица, достойным бухарского хана или римского Гелиогабала, знаменитый богач и красавец Фиников». И несколько далее: «Богач Фиников принялся говорить дерзости, не разбирая, к кому они относились».

При такой характеристике не мудрено и сердиться, и дуется!

Относительно «апрошов» (тайных подходов) к Демидову дело проясняется в письме Тургенева к Мещерскому от 15/27, марта 1877 года. Речь в нем идет о лицах, к которым можно обратиться с просьбой о денежных пожертвованиях на экспедицию известного путешественника-этнографа Н.Н. Миклухо-Маклая. Тургенев пишет: «Теперь о Нарышкине! — это — тоже вроде Демидова, с тем небольшим изменением, что я никогда и нигде его не «выводил». С ученым Тургенев познакомился в 1870 году вел с ним переписку и неоднократно встречался. Когда Миклухо-Маклай готовил вторую экспедицию для изучения папуасов, писатель подарил ему

тысячу рублей, а Мещерский дал в долг две тысячи.

Исследователи полагают, что Тургенев был знаком с обоими Демидовыми: Павлом Павловичем и его дядей Анатолием Николаевичем. С первым он мог встретиться в парижском салоне принцессы Матильды. Во Флоренции долгое время жил и Мещерский, который был родственником Павла Павловича, женатого в первом браке на княжне М.Э. Мещерской.

Видимо, характеристикой Тургенева в романе были задеты оба Демидовых. Исследователь Т.И. Орнатская считает, что скорее всего фраза о Финикове, говорящем дерзости, относится именно к А.Н. Демидову, человеку невоздержанному, резкому, способному на самые крайние выходки. Безымянный автор заметки в «Русском архиве» (1903) пишет о нем: «избалованный чрезмерным богатством, он славился весьма крутым нравом». В оценке Тургенева отразилось и неприязненное отношение к Демидовым флорентийской и парижской знати, вызванное непомерным их богатством и шумной жизнью в «сиявшем золотом и живописью феерическом Сан-Донато».

Современники вспоминают, что Павел Павлович имел «очень изящную наружность», отличался «классически правильными чер-

тами» и «обаятельным выражением лица», в то время как Анатолий Николаевич «поражал грубой, почти уродливой наружностью». О Павле Павловиче остались воспоминания как о человеке довольно симпатичном. Например, И. Захарьин писал: «При колоссальном богатстве этот чисто-русский человек был в то же время очень добрым, доверчивым и крайне ленивым человеком». Как о до-

бром и симпатичном человеке вспоминает о нем и Е.А. Нарышкина.

Павел Павлович Демидов много жертвовал. На стипендии студентам медицинского факультета Киевского университета он дал 25 200 р., ежегодно выплачивал С.-Петербургскому университету по 3000 р. на подготовку молодых людей к получению высших ученых степеней. На его

средства издавалась газета «Россия» и т.п.

Широко известная благотворительность Демидова и навела И.С. Тургенева на мысль обратиться к богачу с письмом о помощи экспедиции Н.Н. Миклухо-Маклая. Письмо однако не было написано, так как писатель узнал, что Павел Павлович не может простить ему обиды.

Н. Тагил.

Искусные ювелиры и гранильщики могут изготовить не только перстень, кулон или ожерелье, но и воспроизвести букет цветов, звонкий фонтан, капли росы, фантастических насекомых. А российские мастера из драгоценных камней сделали географическую карту.

Вот что писали газеты в начале 1937 года.

«В старинном корпусе Свердловской гранильной фабрики склонились над станками ветераны гранильного дела, опытные мастера. Они работают над созданием чудесной карты...

Под искусными руками гранильщиков оживают рубины, алмадины, аметисты, изумруды, топазы, аквамарины, золотистый и дымчатый горный хрусталь. Ложатся на столы выточенные из этих драгоценных камней сотни треугольников, квадратов, эллипсов, ромбов, прямоугольников. Территория СССР будет выложена на карте богатой оттенками яшмой, нежно-розовым родони-

Спартак АХМЕТОВ САМОЦВЕТНАЯ КАРТА

том и светло-зеленым амазонским шпатом. Карта займет около восемнадцати квадратных метров...

Тысячи камней будут сверкать всеми цветами радуги. Старейшие мастера Воронов, Фролов, Боровский, Нехорошков, Китаев, Овчинников, Зверев, Ожигбесов вкладывают в гранение камней все свое умение...

Огромная тончайшая работа! Каждый рубин обтачивается на трех дисках и получает 57 граней. Сейчас уже готовы 2500 камней. Осталось обточить еще около 1200 камней».

Ограненные камни были переданы лучшим ювелирам и художникам Ленинграда, которые, словно мозаичную картину, сложили огромную карту страны.

Карта получилась впечатляю-

щей. Голубыми огоньками аквамаринов проложен Северный морской путь. Предприятия нефтяной промышленности обозначены сотнями камней дымчатого хрустала. На местах электростанций зажжены темно-вишневые алмадиновые треугольники. Яркими рубинами круглой формы отмечены металлургические заводы, рубинами в форме эллипсов — заводы цветной металлургии, рубиновыми треугольниками — машиностроительные заводы. И снова вспыхивают на карте ограненные гранаты-алмадины. Предприятия химии — алмадиновые ромбы. Донбасс, Кузбасс и другие угольные бассейны — алмадиновые квадраты.

Карта с большим успехом демонстрировалась на Всемирной парижской выставке в мае 1937 года. В последующие годы она хранилась в Эрмитаже и непрерывно пополнялась новыми данными.

*г. Александров,
Владимирской обл.*

Аман ДАВЛЯТШИН

МОЙ ШОЛОХОВ

24 мая исполняется 80 лет со дня рождения М.А. Шолохова

ЗНАКОМСТВО

Хрущевский реформаторский бум достал и меня. И подарил счастье общения с великим писателем. На Дону, как и по всей стране, начали создаваться производственные управления, объединяющие несколько районов. Вместо районных утверждались газеты управлений.

Редактором районной газеты я успел поработать в Белой Калитве всего восемь месяцев. Поэтому приготовился вернуться к своей основной профессии учителя русского языка и литературы. Но вдруг узнаю: я удостоен чести стать редактором одной из тринадцати управленческих газет Ростовской области.

Нас, счастливицков, готовили к новой должности по всем правилам номенклатурного этикета. Даже возили в Москву показать в ЦК. В станицу Вешенскую, отныне объединяющую четыре бывших района Верхнего Дона, намечалось направить одного из многоопытных редакторов. Но он взмолился:

— Куда угодно, но только не в Вешки! Боюсь...

Посмеялись над его страхами и предложили Вешенскую мне. Я согласился с радостью. На другой день нас утвердили на бюро обкома партии. Первый секретарь обкома спросил меня:

— А вы отдаете себе отчет, куда едете?

— Думаю, что отдаю, — я литератор по образованию.

— Знаю. Но я не о том. Есть Москва, потом Вешенская. Лишь после Вешек — Ростов-на-Дону. Вы поняли меня?

Ответил, что понял. Но все оказалось гораздо сложнее. И интереснее. Полтора года, проведенные рядом с Михаилом Александровичем Шолоховым, в общении с ним, — лучшие годы в моей жизни.

После бюро звоню Маяцкому, представляющему партийную власть в новом административном правлении:

— Петр Иванович, бюро обкома утвердило меня. Вылетаю!

— Не спеши, — отвечает он. — Сиди возле телефона и жди звонка.

— Что это значит?

— Разговор не телефонный. Потом все узнаешь.

Жду день, жду другой. На третий, наконец, звонок:

— Вылетай.

Аэродром расположен в станице Базковской, на правом берегу Дона. А Вешенская — на левом, лесистом. Маяцкий ждал меня.

— Петр Иванович, что случилось?

— Заковыка небольшая вышла. Месяц назад первого секретаря райкома перевели в Ростов. Прислали сюда

меня и начальника управления. Случилось так, что мы все трое — украинцы. «Одного хохла забрали, а двух хохлов прислали», сказал мне Шолохов, явно недовольный. Вот я и подумал: что же он скажет, когда узнает, что редактором едет татарин? Я три дня искал момент, чтобы сказать о тебе и заручиться его согласием. Теперь все улажено.

Думаю, тут напрасно Маяцкий приписывает Шолохову национализм. Видимо, дело в другом — в том, что член ЦК, коим Шолохов был многие годы, хотел, чтобы все новые назначения в Вешенскую предварительно согласовывались с ним.

— Сегодня вечером Шолохов ждет тебя в гости — на «малый хурал». Так у него принято называть узкий круг гостей, с которыми он отмечает праздники. Ну как, не боишься предстоящей встречи? — спросил Маяцкий.

— Вы задаете такой вопрос фронтовику?

Все же Маяцкий в этот вечер подстраховывал меня. Зашел за мной в гостиницу. Заставил съесть «живьем» граммов сто сливочного масла, чтобы меня не развезло от водки, которую обязательно заставит выпить хозяин дома.

— Ну, а если бы я оказался человеком непьющим?

— Таких Шолохов не принимает.

Предупреждение первого секретаря обкома, таким образом, с самого начала, еще до встречи с писателем, начало наполняться для меня довольно оригинальным содержанием.

Итак, 30 апреля 1962 года, накануне 1 Мая, в сопровождении партийного босса Вешенского производственного управления, занимающего территорию европейского государства средней величины, переступаю порог дома великого советского писателя, лауреата Ленинской и Нобелевской премий. Факт в моей жизни исторический.

Навстречу нам выходит более седой и более худощавый, чем давно знакомый по портретам, Шолохов. С приветливой домашней улыбкой обнимает меня и троекратно целует крест-на-крест. Берет под руку и ведет к накрытому столу. Сажает рядом с собой, с левой стороны. При этом он говорит, обращаясь то ко мне, то к Маяцкому, то к другим гостям что-то будничное, расхожее, доброжелательное, что не сохраняется в памяти. Сочинять же ничего не хочу.

А вот что последовало далее, запомнил хорошо.

— Давай-ка выпьем для знакомства. И сразу до дна, — говорит Шолохов спокойно, продолжая улыбаться. И наливают в свою небольшую рюмочку шампанского, а в мой тонкий 250-граммовый стакан — водку из бутылки с золотыми медалями.

Он свою рюмочку выпил наполовину. А я опрокинул стакан, как советовал Шолохов, до дна. Притом с удовольствием — водка была почти сладкая, с приятным пшеничным душком. Таких в продаже у нас никогда не бывало. Закусил горячим мясом и приготовился к беседе, которая заранее представлялась мне высшим пиком в моей биографии.

— Нет. Еще по одной. Тогда и разговор пойдет полнее, — говорит Шолохов так же буднично. Процедура повторяется в точности.

— Значит, ты татарин? — спрашивает Шолохов неожиданно.

— Да, татарин.

— А почему ты живешь и работаешь не в Казани, а приехал учить уму-разуму нас, казаков?

— А я, Михаил Александрович, везде свой — и в Свердловске, и в Ростове, и в Вешенской. А в Казани и не бывал. Семьдесят процентов татар живут за пределами своей республики, среди русских. Я, Михаил Александрович, советский человек!

Он чуть подумал, как бы осмысливая мои слова. Спросил:

— А как ты относишься к Мао Цзедуну?

Отношения с Китаем тогда начали осложняться. Вопрос, видимо, подсказали и монголоидные черты моего лица. Не учитывая всей ситуации и желая блеснуть эрудицией перед великим человеком, я вдохновенно пустился рассуждать на немного знакомую мне тему об особенностях восточной и западной философии, о приоритете Абсолютного в первой и Личности во второй. Видимо, гости начал зевать от моих тирад. Зацепившись за имя Фрейда в моей речи, Шолохов прервал меня:

— Я тоже однажды пытался почитать его. Еще молодым, когда приехал в Москву. Помусолил несколько страниц и бросил. Не полезло в голову. И больше не заглядывал. Да и вообще, давай-ка сегодня отставим эту тему. Как-нибудь в другой раз продолжим. А то, видишь, гости заскукали.

Так я вписался в шолоховский круг. Почему-то с тех пор Михаил Александрович ко мне обращался не иначе, как «мой татарин», не испрашивая на то моего согласия, и считал нужным объявить, чтобы на столе была баранина, когда я у него в гостях.

КАЗАК ДО МОЗГА КОСТЕЙ

Написал так и сразу спохватился: ведь в жилах Шолохова нет и капли казачьей крови. Мать его украинка, а отец — иногородний «кацап», как в бытовой речи украинцы и казаки на Дону называют русских из сопредельных областей. В одном из учебников по литературе для средней школы напечатано, будто мать писателя казачка. Таким малопочтенным приемом не решается, а снимается вопрос о том, какими судьбами забросило украинскую дивчину в донские степи.

Да, по родителям Михаил Александрович не казак. Но вместе с тем в своих произведениях он, и только он, из всех писателей советской поры с бесстрашной правдивостью и непревзойденной художественной мощью отразил судьбы донского казачества...

О Шолохове и его произведениях столько написано, столько снято художественных и документальных филь-

мов, поставлено спектаклей, — что едва ли хватит жизни, чтобы с ними хотя бы познакомиться. Большинство из них достаточно объективно и, главное, добросовестно отражают творчество певца казачьего Дона как качественно новое явление в истории человеческой культуры. Но есть и оскорбительные наветы, о чем речь еще впереди. Встречаются и безудержные славословия по поводу всего, что вышло из-под пера писателя. Об одной из таких проделок донского тоже-писателя невысокого полета, как мне рассказывал очевидец, Михаил Александрович выразился так: «Обсыпал всего меня сахарной пудрой, да еще сам же облизал».

Для таких узколобых фанатиков культа Шолохова (а их немало) мои воспоминания, уверен заранее, покажутся кощунственными. И они не преминут выплеснуть свое возмущение. Не пугаясь их реакции, а ради истины я признаюсь, что до встречи с писателем тоже был изрядно заражен подобным фанатизмом, идеализированно и потому обедненно и неверно представлял великого человека.

Что же прежде всего и больше всего меня поразило в облике и характере Шолохова? То, что он не только отлично знал историю, быт, культуру, привычки и нравы казаков — он сам органически жил в стихии культуры и быта казачества. Не как влюбленный и заинтересованный, но все же внешний наблюдатель — он жил самой активной и деятельной жизнью казаков, способствовал сохранению и совершенствованию их культуры.

Он превратил глубинную, захолустную станицу в культурный центр, в определенном смысле более значительный, чем областной.

Другая особенность Шолохова, пожалуй, вытекающая из первой, — поразительное сходство со своим (да и нашим) любимым героем Григорием Мелеховым. Непокорный нрав, повышенное чувство собственного достоинства, бесстрашие перед лицом опасности в сочетании с душевной отзывчивостью, магнетической властью над людьми, эмоциональной взрывчатостью и отходчивостью... Впрочем, едва ли можно перечислить все качества личности Шолохова, так великолепно выраженные в «Тихом Доне». Этот букет человеческих качеств я бы назвал атаманским букетом. Разве в известных нам донских атаманах, начиная от Степана Разина, они не выразились так же ярко, как в Григории Мелехове?

Партийно-административное руководство Вешенского района, глубоко загнипнотизированное магнетизмом личности Шолохова, порой с неумеренным усердием поддерживало исходящий от него культ казачества со всеми его достоинствами и... как бы сказать помягче, передержками, что ли. И мне пришлось испытать на себе, порой буквально, эти моменты.

На втором или третьем «малом хурале», осовевший после плотного ужина и обильного возлияния, я уже мечтал как бы скорее отправиться восвояси и завалиться спать. Но один из гостей предложил:

— А не перекинуться ли нам в дурачка?

Предложение было поддержано. Огромный овальный обеденный стол быстро освободили, произошло перемещение стульев. И по разные стороны стола оказались пятеро, в том числе и Шолохов. На мой недоуменный вид (считается, что в дурачка играют партия на партию, четное число игроков) мне объяснили, что в этом доме при-

нято играть впятером и дураком оставлять одного, которому потом избирают наказание.

Я насторожился и, кажется, даже потрезвел. Но в первую партию дураком общими усилиями оставили одного из секретарей райкома. Посыпались предложения:

— Пусть покуражится!

— Нет, пусть пролезет под столом. А мы будем его пощипывать! Это же наш коронный номер!

Остановились на «коронном». Все поднялись со своих стульев. А «дурак», приличного, интеллигентного вида и не первой молодости, опустился на четвереньки и полез между двумя массивными точеными ножками стола. И как только человек оказался под столешницей, все, как по команде, присели на корточки и начали дружно щипать бедолагу...

Конечно же, на второй раз дураком оставили меня. И я стоически перенес «коронную» экзекуцию — орал самозабвенно, чем угодил почтенной компании. И странно, не почувствовал никакой обиды или оскорбления. Просто я был главным героем шутовского действия и неплохо выполнял свою роль. А ведь тот, многоопытный редактор, который не захотел ехать в Вешки, был не дурак. Но, может быть, глупо все время быть умником?

Однажды остался дураком Шолохов, хотя все участники игры очень старались оставить другого. Ситуация смутила всех. Стали уговаривать писателя не лезть под стол — это могло ему повредить (Шолохову было уже 57, и он страдал от приступов астматического кашля). Однако он категорически заявил:

— Нет, ребята, как все, так и я. Только об одном вас попрошу: не надо меня щипать. Ведь я никого из вас не щипал.

И грузно полез под стол. Что-то долго там ворочался и вылез из другого конца весь вспухший, багровый и трудно закашлялся. Мы все чувствовали себя очень неудобно. А он не поднимал глаз и постарался поскорее замять незапрограммированный оборот шутовского действия.

Мне казалось, что на ползании под столом процесс моей адаптации среди казачества Верхнего Дона завершился. Но я ошибался. Маяцкий где-то через полмесяца-месяц полусерьезно-полушутя уведомил меня, что я уже готов к приему в казаки и церемония скоро состоится. На мои недоуменные вопросы он терпеливо разъяснил: на казачьих землях не казак не может занимать серьезных постов. Здесь так принято.

Я не стал возражать. Ведь в конце концов и само слово «казак» по-тюркски (прямая речь татар) означает вольный человек, и хутор Мелеховых назывался Татарским, и бабкой Григория была турчанка. Да и многие бытовые слова у казаков имеют татарское происхождение — лошадь, башлык, бахча, балык. И донские степи — извечная родина тюркских племен. Не возвращает ли меня история на круги своя?

Правда, условия испытания оказались довольно жесткими: за вечер выпить литр водки и потом пройти, не «ворохнувшись», по одной половине. Церемония должна была состояться в банкетном зале ресторана при гостинице. Присутствовали человек десять высших вешенских чинов (Шолохова не было). Я опять «живьем» съел масла, прикинулся простаком, просил ветеранов-казаков показывать новичку пример и усердно закусывал. И выполнил условие...

Я знаю: в моих записках читателя покоробит назойливое присутствие возлияния. Но прошу учесть, что для меня эта традиция была не только непривычна, но и прошла по мне увесистым катком.

Однако было бы неверно делать вывод, что эта традиция шла от Шолохова. Она была более древняя. Писатель сам оказался ее жертвой. Я с ужасом думал, что будет со мной, если я проживу в Вешках лет десять. А каково было ему, проведшему здесь всю жизнь!

Простой казак не имеет возможности пить часто. Но никогда не упустит возможности, если она появилась. Защитой от пагубного влияния алкоголя для него является и ежедневный физический труд. Но интеллигенту с более тонкой организацией психики и недостаточной физической нагрузкой частые возлияния просто пагубны. А традиция, как правило, действует без разбора...

ФАКТЫ И МИФЫ

Часто встречаясь с Шолоховым в неофициальной обстановке «малого хурала», мы, своеобразная вешенская элита, привыкли в какой-то степени к непринужденному общению с ним. Я сейчас в точности не припомню, какие вопросы, в какой последовательности и кем задавались. И едва ли такие подробности имеют значение. Но хорошо запомнил смысл и даже словесное оформление ответов.

— Не клеится у меня с романом «Они сражались за Родину», — как-то серьезно признался нам Шолохов. — Тот материал, который у меня есть, не ложится в роман. А насиловать себя я не умею. Какой же материал, вы спрашиваете? Понравился мне один капитан, командир роты армейских разведчиков. Герой Советского Союза. Две недели я у них прожил. Перезнакомился с ребятами. Орлы! Они меня даже за линию фронта сводили. Садись и пиши! Только капитан-то бывший вор-рецидивист. Вот откуда у него мастерство разведчика!

Кто теперь скажет, один ли капитан-рецидивист застрял за порогом романа? Говорили, будто писатель в рукописи романа употребил выражение «великий Сталин», а в ЦК посоветовали убрать его. Шолохов — на дыбы! Мы не знаем, в каком контексте появился Сталин. В ЦК существовала целая шолоховская группа, она вела дела писателя. Видимо, перед тем, как давать «добро» на публикацию, рукописи Шолохова прочитывались в ЦК. Чинovníкам, конечно, не было дела до тонкостей текста и контекста. Подобно флюгеру, они держали нос по ветру. А для Шолохова такое поведение партийных цензоров, уверен, было, что нож в сердце.

Кстати, о сердце. В свое время очень назойливо цитировались слова Шолохова: мы, мол, советские писатели, пишем не по указке партии, а по велению сердца. А сердца наши принадлежат партии. Эти шолоховские слова, видимо, надо понимать как тягостную дань всесилю временщиков, характерную почти для всех исторических эпох. Вспомним и Некрасовское: «Не торговал я лирой, но бывало, Когда грозил неотвратимый рок, Неверный звук из лиры исторгала Моя рука. Давно я одинок...»

По-моему, Шолохов тоже был очень одинок. Даже вдвойне одинок. Прежде всего, одиночество вообще удел по-настоящему великих, потому что они знают то, о чем не ведают простые смертные. Недаром же сказано: во многих мудрости много печали.

В условиях идеологического диктата творческое одиночество Шолохова приобретало еще и дополнительной оттенок. Во время одного из застолий, когда мы все, да и Шолохов были уже крепко «на взводе» и не было единой нити в разговоре, он как-то без выраженного повода, негромко и не совсем внятно произнес выражение «вешенский узник» применительно к себе. Думаю, что многие из гостей не услышали его, а слышавшие не придали значения. Но меня его слова словно током поразили. И сразу в один ряд выстроились некоторые факты и наблюдения, которые до сих пор в моей памяти присутствовали отрывочно, вразброс. Как-то на «малом хурале» присутствовал председатель колхоза «Тихий Дон», расположенного в Базках. Он не был постоянным гостем Шолохова. Кто-то обмолвился, что в народе ходит мнение, будто на счете писателя в банке лежат миллионы. Не отвечая прямо на щекотливый вопрос, Шолохов спросил у председателя, с какой прибылью хозяйство закончило прошлый год. Тот назвал сумму в миллион с лишним. Примерно столько же заработал Советский Союз от последней публикации «Тихого Дона» в одной из латиноамериканских стран, сказал Шолохов. Но на мой счет от гонорара не поступило и гроша.

Дело в том, что в те годы Советский Союз не признавал международной конвенции по авторскому праву, и весь гонорар от зарубежных публикаций наших писателей шел на счет государства. Это было одно из немаловажных звеньев «железного занавеса». А Шолохов в последние несколько десятков лет не издавал крупных новых произведений и, естественно, не имел больших гонораров. Для него все же было сделано исключение — установлен открытый счет. Он мог в банке брать денег столько, сколько ему нужно. Конечно, он брал во много раз меньше того, что фактически «зарабатывал» на переизданиях за границей. Могут сказать: так бери, сколько хочешь! Разве это плохо?

Думается, необходимость каждый раз обращаться в банк не за своими кровными деньгами, а за разрешением брать у государства, далеко не одно и то же. И для Шолохова эта процедура не могла быть не унижительной. Тем более, что были и другие сомнительные «привилегии», стоящие на грани унижения. Так, его личный секретарь (бывший контрразведчик) содержался за счет штатов газеты «Правда», за что Шолохов был вынужден принять обязательство не делать новых публикаций нигде, кроме «Правды».

А ведь настоящий художник может создавать полноценные произведения лишь в состоянии полной свободы от внешнего давления. Такой свободы у Шолохова не было. Отсюда — попытки найти забвение от тягостного душевного состояния в парах алкоголя, в хозяйственных заботах, в экстравагантных привычках и выходках, нередко шокирующих обыденный вкус среднего интеллигента.

Расскажу еще об одном эпизоде...

В начале 60-х годов кому-то в «верхах» пришла мысль разделить Ростовскую область на две, выделив на севере Каманскую область. Идея сама по себе разумная, если учесть размеры территории, включающей к тому же различные природные зоны. Но разумная идея требует и разумного метода решения. А не так, как стало правилом для наших властей, — аврально-революционно.

Не знаю, обговаривалась эта идея с Шолоховым или нет, но совершенно ясно: он не мог ее одобрить. Для него

донской край представлял нечто цельное и неделимое.

Так или иначе, но разделение области состоялось. Первым секретарем Каменского обкома партии был назначен известный партократ, фамилии которого я не буду называть. До того Шолохов с ним едва ли был знаком. Решив познакомиться хотя бы по телефону, он поднял трубку. Представившись, спросил, как идут дела в ново-рожденной области. Секретарь ответил, что дела идут нормально и попросил Шолохова не беспокоиться о них. Как-нибудь, мол, справимся с делами. А вы, дорогой Михаил Александрович, не отвлекайтесь, пишите свои романы.

— Мудак! — сердито буркнул Шолохов и положил трубку. И больше ее не поднимал, несмотря на настоячивые звонки.

Глубоко оскорбленный, первый секретарь пожаловался Хрущеву.

— Сколько у нас в Союзе областей? — спросил почему-то Никита Сергеевич. Получив правильный ответ, продолжал: — А сколько у нас в стране Шолоховых?

— Ну, конечно, он один, но...

— Так вот, дорогой, сегодня же езжай к Михаилу Александровичу и попроси у него извинения за свою бестактность. И будем считать, что вы ко мне не звонили.

Какая же бестактность...

Но Хрущев тоже положил трубку.

Пришлось партийному боссу ехать на поклон к оскорбленному его Шолохову.

Тот принял его, хотя такой чести удостоивался не каждый жаждущий встречи. Так в бытность мою в Вешенской приезжал, желая увидеть Шолохова, ленинградский композитор Дзержинский, автор оперы «Тихий Дон». Прожил он в гостинице с неделю, если не больше, но как помнится, так и не был принят писателем. Причиной тут была принципиальная: опера заканчивается бравадно-оптимистической сценой, что было чуждо всему духу романа.

Много посетителей надоедало Шолохову мелкими просьбами. Их Шолохов не жаловал. Помню, как разговаривал он с соседом, пришедшим к нему с просьбой помочь достать шифер для крыши. Видимо, сосед обращался не впервые, и тоже с нуждами, с которыми каждый хозяин справляется сам. Меня поразили глаза Шолохова, обычно излучающие радушие. На соседа смотрели совсем другие глаза — колюче-льדיстые. Но все же Шолохов и на этот раз пообещал соседу позвонить председателю райпотребсоюза.

Еще один случай такого же рода. Как-то пришлось мне вместе с Шолоховым вылетать в Ростов на четырехместном воздушном такси чехословацкого производства. Я сидел сзади один на двухместном сиденье, а Шолохов — рядом с летчиком. Он рассеянно просматривал небольшую книжку в мягкой обложке. Когда набрали высоту и вошли в спокойный горизонтальный полет, летчик заговорил. Он просил Шолохова оказать содействие в улучшении жилищных условий родственницы, кажется, сестры. Выслушав его, Шолохов отложил книжку на сиденье рядом с собой и ответил довольно сухо:

— Я попросил бы хоть близких мне людей не надоедать мелочными просьбами.

Дальше до Ростова мы летели молча. Шолохов не брал в руки книжку. Видимо, холодная фраза стоила ему

недорого. После посадки он отвел меня в сторонку и спросил, не найдется ли у меня пятерки. Она нашлась. Шолохов поблагодарил летчика и вручил ему пятерку. На бутылку коньяку, сказал он.

Думаю, такие мелкие эпизоды, в том числе и с первым секретарем недолго просуществовавшей области, оставляли в его душе тяжелый осадок, усугубляя некомфортное состояние «вешенского узника».

НОЧНЫЕ БДЕНИЯ

Я узнал Шолохова уже тяжело больным. Выше говорилось об изнурительном астматическом кашле, который часто досаждал ему. Еще более тяжкими, по-видимому, были запои. О них не принято упоминать. Их старались по возможности скрыть от постороннего взгляда. Но это не всегда удавалось. Отчасти и потому, что Шолохов, будучи внутренне одиноким, в то же время не выносил одиночества.

Во время обострения болезни он еще и не мог спать. Бессонница продолжалась, как доходило до нас, неделю, а то и более, вконец изнуряя его. И не только его. Во время бессонницы у него появилась привычка поднимать с постели более близких ему людей и приглашать их к себе домой. Об этом я узнал внезапно. Среди ночи меня поднимает с постели телефонный звонок:

— Это ты, мой татарин?

— Я, Михаил Александрович.

— А ну топай ко мне, да побыстрее!

Глянул на часы — без пятнадцати три. В три я уже был у него. Меня весело встретил «малый хурал».

— Штрафную ему! — требуют хором.

Подчиняюсь. И скоро вхожу в общую струю. Разговоры вольные — на грани приличия. Остроумие — на том же уровне, с эротическим подтекстом. Кажется, я еще не говорил, что в «малом хурале» женщин не было. Рассказывали, один известный ростовский поэт по приглашению приехал к Шолохову с «племянницей», но тут же был выставлен за дверь.

— Кто следующий рассказывает? — спрашивает Шолохов.

— Маяцкого очереди!

Узнаю: в прошлую ночь по желанию Михаила Александровича договорились, что каждый гость рассказывает что-то интересное и наиболее значительное из своей жизни. Рассказ Маяцкого и на меня произвел не столько интересное, сколько жутковатое впечатление.

Петр Иванович Маяцкий, главный наш партийный шеф в станице Вешенской, был во многом типичный фронтовик, принесший в партийную жизнь дух боевого товарищества и некоторой доли бесшабашности. Он начал войну моряком, а закончил военным диверсантом.

Однажды с группой товарищей он получил задание ликвидировать под Кенигсбергом одного фашистского генерала, особенно лютовавшего в Прибалтике в отношении с военнопленными и гражданским населением.

— И как вы его ликвидировали? — спросил Шолохов, внимательно слушавший Маяцкого.

— Поднимать же шум нельзя было. Вырезали.

— Вырезали, значит, всех?

— Да. — Ответил Маяцкий, мрачней и понимая, что его рассказ расстроил Шолохова.

— И кто же тебе достался, Петро?

— Мне досталась старуха.

— И как же ты ее резал, Петро?

— Известным приемом. Снизу и в сердце. Чтобы нож не застревал между ребер.

— Чтобы нож не застревал между ребер, — повторил Шолохов вроде бы машинально, будто думая о чем-то своем, очень важном. И вдруг вспылил: — Да тебя, Петро, не партийной организацией руководить, а под мост с ножом ночью, чтобы старух резать!

Шолохов сильно разозлился. Мы подавленно молчали. Закончился этот ночной прием тем, что хозяин — хочет спать. И отпустил нас. Мы разошлись молча и невесело. Ночных звонков больше не последовало. Говорили, что запой прошел, и Шолохов перешел на простоквашу.

К сожалению, не только пьяный ночной треп, но и многое другое, к чему я тщательно готовился в своих отношениях с Михаилом Александровичем, не состоялось. И, видимо, не могло состояться. Жизнь Шолохова гораздо раньше, чем моя, разворачивалась в совершенно иной плоскости. И пересечение наших плоскостей, без сомнения, оставило очень мало впечатлений у большого писателя, обремененного ранней славой и более поздними горестями и разочарованиями, которых большинство окружающих не видело или делало вид, что не замечает за установившимся иконописно-плакатным образом цельнопартийного классика социалистического реализма.

ШОЛОХОВ И СТАЛИН

Миф о том, что Шолохов не захотел убирать выражение «великий Сталин» из своего романа «Они сражались за Родину», с одной стороны. И «вешенский узник» — с другой. Не противоречат ли они друг другу? Уверен, что логического противоречия тут нет. Есть сложность, противоречивость во взаимоотношениях между ними — Шолоховым и Сталиным.

Давно известны публикации о переписке Шолохова со Сталиным. В годы сплошной коллективизации Шолохов смело говорил Сталину о перегибах, приведших к голоду на хлебном Дону. И «великий вождь» был вынужден реагировать на некоторые обращения писателя.

Но целый ряд драматических моментов во взаимоотношениях «вождя» и «узника» до сих пор неизвестны широкому кругу общественности. Об одном из таких эпизодов и пойдет речь. Еще в 60-е годы о нем рассказал партийному активу Ростовской области известный исследователь эпопеи «Тихий Дон» журналист, а позже доктор наук К. Прийма (носивший у Шолохова кличку Кубанец). Я был на этом активе и рассказ Приимы запомнил примерно так.

По приказу небезызвестного Ежова ростовское областное управление НКВД подготовило материал для ареста Шолохова. Он обвинялся в подготовке антисоветского восстания на Дону. Был назначен день ареста, место, где будет проведен первый допрос.

Но тщательно подготовленная акция сорвалась.

Ночью перед днем ареста до Вешенской тайком добрался заместитель начальника НКВД области и рассказал Шолохову о готовящейся акции. Еще до рассвета они вдвоем добрались до ближайшей железнодорожной станции Миллерово (около 100 километров) и первым же пас-

сажирским поездом выехали в Москву. В Москве пришли на квартиру к Ворошилову. Шолохов потребовал встречи со Сталиным. И она состоялась через несколько дней. Кроме Сталина, Ворошилова, Шолохова и заместителя начальника НКВД по Ростовской области, присутствовал и Ежов, нарком внутренних дел, главный организатор массовых репрессий в 1937 и 1938 годах.

Сталин долго и внимательно выслушивал обе стороны и возникшую между ними перепалку. В заключение, после выразительной паузы, Сталин сказал:

— Я больше верю товарищу Шолохову, чем товарищу Ежову.

Шолохов вернулся в Вешенскую как будто реабилитированный и даже обласканный. Но его не могла не настроить форма реабилитации: больше верить, меньше верить — оставляющая место для недоверия к нему. Можно предположить, что к чувству благодарности Сталину примешивалась и неуверенность в окончательном характере реабилитации. Шолохов не мог не знать и садистской привычки Сталина «поиграть» с очередной жертвой, перед тем как ее ликвидировать. Отсюда приходит и мысль — не являлись ли данью деспоту ускорение работы над «Поднятой целиной» и название колхоза — имени Сталина — в хуторе Гремячий Лог?

Если даже так, это было лишь тактическим маневром, но не признанием власти Сталина над собой. У нас нет оснований сомневаться в том, что и перед лицом смертельной опасности Шолохов не изменил своему характеру. А если так, то что мешает нам предположить, что и отставание выражения «великий Сталин» — поведение истинно большого художника, понимавшего многоплановость и противоречивость личности Сталина, а не одноклеточного фанатика-идеолога, признающего лишь черноту белых оценки «да» и «нет»?

Тем более не по зубам оказалось приручение Шолохова последующими «верными ленинцами». Хрущев относился к Шолохову очень благосклонно, почти любовно, запросто приезжал к нему в гости. Но это был тот же старый прием приручения свободного художника лишь с изменением акцента с кнута на пряник. Но на Шолохова не действовал и пряник. И он не захотел в крикливой и шумной свите сопровождать Хрущева в поездке в Америку. А когда в узком нашем кругу кто-то спросил его об отношении к еще «царствовавшему» Хрущеву, он немного подумал и ответил с усмешкой:

— Мой лучший друг Никита был бы совсем хорош, если бы не его серьезная болезнь — понос слов.

Надеюсь, нет необходимости комментировать эти слова.

Когда свергли Хрущева, Шолохов охотился на севере Казахстана. Узнав новость, как рассказывают, приехал в Москву и прежде всего к Брежневу с претензией:

— Что же вы тут без меня дворцовые перевороты устраиваете?

Брежнев, естественно, пустился в объяснения и под конец, не смея советовать, спросил, как теперь Шолохов будет относиться к Хрущеву. Тот будто бы ответил:

— Если Никита Сергеевич захочет еще раз приехать в Вешки, встретим его радушно, но без почестей для главы партии и государства.

Видимо, такой ответ удовлетворил Брежнева, который не мог рассчитывать на особую благосклонность писате-

ля. тема о приезде Брежнева в Вешки, надо полагать, не обсуждалась, так шли по нисходящей отношения Шолохова с нашими вождями-временщиками.

ВОКРУГ «ТИХОГО ДОНА»

Было бы неискренне, если бы я обошел эту тему — об авторстве Шолохова. Ее раздувают давно и наши, и закордонные ученые и околонуточные круги.

Конечно же, мы, члены «малого хурала», никогда, даже намеком, не касались этой темы, и не только в присутствии Михаила Александровича, но и в разговорах между собой. Это было своеобразное табу в шолоховском кругу. Но тем более сгустились в атмосфере нечистые пары этой темы... Этого не мог не чувствовать и Шолохов. Не потому ли он однажды бросил несколько многозначительных фраз без особого повода. Он сказал так:

— Когда в Москве был опубликован мой сборник рассказов, их внимательно прочитал тесть и сказал: «Миша, не о том ты пишешь».

Нет, Шолохов не говорил далее, что его тесть тем самым подтолкнул его к замыслу «Тихого Дона». Но недосказанная мысль подразумевалась, по-моему, сама собой.

Так мы подходим к не обсуждавшемуся до сих пор вопросу о роли в замысле и создании «Тихого Дона» тестя Шолохова, известного на Верхнем Дону атамана Петра Громославского. Впоследствии Громославский жил в семье Шолохова, ведя его хозяйство.

Если говорить откровенно, первые рассказы Шолохова и «Тихий Дон» — далеко не одноуровневые вещи. В первых — еще не определившийся молодой писатель с ограниченным жизненным и художественным опытом. А во втором мы встречаемся с автором качественно нового уровня. В чем дело? Недоброжелатели Шолохова всех мастей и масштабов кивают на творчество Крыкова, известного в свое время на Дону прозаика, умершего в годы гражданской войны, да еще на Родионова.

Бездоказательные домыслы, к сожалению, имеют хождение до сих пор. В этой ситуации гипотеза, скажем так, об особой, еще не оцененной роли Громославского в становлении таланта Шолохова является новым подтверждением уже научно доказанной истины: Шолохов — автор «Тихого Дона», и сомнения на этот счет беспочвенны. Да, ранние рассказы и «Тихий Дон» писались разными авторами в смысле различного уровня таланта и опыта. Но не было, однако, двух различных физических авторов. Был один стихийно талантливый молодой автор, столь быстро раскрывающий свое дарование, что это многим не укладывалось в голову. Бурные потрясения того времени, нечеловеческое напряжение душевных сил самого писателя, пораженного трагической судьбой донского казачества в период революционной ломки вековых общественных устоев, живое общение с живым представителем потомственного казачества Громославским (формы и детали этого общения еще предстоит установить), — все это вместе взятой было теми дрожжами, на которых скачком бурно вызревал талант Шолохова.

Центральным героем «Тихого Дона» является образ Григория Мелехова, в котором писатель запечатлел, как уже говорилось выше, многие черты своего характера. Но был и другой прототип Григория — базковский казак Хар-

лампов Ермаков, участник вешенского восстания против репрессивной политики советских властей в отношении казачества. Человек трагической судьбы. Дочь Харлампия всю жизнь учительствовала в Базках. А сына его звали Иосиф. Этот Иосиф был самый настоящий босяк и пропойца. Несколько раз его пытались отдать под суд. Но каждый раз Шолохов отводил от его забубенной головушки карающую длань правосудия. Но в последний раз, улучив момент, когда Шолохов отлучился на неделю, все же законопатил Иосифа на несколько лет. За что, спросите? В Базках под утро он разбил дверь пивного ларька, выкатил бочку и начал бесplatно угощать пивом всех жаждающих. С тех пор судьба Иосифа Ермакова мне не известна.

Раз уже мы заговорили о прототипах шолоховских героев, должен отметить, что станица Вешенская, окрестные станицы и хутора — места основных действий «Тихого Дона» — довольно густо были населены и прототипами других героев эпопеи. С одним из них мне довелось даже встретиться. Как-то Шолохов попросил меня срочно съездить в станицу Еланскую, километрах в десяти от Вешек, и повидать старика Оводова. Он назвал и его имя-отчество, но сейчас я уже не припомню. Ведь прошло с тех пор уже более тридцати лет. До Шолохова дошли вести, что старик бедствует. Надо узнать, чем ему можно помочь. Ведь Оводов один, если не единственный оставшийся в живых из 25 еланских коммунистов, замученных озверевшей толпой казаков и их родни по дороге из Усть-Хоперской станицы до Вешенской. Оказывается, это наиболее трагический эпизод в «Тихом Доне» взят из действительной истории гражданской войны...

Заканчивая разговор о «Тихом Доне» и его истоках, не могу не затронуть еще одну важную, но деликатную тему. В нашей редакции я часто видел щуплого, подвижного старика с живыми, умными глазами, который с сотрудниками держался запросто, как хороший знакомый, но ко мне, редактору, не заходил и не представлялся. В неофициальной обстановке как-то я поинтересовался, кто этот старик. Мнение о нем сотрудников, в основном вешенцев и басковцев, не было единым. Одни утверждали, что он дядя Шолохова. Но писатель порвал с ним, узнав, что он какому-то заезжему журналисту наболтал нечто лишнее о раннем его детстве. Другие были склонны считать, что никакой он не дядя Шолохову, а просто сосед или однохуторянин, знавший семью Шолоховых и склонный, скажем так, к некоторым преувеличениям в своих воспоминаниях. Старик был лет на 10-15 старше Шолохова. Считая для себя непозволительным сходить ближе с человеком, которому Шолохов не благоволил, я ни разу не разговаривал со стариком и даже не поинтересовался его именем. О чем сейчас жалею. И по ряду причин.

Всю, как принято говорить, сознательную жизнь Шолохова довольно дружным кольцом окружали родственники супруги Марии Петровны. В этом ничего предвзвительного я не вижу. Более того, в этих записках я выдвигаю версию о влиянии тестя на замысел «Тихого Дона». Но вместе с тем возникает вопрос: неужели у Михаила Александровича не было кровных родственников по отцовской и материнской линии? А если не было, то почему? Есть какие-то соображения, накладывающие какие-то запреты? Но мы обязаны знать и имеем право знать о той реальной почве, на которой вырастал великий талант, иначе обречены на мифотворчество... Может, в биогра-

фии Шолохова есть моменты, считающиеся неподходящими для его иконописного портрета? На эту тему в народе ходят несколько мифов. Не считаю нужным приводить их. Но одно соображение выскажу: не наваян ли прекрасный и трагический образ Аксиньи реальными прототипами, в том числе матерью писателя? Так или иначе, биография Шолохова в некоторых аспектах еще *terra incognita*.

ЗА ПОСОШОК И ЗА БУГОРОК

Я подхожу к завершению своих записок о Шолохове. Здесь я рассказал не обо всем, что знаю о нем. Старался отобрать лишь то, что «работает» против расхожих и активно внедряемых в сознание общества представлений о великом писателе.

Постараюсь сохранить трезвый взгляд и в изложении своих личных отношений с Шолоховым, завершившихся моим почетным изгнанием из Вешенской, выражающимся сугубо шолоховским — «за посошок и за бугорок». Вешенская, как я уже говорил, расположена на левом лесистом берегу Дона. На правом берегу, напротив Вешек, станица Базковская, за которой начинается пологое возвышение — базковский «бугорок». Бери свой посошок и шагай за бугорок — вот формула изгнания из Вешенской. Но членам «малого хурала» полагалось лишь почетное изгнание. Обязательно с повышением на официальной иерархической лестнице. Так Шолохов, отстраняя от себя человека, признавал за ним право оставаться самим собой, иметь свою правду.

Но все это осознается лишь позже. А в потоке настоящего многое наступает неожиданно и сначала кажется непонятным и даже обидным. В принципе приняв в свой круг («мой татарин»), Шолохов, видимо, в первое время надеялся, что я приживусь на вешенской почве. При первых встречах, иногда вместе с супругой, он советовал нам обзаводиться хозяйством — коровой, курочками, считая, что вести дом с базара в станице трудно. Но мы не последовали ни совету Шолохова, ни опыту других, предпочитая самим управляться со своими проблемами. С некоторых пор Шолохов перестал давать советы. Думаю, что он понял наши бытовые установки. Это была первая трещина в благосклонности Шолохова.

Не желая, однако же, быть белой вороной в новой для меня среде, я принял привычки окружения писателя как обязательные для себя. В частности, не избегал возлияний, тем более, что они были дармовыми, и часто приходил домой, мягко выражаясь, в нереспектабельном виде. Это возмущало супругу. И ее негативизм постепенно переносился не только на казачьи нравы вообще, но и на самого писателя. Пока это не выражалось вовне, шишки падали только на меня. Но, конечно, слишком долго так не могло продолжаться. Это вторая, хотя и потенциальная, но весьма грозная трещина.

Далее. В редакцию приходит письмо: на носу зима, а в больницы и школы не завезен уголь. Это дело на совести председателя райпотребсоюза. Звоню ему. Секретарша отвечает: его нет. Еще две недели назад уехал в Москву. Когда вернется? Не знает. А я знаю, что председатель задерживается по делам шолоховским. Хозяйство у писателя большое. Что прикажете делать в такой ситуации? Тот многоопытный редактор, что испугался ехать в

Вешки, отправил бы письмо в архив. А я его опубликовал. Некоторые влиятельные лица из окружения Шолохова, конечно, подняли шорох: новоявленный редактор-татарин копает под Самого!

Но, похоже «сам» не поддержал шороха: с его стороны никакой реакции не было. А председатель райпотребсоюза уже через несколько дней был в Вешенской и срочно организовал доставку угля в школы и больницы. Примерно полгода редакция не трогала никого из приближенных Шолохова.

Уже в начале лета Маяцкий поделился со мной одной заботой. Все больше выходит из нормы директор лесхоза, писанный казак с пышными усами, каждый год берущий призы на скачках, которые обычно устраиваются 2 мая. Последнюю его выходку оставлять без внимания нельзя. К концу рабочего дня напился и стал ломиться в дверь метеобудки. А там дежурила молодая симпатичная казачка. Она подняла крик. Дебошира удалось унять. Загвоздка в том, что лихой казак — любимец Шолохова. Только что писатель помог ему купить «Волгу».

Договорились: в газете появляется фельетон, на следующий день бюро райкома выносит любимчику строгое партийное взыскание и снимает с должности. Тема была настолько фельетонная, что за нее я взялся сам. «Герой» был наказан и с поста директора переведен на ступеньку ниже — управляющим отделением.

Снова шорох. Опять тишина. Один из близких Шолохова, среди которых были у меня и доброжелатели, как-то признался мне: по какой-то другой публикации за моей подписью будто бы Шолохов сказал: «Этот напишет!» Что я принял за высокую похвалу в свой адрес и еще не совсем пошатнувшееся доброе расположение.

Но шестое чувство подсказывало: земля под моими ногами начинает подрагивать, предвещая грозу. Я не предполагал, что она разразится так быстро. Хотя потом рассудил, что иначе быть не могло.

В редакции вызревала идея усилить критический тон в наших выступлениях. Мы понимали, что было бы особенно хорошо, если бы удалось при осуществлении идеи опереться на Шолохова. Скажем, почему бы не дать слово в газете деду Щукарю. Простодушно-лукавому, порой любящему порассуждать в кондово-казачьей манере? Нашелся и чистокровный казак, уморительно перевоплощавшийся в Щукаря, схлестывая канцелярские неологизмы с казачьим просторечьем. С этой идеей я пришел к Шолохову.

— Нет, этого не следует делать, — сказал он мне однозначно и без объяснений. Помолчал. А потом спрашивает: — У тебя еще сохранился солдатский ремень?.. Вот и хорошо. Выбери момент, когда в доме не будет детей, запи дверь на запоры и выпори жену. Да так, чтобы она впредь стала тише воды и ниже травы.

Я, конечно, онемел.

— Не хочешь — есть другой вариант, — продолжает он. Разводишься с ней и женишься на другой. Можешь татарку привезти из Казани. Можешь взять нашу казачку. Неприятностей у тебя с разводом не будет — обещаю.

Я молчал.

— Не подходит и второй вариант — есть последний. За посошок и за бугорок.

Я стоял, будто проглотив язык.

— Придешь через три дня и скажешь, что выбрал. Иди. Дома о разговоре с Шолоховым жене я не сказал. Но спросил у нее:

— Ты не знаешь, почему Михаил Александрович злой на тебя?

— Знаю, — отвечает. — Вчера вечером он звонил, требовал к телефону тебя. Я спросила, кто говорит. А он в ответ нагрубил. Тогда я положила трубку.

— Но ты же узнала, что говорил Шолохов!

— Ну, узнала! Ну и что? И надоело мне все это...

События последующих дней развивались помимо меня. Через три дня я сообщил Михаилу Александровичу (не помню уж, по телефону или при встрече), что выбираю третий вариант.

С тех пор я с Шолоховым ни разу не встречался и не разговаривал. Как раз в это время к нему приехал Чарльз Сноу, известный английский писатель. Был праздник на всю станицу. Я удостоился лишь в кавалькаде машин проводить высокого гостя до аэродрома, подвозя за рулем редакционного «Москвича» Маяцкого и ректора Ростовского университета Юрия Жданова, сына печально известного А.А. Жданова.

Сначала я обижался на Шолохова: так бесцеремонно поступить со мной из-за того, что жена положила трубку! Но постепенно, обдумывая все стороны своих взаимоотношений с писателем, вникая в его характер, я, кажется, сумел одолеть обиду. И мое уважение к Шолохову в этом эпизоде получило еще одно подкрепление.

Принимая меня в свой круг, Шолохов, по моему нынешнему разумению, надеялся, что его круг, казачий быт и стереотипы жизни станут моими. Но постепенно убеждался, что в Вешенской я человек временный, хотя и искренне, с пониманием относящийся и к его кругу, и к духу казачества, и к нему самому. Я по существу был доброжелательным согладатаем, который, удовлетворив свой интерес, обязательно уедет из Вешенской. Я собственно так и собирался поступить, пожив рядом с великим человеком лет пять, не более. Мой план не устраивал Шолохова. Укорененный в казачестве всеми фибрами своей души, он ожила того же и от своих приближенных. Если не полного растворения в казачьей среде и культуре, то хотя бы искреннего стремления к этому.

У меня же был иной мир, иные перспективы и планы, в которых Шолохов не занимал главного места. Он скоро «вычислил» меня и использовал первый повод, чтобы избавиться от меня. Я уверен, что первые два его варианта — солдатский ремень и развод — предлагались не серьезно, для маскировки последнего. Прими я один из них — Шолохов перестал бы уважать меня, а я потерял бы уважение к самому себе со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Меня направили редактором областной газеты для четырех городов севера области — Каменска-Шахтинского, Донецка, Белой Калитвы и Морозовска с редакцией в первом городе. Там я проработал семь лет с приключениями, характерными для нетипичного редактора. Но эта тема уже для другого разговора.

А полтора года, которые я провел под «сенью» Шолохова (не подберу более удачного слова, не «под колпаком» же!) остаются сияющей вершиной моей жизни.

Владислав КРАПИВИН

ЛЕТО КОНЧИТСЯ НЕ СКОРО

Повесть

Рисунки Евгении СТЕРЛИГОВОЙ

В тесном подвале, когда остановились передохнуть, Ник потер на щеке царапину и вздохнул:

— Как в сказке: «Поди туда, не знаю куда. Найди то, не знаю что»...

Остальные только дышали.

Шурка виновато сказал:

— Может, где-нибудь есть короткий путь вверх. Колодец какой-нибудь...

— Ну и что? — сумрачно откликнулся Платон.

— Ну и... выберемся на Бугры. И по домам...

— Ну уж фигушки-фиг! — храбро возмутился Кустик. Хотя устал больше всех.

— Но ведь вы... измотались уже...

— А ты? Не одинаково с нами измотался? — с прежней угрюмостью спросил Платон.

— Но я же...

«Я же знаю, ради чего мучаюсь. А вы...» Но сказать это Шурка не посмел. Хотя понимал: для Кустика, для Ника и даже для сердитого Платона нынешняя ночь — просто приключение. И в спрятанный прибор они верят не до конца. И Гурский с Кимычем — галактические корректоры — для них вроде персонажей из космических историй Кустика... Конечно, они видели сердце-рыбку, но и это вряд ли убедило их до конца. Рыбка — одно, а проблемы Великого Кристалла — другое...

— Я же совсем вас замучил.

— Мы сами мучаемся, добровольно, — тихо и строго возразил Ник.

— Из-за меня...

— Глупый, — вдруг сказал Платон. Не прежним тоном, а с ласковой ноткой. Почти как Женька. — Не из-за тебя, а из-за всех. Ради каждого... Думаешь, легко, если рвется нить?

— Какая нить?

— Ну, такая... Рядом с нами жил один мальчик,

Оська Кучин. Такой же, как мы. Жил-жил, всегда были вместе. А потом родители взяли да собрались в дальние края. На берег Мертвого моря. И его с собой. Не спросили, хочет или нет... Он говорил: «Мне это Мертвое море нужно, как ежу воздушный шарик, мне наша Саженка в тысячу раз нужнее». Но детей разве спрашивают? Увезли... Знаешь, как пусто стало без него. Еще и сейчас не

привыкли...

— Значит... я вместо него теперь, да?

Шурка сразу понял, что ляпнул глупость. Но Платон не рассердился. Тем же снисходительным Женькиным тоном разъяснил:

— Не бывает человека «вместо». Он — это он, а ты — это ты...

— И не вздумай драпать на свою Рею, — опять предупредил Кустик. — А эту самую штуку инопланетную мы все равно найдем. Я чувю.

Шурка же ничего не чувал. Только досадливо болел у него и чесался игольный укол.

Всякий путь когда-то кончается. Кончился и этот. Не находкой, а тупиком. Извилистый бетонный коридор привел друзей в подземелье, похожее на склеп. Именно на склеп. Очень уж могильно пахло от сырых стен, а на полу лежали плиты со стершимися буквами. Угрожающе изгибался над головами низкий кирпичный свод. Между кирпичей торчали голые, как крысиные хвосты, корни. И остатки гнилых досок. От гробов?

А самое скверное, что в стенах — ни двери, ни люка, ни дыры (кроме той, которая вела назад).

— Приехали, — похоронно сказал Ник. И вокруг была зловещая похоронность. Глухая отгороженность от всего живого...

— Может быть, он о замуровано где-нибудь в этом подвале? — беспомощно сказал Кустик. — Может, пораскапывать?

— Тут, пожалуй, докопаться... — Ник зябко

(102) съежился. — Мы, знаете, где? Точно под старым кладбищем. Вон кость из стены торчит...

Кустик, как испуганный малыш, прижался к Шурке. Шурка левой рукой обнял его за плечи. Правой он держал фонарик, водил лучом по стенам.

Высоко между рассеявшихся кирпичей и правда торчало что-то похожее на берцовую кость с желтым, как бильярдный шар, суставом. Но... Шурка осторожно отодвинул Кустика. Шар был слишком ровный, слишком блестящий.

Шурка встал на цыпочки, ухватился за шар. Тот не двинулся. И Шурка с неожиданной злостью всей тяжестью повис на коротком, похожем на кость рычаге.

Гул и скрежет потрясли глухой склеп. На стене осыпался слой кирпичей — Шурка еле успел отскочить. За кирпичами открылись клепаные железные створки. Они разошлись медленно, с натужным скрипом, как в приключенческом фильме. В полуметре от пола возникло широкое квадратное окно. За ним — тьма.

Четверо постояли, прижимаясь друг к другу. Теперь стало по-настоящему страшно. Словно вот-вот могли появиться зловещие хозяева подземелья — те, кто шутить и жалеть не станут... Но осела пыль, скрипнул последний соскользнувший кирпич. И опять ни звука. Кроме дыхания.

— Давайте туда... — Платон первый шагнул к окну.

За окном было обширное, похожее на котельную помещение. Тянулись по стенам трубы разной толщины. Причем одни были в клочьях ржавчины, а другие — светлые и гладкие. То ли из нержавеющей стали, то ли из титана.

И опять — ни двери, ни люка. Ни щели.

На гладкой бетонной стене — единственной, где не было труб — чернело железное колесо со спицами и рукоятками. Похожее на штурвал речного парохода.

Шурка и Платон разом ухватились за рукояти. А что еще оставалось делать?

Колесо повернулось легко. И столь же легко, бесшумно отошел рядом с колесом бетонный блок. Погрузился в пол. За ним все увидели круглое, метр в диаметре, отверстие. Конечно же, с непроницаемой тьмой.

Кустик первым сунулся в лаз. Наверно, ему было неловко за недавний откровенный страх.

— Подожди!! — завопил Платон.

— Я недалеко, чуть-чуть... А-а-а!

Это «а-а-а» стремительно удалилось и оборвалось, как от удара.

Шурка, Платон и Ник, толкая друг друга, сунулись в дыру. По пояс. Впереди мрак. Никакого намека на фонарик Кустика...

«Господи, не надо никаких находок! Не надо мне нового сердца! Ничего не надо, лишь бы он был живой...»

— Кустик!! Ты где?! — У Шурки сорвался голос.

Из дальних далей донеслось:

— Не бойтесь, прыгайте! Здесь мягко!

Главное, что жив!.. А куда прыгать-то? Шурка первый полез на четвереньках. Гладкий металл трубы холодил колени и ладони. Вперед, вперед...

— А-а-а! — Труба стремительно ушла вниз. Шурку, как во сне, стиснуло страхом падения. Потом он

заскользил, будто по желобу: труба изгибалась, изгибалась и вновь перешла в горизонталь. И выплюнула мальчишку на что-то кожаное и упругое. Шурка отлетел в сторону. На его место вылетел Платон, а на того свалился Ник.

Кустик стоял в трех шагах и... смеялся.

— Здорово, да? Как аттракцион в парке.

Под потолком горел яркий матовый плафон. Помещение было похоже на заброшенный спортзал без окон. И то мягкое, на что приземлились искатели приключений, было стопой полуистлевших кожаных матов.

У стен стояли гимнастические кони и перекладины. Сверху свешивались кольца. Почему-то все приободрилось. Может быть, потому, что вокруг было много привычных вещей.

— Станция «Спортивная». Как в телеигре «Кидай-ка-попадайка», — сообщил Платон.

— Сперва я так перепугался! Чуть сырость не пустил, — радостно признался Кустик.

— Оно и видно! Это от тебя! — развеселился Ник. Посреди зала тянулся бетонный желоб, а по нему текла журчащая вода.

Странное, конечно, обстоятельство. Зачем в спортзале арык? Но мало ли странного они уже повидали! Никто не удивился. Платон опасливо поморщился:

— Наверно, канализация...

Кустик упал на коленки у края желоба, пригнулся.

— Не-а, не пахнет ничем! Чистая вода! Наверно, подземный приток Саженки.

Платон покачал головой. Но спорить не стал. Тем более, что ручей этот указывал дальнейший путь. Он вытекал из трубы в одной из стен и уходил в полукруглый туннель в другой стене.

Сняли кроссовки, вошли в воду. Глубина была почти по колено. Вода оказалась не очень холодной. И шелковистой. Смывала ржавчину и пыль, огладила боль царапин. Даже усталости стало поменьше. Журчащие струи подталкивали ноги.

Четверо вошли по ручью в туннель. Впереди было темно, фонарики металась по воде и своду. А сзади светился полукруглый вход.

— Интересно, откуда тут электричество? — запоздало удивился Кустик.

— Тут много чего «интересно», — озабоченно отзывался Платон.

Однако ни у кого теперь не было прежней подавленности. От ручья они набрались новой бодрости и сил. И даже беспечности. Словно все четверо видели сказочный сон, когда в глубине души живет понимание: это не по правде.

И потому не очень удивились, просто весело сделалось, когда Кустик взвизгнул и начал хлопать себя по «мультишному» костюму.

— Куда вы?!

Маленькие осьминоги, крабы и рыбки сыпались с него в воду. Как игрушки с новогодней елки, которую сильно потрясли. Плюхались в ручей и уплывали по течению. На месте рисунков оставались бледные голубые пятна.

У Кустика был такой забавно-растерянный вид, что Ник начал хохотать, взявшись за живот.

Кустик жалобно моргал.

— Что я дома-то скажу?

— Скажешь: одежда выгорела на солнце, — решил Платон. — Тому, что случилось, все равно не поверят. Мы, кажется, попали в сказочное пространство. Из твоей истории про Планету Заколдованных Фонарей...

— Ага, мама даст мне «выгорела на солнце». Скажет: «Как ты относишься к подарку дяди Игоря!»

Дядя Игорь был новый отчим Кустика.

— Посмотрите, русалка не сбежала?

Шурик глянул на спину Кустика.

— На месте. Только машет хвостом и улыбается ехидно...

«Конечно, это сон. Завтра приду к ребятам, расскажу... Но как же приду? Ведь я поссорился. Нет, пусть все будет по правде!»

И в этот миг сильно задергалась, заметалась в груди его рыбка. Даже перехватило дыхание. Как при настоящем сердцебиении. А впереди проступил свет.

5. Мастер Каляев

Туннель и ручей сделали плавный поворот. Вдали обрисовался желтый полукруг выхода. Но это сперва казалось, что вдали. А через несколько шагов он оказался рядом. И четверо вошли в круглое помещение, под потолок-купол.

В центре купола светилось стеклянное полушарие. Оно освещало выложенный цветными плитками пол. Похоже было и на музей, и на вестибюль метро, и... на кладовку того же спортзала. Потому что и здесь стояли и валялись физкультурные кони и козлы. И маты. На вогнутой стене прибит был баскетбольный щит с кольцом и остатками сетки.

Но, кроме ободранных спортивных снарядов, было немало и других вещей. В том числе — непонятных. Лежал на полу громадный циркуль из серебристого металла. Блестел на подставке из бронзовых львов прозрачный шар в кольцах из потемневшей меди. Большой. Может быть, глобус Реи?

Какие-то пыльно-белые статуи маячили в полутемных нишах...

А ручей уходил под каменную стену в заделанный массивной решеткой сток. И снова не было пути.

— По-моему, пришли, — шепнул Кустик.

— Отчего ты так думаешь? — строго спросил Платон.

— Он чует, — тихо объяснил Ник.

«Пришли, пришли!» — билась в груди рыбка.

«Пришли, но не нашли. Где здесь прибор? Может быть, этот шар?»

«Нет, нет, нет...»

Платон подошел к Шурке вплотную.

— Смотри. Ты ведь говорил про Весы. Про созвездие...

— Да...

— Смотри, — опять сказал Платон. И повел головой.

На круглой стене, в метре от пола, на равном расстоянии друг от друга отражали желтый свет каменные плиты. Наверно, мраморные... Восьмигранные! С выпуклым узором по краям, с барельефными фигурами

посредине. Фигуры эти были знаки Зодиака. Скорпион... Лев... Дева... Весы...

Весы!

Шурка, шлепая мокрыми ногами, подбежал к плите. И остальные.

— Но тут нет никаких винтов, — обиженно сказал Ник.

— Но это здесь, здесь! — крикнул Шурка. Рыбка билась о стекло. — Я знаю!

Он отчаянно ухватил плиту за край. Она... шевельнулась. Шурка ее качнул... Метровый каменный барельеф ухнул вниз, чуть не раздробив Шурке ступни.

Все отскочили.

Плита раскололась на несколько кусков. На серой стене остался восьмиугольный след. Посреди этого следа тоже был восьмиугольник. Но не темный, а из блестящего сплава. В полметра шириной.

С головки винтов по краям.

Четверо уткнулись носами в эти винты. На шляпках были оттиски снежинок.

— Шурка, отвертку! — жарко выдохнул Платон.

— Ага... я сейчас... — Шурка отыскал отвертку в сумке. Гладкая рукоятка дрожала в пальцах. Фигурный конец не сразу попал в свой отпечаток. Но вот попал. Слово впаялся.

Шурка, стиснув зубы, надавил на рукоять...

Не надо было стискивать зубы. Винт повернулся легко. Пошел, пошел... И упал в подставленную ладонь Кустика. Небольшой, длиною в полспички.

Второй, третий...

Всего винтов было шестнадцать: восемь по углам и столько же между ними. На каждый уходило секунд пятнадцать. Значит, всего — четыре минуты.

Это же бесконечность, когда гложет нетерпение! Когда тайна!

Но бесконечность прошла, упал последний болтик. Шурка ногтями подцепил края металла. Потянул щиток на себя. Он оказался легкий, оторвался от стены сразу. Шурка откачнулся, прижимая пластину к груди.

Три фонарика ударили лучами в нишу.

Там действительно стояли весы.

— Не трогать, — негромко и железно сказал Платон.

Трогать никто и не думал, просто смотрели.

Весы были явно старинные. На узорчатой чугунной подставке висело коромысло из темной меди. На нем четко выделялось клеймо: зубчатый овал, а в нем неровные буквы — МАСТЕРЪ КАЛЯЕВЪ И.А.

Вместо чашек у весов были шары. Величиной с крупные яблоки. Один из мутновато-прозрачного стекла, другой из серого камня.

К середине коромысла приклепана была тонкая золотистая стрелка. Она смотрела вверх и концом своим уходила в третий шар пустотелый, со стенками из тонкого, очень прозрачного стекла.

Внутри шара видны были шестеренки, волосяные пружинки, блестящие рычажки и пластинки. Похоже на внутренность часов или барометра-анероида. Только все тоньше, гуще, сложнее...

— Значит, все по правде, — шепнул Ник.

Кустик шумно дышал у Шуркиной щеки.

— Да... — сказал Платон. — По правде. Но что даль-

ше? Ребята, касаться весов нельзя. Тут такое... Нажмем что-нибудь, и вдруг земная ось пополам...

Все посмотрели на Шурку.

А он что? Вдруг не вовремя, совсем не к месту — острая память: «Шурчик-мурчик, будешь, как огурчик...» И стук железных автоматов у подъезда. «Па-па-а!.. «И свет встречных фар, и отдача в ладонь от выстрела...

Шурка отчаянно замотал головой.

«Не надо! Я помню! Но сейчас не надо!..»

— Шурка, ты что?! — У троих это единый вскрик.

— Я... ничего. Я сейчас... Думаю, как быть...

Да, что делать дальше, решить должен он.

Шурка прислушался к тишине. Бурчал ручей. Дышали рядом Платон, Кустик, Ник. Смотрели с ожиданием.

«Гурский! Я ведь сделал, что надо! Где же вы?»

Шурка оглядел круглое подземелье. И... подскочил к спортивному коню.

— Помогите! Вот сюда его, под щит!

Послушались без вопросов. Подтянули четвероного создание под баскетбольное кольцо. Шурка вскочил на облезлую кожу. Дотянулся, сорвал с кольца сетчатые ключья. Встал на цыпочки, изо всех сил потянулся вверх. Железный обруч навис над головой.

— Гурский! Я...

«Да, Полушкин, да! Вы молодец. Мы наблюдали. Вы все сделали как надо...»

— И... что дальше-то?

«Все как надо... Зря только, что с вами были друзья. Ну да ладно...»

— Без них я сюда не пробился бы!

«Мы понимаем... Да и все равно им никто не поверит, если захотят рассказать. Все решат, что это новая фантазия вашего Кустика...»

— Да!.. Гурский! А что дальше-то?

«Дальше — все. Ты выполнил задачу. Теперь — как договорились. Как договорились, Полушкин. Уйдешь с нами».

— Но я не хочу! Я... передумал! Вы обещали вернуть сердце!

«Конечно, конечно!.. Раз ты так решил...» — В тоне Гурского скользнула чуть заметная неуверенность. И опять он говорил Шурке «ты». Рыбка замерла в груди.

— Вы же... обещали...

«Ну конечно же! Только придется подождать не-сколько дней».

— Зачем?! — со звоном, почти со слезами крикнул Шурка. Чудилась увертка. Ловушка.

«Но поймите же, Полушкин! — в тоне Гурского появилась прежняя убедительность. — Это необходимо, чтобы избежать дисбаланса. Иначе эхо в Кристалле будет непредсказуемо... Необходима проба, а мы ведь еще даже не касались прибора».

— А сколько ждать?

«Вы ждали столько месяцев. Потерпите еще не-сколько суток».

— А как я узнаю, что уже пора? Будет вызов?

«Да... Или Степан предупредит. Кстати, не забудьте вернуть ему отвертку».

— Ладно... А теперь что делать? — Шурка почти успокоился. И понял, как он устал.

«Теперь? Спокойно идите домой».

— Старым путем?! — ахнул Шурка.

«Нет, нет, конечно... — Шурке почудилась усмешка. И он как бы увидел за плечом Гурского его ассистента, плешивого Кимыча. — Сейчас сообразим... Да, так! Направо от вас есть скульптура. Мальчик. Сдвиньте ее...» — И тишина. Никакого энергополя, никакого эфира и пространства.

Шурка тяжело прыгнул с коня.

Друзья смотрели вопросительно. И с тревогой.

— Ну, что будем делать? — нетерпеливо сказал Ник.

— Вы разве не слышали разговор?

— Мы слышали т в о и слова, — слегка укорил его Платон.

— Ах да... Пошли!

Скульптура отыскалась быстро. Мальчик был не просто мальчик, а с кудлатой собачонкой. Она стояла на задних лапах, а передними упиралась в колени хозяина. Мальчик нагнулся и трепал песика по ушам.

Все разом глянули на Ника: «Ну?» И конечно, он голосом Гриши Сапожкина произнес:

— С-скажите, п-пожалуйста, вы не видели рыжего щенка с черным пятном на ухе?

И все вздохнули, потому что знали: щенка Гриша так и не нашел.

Скульптура была гипсовая, на квадратной площадке. Сдвинулась она легко. Под ней дышал сыростью узкий колодец.

Начали спускаться по скобам — было уже не привыкать. Метров через пять оказались в проходе с земляными стенами. Шли недолго. Ход привел к новому колодцу — круглому, бетонному, с прочной лесенкой.

Вверху сквозь траву просвечивало летнее ночное небо — белесое, со звездочкой...

Выбрались, конечно же, неподалеку от паровозика Кузи.

Постояли, потом свалились в пахучую прохладную траву. Усталость стонала в руках, в ногах. Ноющая боль снова набухала в царапинах. Но все равно было хорошо.

— Шурка... — тихо окликнул Платон.

— Что?

— Мы ведь все сделали правильно, да?

— Конечно. В точности как надо.

— Ты... теперь никуда не уедешь, не... улетишь?

— Ни за что.

— А то смотри, — подал голос Кустик. — Женька знаешь как будет реветь.

— Шурка, зря ты его избавил от щекотки, — сказал Ник.

За высокими головками иван-чая уже наливался желтый рассвет. Но в зените еще горели звезды. Глядя на них, Шурка спросил:

— А тот мальчик... Оська... Он писал потом письма?

— Писал, — отозвался Платон. — Два письма. Да много ли от них толку... Пошли ко мне на сеновал. Надо хоть немного поспать. А потом уж отчистимся от ржавчины...

— Утром покажется, что все было сном, — грустно-

вато сообщил Ник. — Надо было хотя бы по винтику взять на память.

— Наверно, это нельзя, — опасливо возразил Кустик. — Или можно?

— Не знаю... — Шурке вдруг отчаянно захотелось спать.

6. Алый вуалехвост

Разбудила их Вера Викентьевна.

— Молодые люди! Уж полдень близится... Хотите чаю с бутербродами?

Они хотели. Но поднялись с кряхтением. Ломило суставы. Ссадины у всех, кроме Шурки, продолжали ныть.

Умылись на дворе у крана. Потом долго отчищали от пыли и ржавчины анголки. Кустик горестно рассматривал поблекший, лишенный рыб и осьминогов костюм.

Но когда Кустик вышел на яркое солнце, бледные следы на трикотаже вдруг набухли красками. И прежние картинки проступили, как на моментальном снимке, вынутом из аппарата «Полароид».

— Ура! — Кустик неумело прошелся по траве колесом. И этим очень насмешил Веру Викентьевну.

Выпили чай и сжевали бутерброды прямо на стульях. И Шурка сказал, что побежит домой.

— Баб-Дуся навесила на меня сегодня всякое трудовое воспитание.

— Но после воспитания-то придешь? — ревниво спросил Кустик.

— Еще бы!

И Шурка убежал, счастливый. Кажется, никто и не помнил, что у него вместо сердца рыбка.

Он сходил на рынок за капустой, помог бабе Дусе выбить половики. Потом свалился на диван. Утомленный и беззаботный.

— Опять ты, нечистая сила, валяешься грязнуший на покрывале! Ну-ка сымай свое африканское обмундирование, постираю...

— Баб-Дусь, только сразу высуши утюгом, ладно? А то мне скоро бежать пора...

— Успеешь бежать, дома посиди. Мне в магазин нужно, да заказ один отнести, а почтальонша пенсию принесет. Получишь, распишешься, она тебя знает...

— Ну, ба-а... — заканючил Шурка, стягивая анголку. — Мне скорее надо...

— Никуда тебе не надо скорее. Кто соскучится, сам прибежит.

— Это ты про кого?

— Да уж не про себя. Не у меня косы до колен...

— И не до колен вовсе... — буркнул Шурка. — А постирать я и сам могу.

— Давай, давай... Эх ведь извозил, будто в ржавой бочке катался. Где вас носит?

— На Буграх. Там полно железа всякого. Даже старый паровоз... Ба-а! А где ты такую материю взяла? Смотри, до сих пор ни одной дырки! Никакие колючки ее не берут.

— На вашего брата лишь такую и надо... Ну-ка шевелись, горе луковое!

— Ба-а...

— Чего еще?

— А если по правде, ты мне с какой стороны родственница?

— Ну вот, спохватился... Тебе не все едино, что ли? Какая разница?

— Ну... не разница, а интересно.

— Я и сама-то не разберусь толком... — Баба Дуся ушла на кухню и говорила уже оттуда, сквозь плеск воды. — У твоей мамы была двоюродная сестра, Катерина Федоровна. Она давно уже померла, царство ей небесное. У ее мужа была свояченица, а я, значит, этой свояченице прихожусь теткой...

— Понятно, — вздохнул Шурка.

— И ничего тебе не понятно, — слегка рассердилась баба Дуся. — И зря не спрашивай. А то я сама запутаюсь...

— Ладно. Тогда я про другое спрошу. Чтобы щекоталкин заговор отменить, что надо сделать?

— Зачем его отменять-то?

— Я так, на всякий случай...

— Всякий наговор, чтобы снять, надо сказать наоборот. Написать на бумажке и по буквам задом наперед прочитать. И крунуться в обратную сторону. Дело нехитрое... Ну-ка, помоги отжать...

Они выжали и развесили на веревке шорты и рубаху.

— Отвертку-то свою возьми, я ее чуть со штанами не выстирала. Зачем ты ее в кармане таскаешь?

Шурка не знал, зачем. Вчера в подполье машинально сунул ее опять в карман, а не в сумку.

— Больше не буду...

Баба Дуся ушла, а Шурка сел перед телевизором. Показывали старое кино «Следствие ведут знатоки». Шурка не хотел про следствие. По местному каналу крутили вчерашний футбольный матч. Петербургский канал выдавал в эфир очередной боевик: машина — ж-ж-ж на повороте. По ней из пистолетов — бах-бах!..

Шурка выключил телевизор и съехал в облезлом бабьином кресле. Крадучись, но быстро подобралась тоска. И тревога.

Что же будет дальше-то?

Почему так уклончив был вчера Гурский?

И когда будет вызов?

...Странное все-таки существо человек. В одну минуту у него может все измениться в душе. Совсем недавно была веселая беззаботность, и вдруг — страх, горечь такая, хоть плачь.

Шурка подошел к окну, толкнул створки. Со второго этажа был виден зеленый двор, поленницы и сарай. И гараж Степана. Ворота были распахнуты.

Шурка лег животом на подоконник.

— Дядя Степа!.. Дядя Сте-па-а!!

Степан появился на солнце. Щетиный и хмурый. Видать, с похмелья.

— Чего голосишь? Пожар, что ли, у тебя?

— Дядя Степа! От Гурского ничего нет? Не спрашивал про меня?! — Вот так он, открытым текстом. От отчаяния.

Степан не удивился. Но и хмурости в нем не убавилось.

— Ничего пока не знаю... Ты вот что, отдай отвертку-то!

— Ладно. Сейчас...

Шурка отошел, взял отвертку со стола. И вдруг стало жаль ее. Ладная такая, аккуратная, рукоятка точно для Шуркиной руки...

Стоп! А откуда Степан знает, что она Шурке больше не нужна? Значит врет, что не было связи с Гурским?

А если врет, то зачем?

Ох как это непонятно...

И вообще непонятно — все.

Что за подземелье открыли они вчера? Почему там смесь всякой рухляди и колдовских вещей? Как там оказались весы мастера Каляева?

И весы ли это?

А может, Гурский и Кимыч вовсе не корректоры, а какие-то жулики? Самозванцы вроде Короля и Герцога в книжке про Гека Финна...

Но как они тогда спасли его, Шурку? Рыбка-то вот она, в груди... А может, они и жулики, и волшебники сразу?

«Я же ничего не знаю! Я у них пешка!.. Я больше так не хочу! Не могу!»

Шурка метнулся на кухню, сорвал со стены гулкий латунный таз, поднял над головой... Металл послушно сфокусировал волны межпространственного поля. Тонко зазвенел в голове космический эфир.

— Гурский! Гурский! Это я, Полушкин! Ну, отзовитесь же!

Однако звон был ровным и непрерывным. Ни словечка, ни обрывка мысли. Ни намек на самый отдаленный сигнал.

Шурка с размаху поставил таз на стол. Переждал дребезжащий гул. Прислушался к себе. К рыбке...

Рыбка не двигалась. Словно уснула. Не хотела ничего подсказать.

А он должен был что-то сделать! Не мог он больше ждать! Не мог терпеть неизвестность и тревогу!

Из последних сил Шурка попробовал успокоить себя: «Чего ты мечешься? Ведь не случилось никакой беды, все хорошо! Уймись, посиди. Придет баба Дуся, побежишь к ребятам, к Женке... Потом отзовется Гурский...»

Эти здравые, но слабенькие мысли смыла новая волна тревоги. Тревоги неудержимой и властной — она требовала: делай что-нибудь!

Но что?

Шурка шагнул в комнату, сбросил через голову майку. Встал перед зеркалом — щуплый, взъерошенный, коричневый. Четко выделялся на груди незагорелый круг в алой окантовке шрама.

Шурка зацепил ногтями край. Поморщился. Потянул... Каждый раз это причиняло такую же сладковатую боль, с какой отрываете от коленки подсохшую коросту.

Затрещала липучка. Потянулись по краям и стали лопаться белые нити. Шурка отклеил клапан совсем, повесил его изнанкой вверх на спинку стула. И глянул в зеркало.

Рыбка за круглым стеклом лениво шевелила плавниками. Странно. Шурка внутри себя стонет от беспокойства, а ей хоть бы что. Словно она уже... не его.

Шурка поднял с пола майку, протер ею стекло и металлическую кольцевую рамку. Рыбка нехотя махнула хвостом. А желтый металл кольца заблестел, как золото. Ух как сверкает! Раньше-то Шурка никогда его не протирал.

На ободке «иллюминатора» были плоские круглые головки. То ли заклепки, то ли просто украшение (хотя зачем здесь украшение?). Прежде Шурка об этом не думал, головки всегда были заляпаны органическим клеем. Но теперь клей стерся. Остался он только в углублениях головок. Потому что были это... шляпки винтов!

И не простых винтов. Белый клей четко вырисовывал звездочки-снежинки.

Новый шум возник в Шурке. В ушах, в голове. Не звон космического эфира, а словно гул леса перед грозой. А рыбка вздрогнула и замерла опять.

Шурка будто бы раздвоился. Один — опасливый и рассудительный, другой — готовый к жуткому, но манящему прыжку в неведомую глубину.

«Не смей! Ты же погибнешь!»

«Нет... А если да, то и пусть! Я уже умирал однажды!»

«Перестань этим хвастаться, дурак!.. Подожди!»

«Не буду ждать! Т а к я больше не могу!»

«Ох, глупый, что ты делаешь...»

А делал он вот что. Принес из кухни таз и поставил перед зеркалом на стул. Взял отвертку. Направил себе в грудь. Вдавил звездочку стержня в узорчатый оттиск на головке болта. Отвертка вошла точно, выжала из шляпки остатки клея. Шурка повернул. Вернее, попытался повернуть. Но — никак...

Винт держался мертво.

«Значит, не надо. Нельзя!»

Шум в ушах не стихал. Но сделался уже привычным. Шурка сцелил зубы. Пошел к себе в каморку, из-под дивана вытащил коробку с нехитрым своим имуществом. Был там коловорот от детского слесарного набора, была и стамеска.

Стамеской Шурка расколол ручку отвертки (вот Степан разорется!). Стержень зажал в головке коловорота. Вернулся к зеркалу.

«Не надо...» — последний раз толкнулось в нем.

Он снова сжал зубы. Покрепче...

Коловорот помог. Винт повернулся, пошел сперва туго, потом легче. Под конец Шурка вертел его уже пальцами. Вынул. Бросил в таз. Вздрыгнул от звонкого щелчка.

Этот щелчок словно выключил шум. Стало очень тихо. Страха больше не было. Но появилось ощущение, что он, Шурка, расстается с этим миром. И от сладкой печали намокли глаза.

«Ну и пусть, пусть...»

Болтов было восемь. Один за другим они ударялись о латунное дно. Словно отмеряли минуту за минутой. Шурка сквозь сырые ресницы видел себя в зеркале. Но в это же время четко — в памяти своей — видел и другое: как он маленький, лет семи, сидит на солнеч-

ных половицах и мастерит робота из дорогого иностранного конструктора «лего». Цветные пластмассовые детали легко соединяются друг с другом. Отец в соседней комнате что-то пишет за столом.

«Папа, смотри, у меня получился Страшила!»

«Великолепный Страшила, Шурчик! Можно, я поставлю его себе на стол?»

«Да! Я его тебе дарю!»

Так он и стоял там до последнего дня. Где этот добродушный Страшила теперь?..

Предпоследний винтик ударился о латунь...

Последний...

Но стекло и ободок не шелохнулись. Они держались на чем-то густом, клееком. Шурка подумал — вроде герметика.

«Еще не поздно все свинтить обратно...»

Шурка глубоко вздохнул. Согнулся над тазом. Исподлобья глянул на себя, на Шурку Полушкина, в зеркало. Может быть, последний раз. Подцепил ногтями нижний край ободка. Стало вокруг еще тише, чем прежде. Что-то чмокнуло — как на стеклянной банке, когда раскупоривают маринад. Из-под стекла звонко закапало в таз. Побежало.

Шурка мучительно раздавил в себе последний страх. Запретил пальцам снова прижать стекло. Потянул сильнее... рванул! Вода хлынула между пальцев. Шурка машинально постарался поймать рыбку. Но она скользнула по ладони и заплескалась в тазу. Следом упали в таз кольцо и круглое стекло.

Шурка, прощаясь с собой, встал прямо.

Что теперь?

А ничего.

Спокойно стало, хорошо. Ни боли, ни тревоги. Галдели за окном скандальные куры, с кем-то хрипло ругался дядя Степа.

Шурка снова глянул в зеркало. В груди была ровная черная дыра. Он прижал к ней ладонь, но дыра была шире. Холодная чернота из нее сочилась по краям и между пальцев. Она текла, вырывалась, упруго оттолкнула ладонь, хлынула и быстро заполняла комнату. И росла, росла внутри Шурки громадная пустота. Не стало воздуха. Шурка успел сделать два шага назад, опрокинулся в кресло...

...Сперва не было ничего.

Потом Шурка ощутил, как сквозь пустоту и тьму вошло к нему в грудь тепло. Щекочущее такое и... счастливое. Могучая сила регенерации стремительно выращивала в нем сосуды и мышцы, наполняла грудь ровными толчками живого мальчишечьего сердца.

Шурка всхлипнул, не открывая глаз, и уснул...

Проснулся Шурка от крепкого стука в дверь.

Он помнил все. И не было в нем ни капельки страха, никакого отзвука тревоги. Только счастье.

Шурка прижал к груди ладонь. Сердце под ребрами билось ровно и ощутимо. Шурка вздохнул так, словно хотел вобрать в себя весь воздух нынешнего лета...

А в дверь колотили.

Шурка подскочил, дернул ручку.

— Не заперто же! Входили бы... Здравсьте! — На пороге возвышалась грузная почтальонша Анна Петровна.

— Как это «входили бы»? В чужой дом без спросу... А ты чего в голом виде гостей встречаешь? Спал, что ли, среди бела дня?

— Ага! Вздремнул малость... Бабы Дуси нету, она велела, чтобы я расписался.

— Сплошное с вами нарушение правил... Ладно уж... Боже ж ты мой, а чего это у тебя на груди-то?

На груди по-прежнему был круг незагорелой кожи в красной тонкой опояске. Но это была настоящая кожа! Живая наощупь! И сквозь нее проступали настоящие ребра! Счастье булькало в Шурке, он пританцовывал.

— А, ерунда! Операция была! Вы разве не знали?

— Не знала я, что такая страсть...

— Да никакая не страсть! Все уже прошло!..

Шурка поставил в ведомости подпись — в точности как баба Дуся. Сунул деньги в ящик стола.

— Спасибо, Анна Петровна.

— На здоровье... Не вздумай только без бабушки тратить, а то знаю я вас: всякие компьютерные автоматы да жвачки на уме.

— Не-е! Я лучше парусную яхту куплю. Для кругосветного путешествия!

— За ухо вот я тебя...

Шурка, смеясь, проводил Анну Петровну до двери.

Подошел к тазу, глянул на рыбку. Она плавала как ни в чем не бывало. Только было ей мелковато, кончик верхнего плавника торчал из воды.

Шурка старательно вымыл под краном трехлитровую банку. Черпнул из таза кружкой раз, другой. Когда воды в банке стало достаточно, взял скользкую рыбку в ладони, пустил ее в новое жилище. Потом осторожно слил в банку оставшуюся воду. Лизнул мокрые пальцы. Вода оказалась обыкновенная.

Банка была теперь заполнена почти доверху. Рыбка в ней казалась увеличенной, как за большой линзой.

Сейчас это была обыкновенная аквариумная рыбка. Красно-блестящая, с белым пышным хвостом. Как там Кустик говорил? «Алый вуалехвост»? Неважно. Важно то, что к Шурке она не имела уже ни малейшего отношения! А в груди у него: тук, тук, тук...

Шурка выбросил в мусорное ведро липкий кружок искусственной кожи. Спрятал в коробку с инструментами стекло и золотистое кольцо с дырками. А винтики горсткой выложил на стол. Раздаст на память ребятам...

Потом Шурка неторопливо и с удовольствием высушил уютном анголку. Надел ее — теплую, легонькую. Сунул винтики в карман.

Пришла баба Дуся.

— Ба-а, деньги принесли, все в порядке!

— А ты, я гляжу, опять лыжи наострил, не сидишь тебе... Ох, а это что за рыба? Неужто на птичий рынок успел сгонять? Я же велела: сиди дома!

— Да не гонял я, ребята принесли! — выкрутился Шурка. И понял, что баба Дуся ничего не знает про его рыбку. — Это Женьке в подарок, у нее завтра день рождения. А пока пусть побудет у нас.

7. Сердце в подарок

По дороге Шурка заскочил в гараж к дяде Степе.

— Вот отвертка. Только ручка раскололась.

Степан успел хлебнуть и потому был добр.

— Подумаешь, ручка! Если надо, новую налажу. А может, уже и не надо... А?

Шурка ушел от ответа. Спросил:

— Не было вызова от Гурского?

— Не было пока. Жди...

А чего теперь ждать! Больно ему нужен Гурский! Сердце — настоящее, крепкое — билось радостно и неутомимо!

На дворе у Платона оказались только двое — сам Платон и Кустик. Они забавлялись электронной игрушкой «Водолазы» — такая коробочка с маленьким экраном.

— Вот, я нашел сломанную, а Платон починил! — радовался Кустик. — Это будет Женьке мой подарок.

— А где... остальные?

— «Остальную» тетка увезла к себе на дачу, до вечера, — сообщил Платон. — А другие «остальные», которые без кос, вот-вот появятся.

— К тебе дразнительный талант перебрался от Куста, — добродушно сказал Шурка.

— Ага, — печально поддакнул Кустик. — У меня его нисколько не осталось. Исчез вместе со щекотальным страхом. Я уже не рад.

— Я давно понял. Если хочешь, можно сделать обратно.

— Как?!

Шурка объяснил. Кустик сказал, что вечером попробует. И пожаловался:

— А дома все-таки попало. Чуть-чуть. Потому что один краб не вернулся. Вот... — Он дернул краешек штанины. Там на месте веселого глазастого крабика был бледный след.

— Где-нибудь плывет сейчас по подземным рекам, к солнцу выбирается, — сказал Платон.

— Наверно... — согласился Шурка. — А я знаете что Женьке подарю? Рыбку! Ту самую... Алого вуалехвоста...

На Шурку глянули с большущим недоверием. С испугом даже. Он расстегнул анголку. Взял правой рукой ладонь Кустика, левой Платона. Прижал их к груди.

— Слышите?... То-то же!

Кустик изумленно округлил глаза.

— Шурчик... Настоящее?

— Да!

— Рассказывай! — велел Платон.

Шурка рассказал. Платону, Кустику и Нику, который появился очень кстати. Ему тоже дали послушать Шуркино сердце.

Ник подумал, поморщил конопатую переносицу.

— Вот что... По-моему, девчонкам тоже надо все объяснить. Ну, про рыбку и про вчерашнее. Раньше-то мы ничего от них не скрывали. Шурка, ты не против?

— Я... нет. Только вы рассказывайте без меня... А то мне... Ну, сами понимаете...

Он застеснялся до тошноты, когда представил, как будет говорить Женьке про все свои страдания... Пусть она знает, но без лишних слов.

— Куст, что с тобой? — строго спросил Платон.

— А... разве это была тайна? От девочек...

— Та-ак... — Ник сделал прокурорское лицо. — Все ясно! Когда ты им разболтал?

— Утром... Я же не знал, что надо что-то скрывать друг от друга. — Он глянул на Шурку несчастными глазами.

Шурка испытал великое облегчение. Все решилось само собой. Но спросил насуплено:

— А они... поверили?

— Конечно. По крайней мере, Женька...

Когда Шурка вручал свой подарок, он не опустил глаза. Глянул Женьке прямо в ее коричневые зрачки с искорками. В них было молчаливое з н а н и е.

Женька подержала тяжелую банку в ладонях. Осторожно поставила на подоконник, среди цветочных горшков. Обернулась и спросила очень тихо:

— А оно... бьется нормально?

— Да...

— Значит... у тебя теперь все в порядке? Только не говори «увидимся позже».

— В порядке... Хочешь послушать? — И просунул ее руку под анголку. И Шуркино сердце вобрало тепло Женькиной растопыренной ладони...

День рождения получился славный. Женькина мама поставила на стол пухлый пирог с яблоками, большущий торт, бутылки с разноцветной газировкой и варенье. Поели, попили. О ночных приключениях — ни слова. Потому что взрослые были рядом.

Женькина старшая сестра — бледная, в просторном халате и почему-то с виноватой улыбкой — включила магнитофон.

Тина вскочила.

— Пойдемте танцевать! — Она была наряднее именинницы — в желтой кофте с невероятными блестками. (Женька — та в светлом платьице с кружевами на вороте, вот и все).

Шурка танцевать не умел, но Женька храбро ухватила его за локоть:

— Пошли! Прыгай, как умеешь!

И он запрыгал. Сперва стеснительно, потом разошелся. Женькины косы лупили его по бокам. И остальные «плясали как умели». Платон — с Тиной, Ник — с Женькиной мамой. Только Кустик танцевал осторожно. Потому что с Женькиной сестрой.

Потом смотрели видеокассету, где Женька снята была сперва в шестилетнем возрасте, затем первоклассницей (маленькая, а косы почти такие же, как нынче!).

— Какая была симпатичная, — вздохнула над собой Женька. — А сейчас жердина.

— Вовсе не жердина! — возмутился Шурка. — Ты не выше меня! А про меня говорят, что отстаю в росте.

— Все равно... Скоро уже буду тетушкой... — Это она шепотом. И глазами показала на сестру. Шурка дурашливо развел руками: тут уж, мол, ничего не поделаешь.

А рыба в банке беззаботно шевелила хвостом. Обычный аквариумный вуалехвост... И когда прощались, Женька шепнула:

— А чем ее кормить?

— Ничем. Она питается космической энергией...

Утром баба Дуся растолкала Шурку.

— Сколько спать можно! Там к тебе Женя пришла.

Шурка стремительно прыгнул в штаны, натянул рубаху. Босиком выскочил из-за перегородки. Сразу почувал: что-то случилось.

Женька улыбалась вроде бы беззаботно. Однако...

— Шурчик... Я насчет рыбки хочу сказать...

— Что?! Она живая?

— Да живая, живая... Только она билась всю ночь...

— Почему?

— Не знаю... А может, и не билась. Может, мне просто так казалось. Но... как-то не по себе.

Баба Дуся деликатно притихла на кухне. Шурка и Женька стояли друг против друга. Оба — будто виноватые.

— Шурчик... я почему-то боюсь.

— Не бойся. Она живучая.

— Да я за тебя боюсь...

— Почему? — И заболела игольная точка на ноге.

Глядя в пол, Женька еле слышно сказала:

— Я, конечно, дура... Но я все время думаю: «Это Шуркино сердце». И как рыбка трепыхнется, мне кажется, что с тобой беда.

— Ничего со мной не будет! Правда!

— Я понимаю, но все равно... И я боюсь, что этим страхом... ну, наведу на тебя какое-то несчастье...

Шурка нагнулся, потер набухшую кровяную точку. Прошептал потерянно:

— Что же делать-то?

— Шурчик... давай отпустим ее.

Он выпрямился, сказал сразу:

— Давай!

— Ты не обидишься?

— Да нет же! Она твоя. Что хочешь, то и делай...

— Шурка понял, что и самому ему будет легче, если алый (цвета сердца) вуалехвост окажется подальше от глаз. — А я подарю тебе... ну, что-нибудь другое подарю!

— Не надо! Все равно это остается твой подарок. Только пусть плавает на воле. Ей будет лучше... и нам.

— Ладно. А куда отпустим?

— Конечно, в Черный пруд. Он такой... заколдованный немножко. А из него, если захочет, пусть плывет, куда угодно. По ручью, по речкам и до самого моря...

— Женька наконец улыбнулась. По-мальчишески поддернула свои черные брючки, мотнула косами. — Пошли!

Отпускали рыбку все вместе. Наклонили банку над темной гладью, и алый вуалехвост скользнул в пруд вместе с коротким выплеском.

И сразу поплыл, поплыл. Превратился в красное пятнышко, пропал совсем. Даже хвостиком не махнул на прощанье. Наверно, уже не помнил о Шурке. Ну и ладно! Шурка все-таки помахал рукой. Остальные тоже.

Пустую банку спрятали в лебеду (не таскать же с

собой), а потом долго бродили по Буграм. Ловили доверчивых пустырных кроликов. Искали рядом с паровозиком Кузей колодец, из которого выбрались той, полной приключений ночью. Не нашли. И теперь казалось уже, что ничего такого не было. Мальчишкам казалось. А девочкам тем более. К тому же, и маленький краб на штанах Кустика сидел теперь на прежнем месте — будто не пропадал...

Кустик среди щекокущих травяных метелок повизгивал, прижимал к бокам голые локти и подпрыгивал — вчера он сотворил «обратное» колдовство.

Шурка снял рубаху и майку, чтобы поскорее загорал на груди круглый участок кожи. И кожа быстро порозовела...

Пахнущий травой, розовый от иван-чая мир Бугров обнимал своих жителей теплом и тишиной. Паровозик Кузя грел на солнце брюхо и, казалось, шевелил от удовольствия колесами...

К Обеду Шурка, разумеется, опоздал. Но баба Дуся не сердилась. Дала борщ и фаршированные рисом кабачки. Шурка их любил пуще всякой другой еды.

— Я крыжовник купила, варенье сварю. Поможешь ягоды чистить?

— Угу... — Шурка облизнулся.

— Только вот чего не пойму... Таз какой-то ненормальный сделался. Я его взяла, а он горячий, будто в него электричество включили. И гудит. Шур... может, это опять... как тогда, ночью? Ох, не люблю я эту чертовщину...

Шурка с упавшим сердцем (теперь можно так сказать) вылез из-за стола. А с чего вдруг сразу такая унылость? Разве он в чем-то виноват?

Таз был ребром поставлен у стенки на пол. Шурка взял его, обжег пальцы, но удержал. Поднял над головой.

Напряженный звон сразу вошел в мозг.

— Полушкин! Наконец-то!

— А что случилось?

— Нет, это ты скажи, что случилось? Почему генератор — вне тебя?

— Потому что... я уже... сам... Потому что у меня сердце!

С полминуты было звенящее молчание. Потом:

— Не терпелось, да? — Это с явной досадой.

— Да! — с вызовом сказал Шурка.

— Ну... ладно. А рыбка-то где?

— Я...

— Что?

— Мы...

— Что?! Говори быстро!

— Мы ее отпустили. Насовсем...

— Что ты наделал! — Казалось, таз над головой лопнет от звона.

— А что?! Вы же говорили, она вам не нужна!

— Балда! — Это Гурский впервые в жизни обругал его. — Ну-ка давай к нам, быстро!

— Куда? Вы где? Я же не знаю...

— Иди к Степану! Он у себя... — И молчание.

Шурка медленно поставил на половицы горячий таз. Оглянулся на неподвижную бабу Дусю. Словно попро-

щался... И с опущенной головой вышел по лестнице во двор.

8. Неотвратимость

Дядя Степа ждал Шурку у крыльца. С лицом важным и непроницаемым. Крепко взял его за руку, повел. Шурка двигался, обмякший и виноватый, как пацаненок, пойманный в чужом саду (было однажды в жизни такое, давным-давно).

Вошли в гараж, обогнули снятый с колес «москвиченок». Здесь, у задней стены, виднелся в щербатых половицах закрытый люк. Дядя Степа наконец отпустил Шурку. Нагнулся, потянул скобу. Отвалил крышку. Все это медленно, с какой-то особой значительностью.

Из люка пахнуло зябкостью. А от дяди Степы — водочкой, когда он сумрачно приказал:

— Спускайся. Я за тобой.

Шурке в голову не пришло спорить и сопротивляться. Он двигался обреченно.

Вниз вели железные скобы, как в колодце. Когда Шурка, держась за край люка, ступил на верхнюю скобу, ему послышалось со двора:

— Ты куда повел ребенка, ирод проклятуций?!

Баба Дуся. Но это уже далеко, в другом мире.

...Шурка ушел из дома без майки и рубашки, без кроссовок. Тонкие скобы больно давили на босые ступни, землистый холод прилипал к телу. Шурка мелко дрожал — пока спускались, пока шли по низкому кирпичному коридору, перешагивая через трубы и балки. Степан светил через Шуркино плечо фонариком. Тяжело сопел.

Коридор повернул и уперся в стену с дверью. Дверь была обыкновенная, квартирная. Обитая тонкими рейками.

— Все, — насупленно сообщил Степан. — Заходи. А мое дело кончилось. Как говорится, ауфвидерзеен и гуд бай... — И он вразвалочку ушел за поворот.

Первым желанием было — кинуться следом. К люку, к свету, на знакомый двор! Шурка даже качнулся. И замер. Потому что разве убежишь? От Гурского, от судьбы...

Над дверью горела матовая лампочка. На косяке белела кнопка звонка. Шурка вздрогнул последний раз, сильно вздохнул и нажал кнопку.

Тихо было, дверь не шевельнулась. Шурка надавил опять. Подождал. Потянул ручку. Дверь легко отошла.

За ней был тамбур, в нем еще одна дверь, приоткрытая. Из-за нее пробивался свет. Шурка толкнул ее, шагнул через порог.

И оказался в комнате.

Комната была обычная. Пожалуй, только чересчур богатая: с пушистым ковром, с мягкой мебелью и узорчатыми шкафами. С картиной в золоченой раме (на полотне — темный пейзаж с парусами).

Но вот что было и обыкновенно, и непонятно сразу: в окна сквозь густую зелень бил солнечный свет! Здесь, под землей...

Или не под землей? Может быть, уже и не на Земле?

Дальний угол комнаты закрывала зеленая занавесь.

Она странно колыхалась и была как бы подернута туманом.

Из-за нее-то и вышел Гурский. Сел за обширный, резьбою украшенный письменный стол. К Шурке лицом. Подпер кулаками заросшие шерстью щеки. Глянул ярко-синими глазами. Без упрека, по-доброму, но грустно.

— Садись в кресло, Полушкин.

Шурка осторожно прошел по мягкому ковру. Сел на краешек податливого кресла.

— Да садись как следует, удобнее. Лезь с ногами, — добродушно посоветовал Гурский. — Разговор будет долгий.

Шурка опасливо шевельнул пыльными ступнями.

— Грязные ноги-то...

— Какая разница. Это же все — вещи временные. Пристанище на час...

Шурка не понял, но послушался. Забрался в кресло с ногами, уютно уткнулся плечом между высоким подлокотником и спинкой. И... перестал бояться.

Стало спокойно и хорошо. Как в прежние времена, в клинике, когда его навещал Гурский.

И Шурка вдруг понял, что соскучился по Гурскому. Что он... любит этого уверенного и доброго бородача. И даже Кимыч, который возник за плечом у Гурского, ему тоже приятен.

Шурка Кимычу, однако, не был приятен. Кимыч хмыкнул:

— Явился. Я же, Иван Петрович, вас предупреждал...

Иван Петрович Гурский — великий ученый, хирург-волшебник и галактический корректор — потерзал пятерней бороду. Отвел от Шурки ультрамариновые глаза. Спросил, будто против воли:

— Как у тебя, Полушкин, хватило ума делать эту операцию? На себе...

Кимыч хмыкнул опять:

— К чему теперь слова...

— Да, пожалуй, — отозвался Гурский с неожиданным стариковским кряхтением.

Шурка опять ощутил неуютность. Осторожно огрызнулся:

— Все ведь кончилось нормально.

Гурский откинулся на стуле (Кимыча отшатнуло). Положил на стол сжатые кулаки — будто академик Павлов на известном портрете.

— Могло кончиться и не нормально... Да и ничего не кончилось. Ведь рыбка-то уплыла!

— А что с ней было делать?.. И что вам вообще от меня надо?! — Шурка своей обидой заслонился, как щитом. — Я сделал все, что вы велели! А чтобы беречь рыбку после этого, вы не говорили! Вы сами виноваты!

— Это верно... Однако тебе тоже надо было думать...

Виноватость Гурского слегка утешила Шурку. Он сказал уже снисходительно:

— Ничего же страшного не случилось.

— Откуда ты знаешь?.. Откуда мы знаем... Не случилось по ка. Эта «рыбка» — генератор колоссальной межпространственной энергии. И теперь он бес-

контролен, лишен программы. И может вытворить все, что угодно... Захочет — прорастет невинным цветочком на берегу ручья, а захочет — рванет так, что ваша планетная система посыплется, как порванные бусы...

Шурка вспомнил, как они махали вслед алому вуалехвосту. Улыбнулся и сказал уверенно:

— Не рванет. Он же благодарен за свободу.

— Дурень ты... — вздохнул Гурский. Почти как баба Дуся. А Кимыч иронически изогнул губы и брови. Нагнулся, что-то шепнул Гурскому в ухо.

— Вот именно, — кивнул тот. — Это самое грустное. С нынешним твоим сердцем ты не сможешь жить у нас.

— Ну и не надо! — Шурка протестующе забарахтался в кресле. — Я и не хочу! Мне здесь... лучше всего на свете!

— Но ты же хотел на Рею! — Это Кимыч. Неожиданно тонким голосом.

— Я давно уже передумал!

Гурский и Кимыч посмотрели друг на друга. На Шурку. Гурский медленно, очень весомо проговорил:

— Поймите, Полушкин. Никакого «з д е с ь» скоро не будет. Вообще. Совсем. Ваша планета перешла грань возможного. Негативные явления превысили все допустимые нормативы...

— И даже недопустимые, — глядя в пространство, выдал Кимыч.

— Что? Я не понимаю... — жалобно сказал Шурка. Хотя, кажется, понял. И опять обессилел от вязкого страха.

Гурский смотрел в стол.

— Выхода нет, Полушкин. Зла накопилось столько, что болезнь стала смертельной. Этим злом планета отравляет себя, как гангренозный больной — собственным ядом. И ладно бы, черт с вами. Но эта зараза ползет по Кристаллу. И потому — пора кончать.

— Как... кончать? — только и смог пролепетать Шурка. Ему почудилось, что сейчас Гурский нажмет кнопку — и ахнет всепланетный ядерный взрыв.

— Не бойся, — ухмыльнулся Кимыч. И Шурка разозлился. Собрал остатки гордости. Перестал ежиться, спустил с кресла ноги.

— С чего вы взяли, что я боюсь?

— Вот и хорошо, — покладисто сказал Гурский. — С Землей не случится ничего плохого. Мы просто отведем ее по ВВ назад.

— По... какому ВВ?

— По Вектору Времени. В эпоху динозавров, когда людьми здесь еще не пахло. И дадим возможность вашему шарiku покатиться в своем развитии по более достойному пути... Понимаешь, Полушкин, планета сохранится, но история у нее будет другая. Без нынешней крови...

— Значит... и без нынешних людей? — догадался Шурка.

— Естественно.

— Вы... не имеете права!

— Это не мы, Полушкин. Это вывод Космического Разума, диктующего общие закономерности развития.

— Но вы же этим самым переносом... к динозаврам... убьете всех! Вы... хуже Гитлера и Сталина!

— Да кого же мы убьем? Ты п о й м и. Сделай усилие и вникни, Полушкин. Будет более ранняя эра. Получится, что этих людей просто н и к о г д а н е б ы л о.

Ох и тошно стало Шурке. Пусто-пусто...

— Совсем никого?

— Разумеется.

— И... папы и мамы?

— Ну, что поделаешь... Их ведь, Полушкин, и так нет...

— Но тогда, значит, не могло быть и меня!

Гурский и Кимыч снова переглянулись.

— С вами, Полушкин, вопрос особый, — Гурский опять суховато перешел на «вы». — Непростой вопрос. Вы теперь вне обычных земных законов. Уже на иной ступени бытия... Но дернуло же вас отпустить рыбку и вырастить земное сердце! Ума не приложу, как тут быть.

Кимыч вдруг сказал, глядя перед собой:

— Вы знаете, как быть, Иван Петрович. Только не решается. Вариант пятой грани.

— Это сожрет всю резервную энергию...

— Но разве Полушкин не заслужил? Он сделал то, чего не могли мы...

— Да... хорошо. Готовьтесь, Полушкин.

— К чему?..

— К уходу, мой мальчик, — очень мягко сказал Гурский. — Так надо.

— Прямо сейчас? — Шурка вновь съехался в уголке кресла. Машинально.

— Да... Хотя понятие «сейчас» в данном случае теряет смысл.

— Но я не хочу... один...

— С нами, — буркнул Кимыч.

— А... можно взять бабу Дусю?

Гурский и Кимыч молчали.

— И ребят... — шепотом попросил Шурка.

У Кимыча слегка одрябло лицо. Сморщился лысый лоб. И впервые прозвучала в голосе виноватость.

— Евдокия Леонтьевна не захочет оставлять свой дом и привычную жизнь. А ребята — своих отцов и матерей. А те — других родных. И друзей. И потянется бесконечная цепь... Где напасешься энергии? На тебя-то и на нас еле-еле...

— Я не пойду с вами!

— Тогда исчезнешь... — Гурский с усилием встал. Шурка тоже вскочил.

— Значит, вы мне врал!

— Мы никогда не врем, — сказал Кимыч своим прежним бесстрастным тоном.

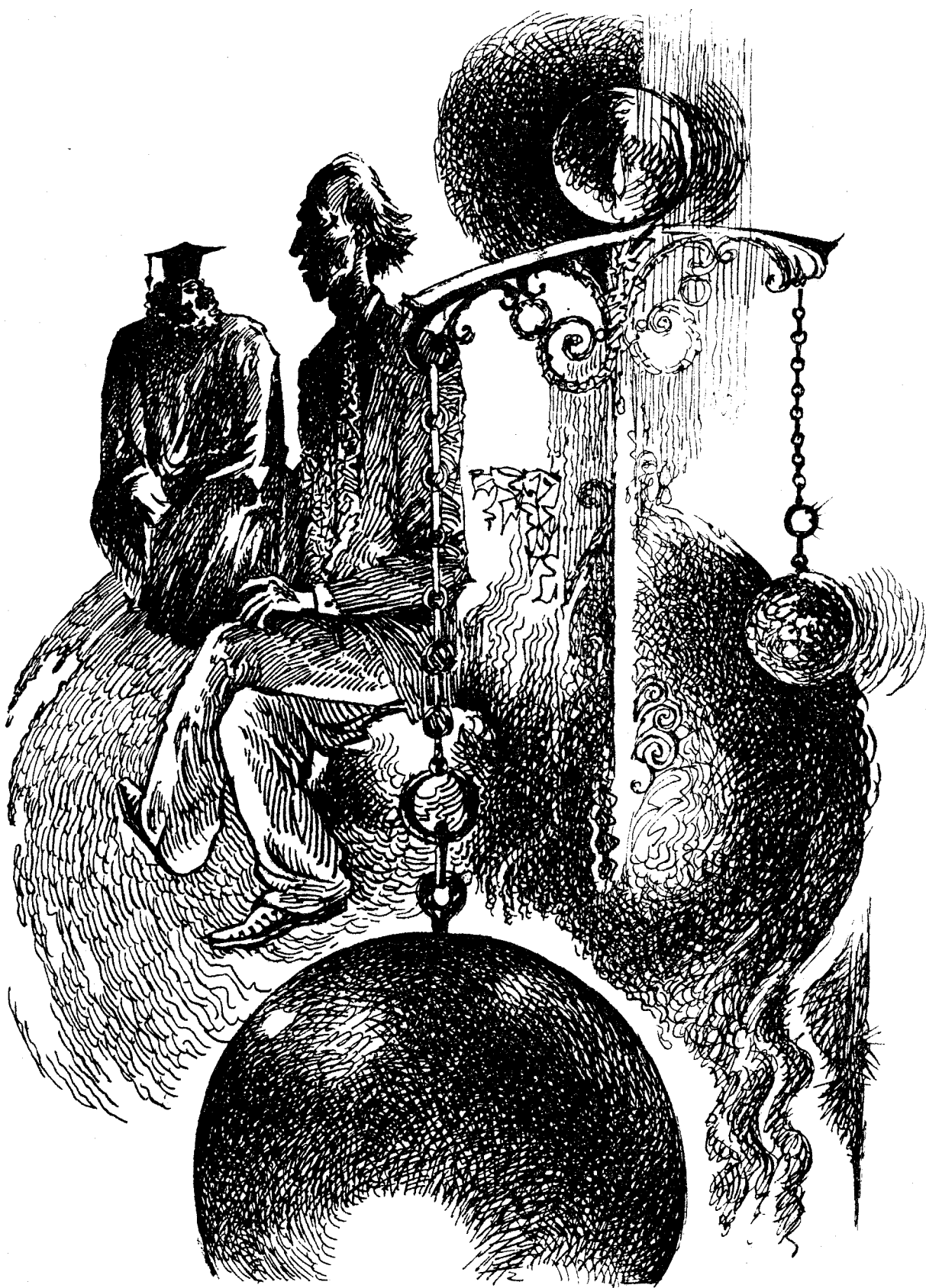
— Врал! Вы говорили, что с Землей ничего не сделаете без моего согласия, а сами...

Гурский тяжело оперся о стол. И только сейчас Шурка понял, что Гурский — старик.

— Нет, Полушкин, не было лжи. Когда мы это говорили, был иной баланс сил. Вы сами виноваты. Сами качнули весы.

— Ничего я не качал!.. Я их даже не касался!

— Я вот про эти весы... — Гурский посмотрел назад. Кимыч тоже. Зеленая занавесь исчезла. Не раздвинулась, не упала, а растаяла. И Шурка увидел весы. Они были громадные, под потолок. Но Шурка

сразу узнал их. Чугунная опора, шары вместо чашек, прозрачный шар с механизмом. Да и клеймо на медном коромысле было все то же: МАСТЕРЪ КАЛЯЕВЪ И.А.

За весами клубилась тьма. От нее веяло неземным холодом. Шурка мигом покрылся пупырышками. Но все же с последней храбростью сказал:

— Ну и что?

— А то, что это межпространственный индикатор дисбаланса. И темный шар на нем прямо тянет вниз. И вы — немалая причина тому, поскольку добавили этому миру долю зла.

— Я не добавлял! Врете!

— Не врем. Добавили... Вы убили Лудова.

Шурка опять сел. Как подрубленный. Сжал себя за плечи. По всему телу — дрожь. То ли от холода, то ли...

— Вы же говорили, что промахнулся...

— Да... Но машина перевернулась, и Лудов получил травму черепа. Сперва казалось, несерьезную. Но недавно она дала себя знать. Кровоизлияние и... конец.

Холода уже не было. Кровь жарко пошла по жилам. Шурка расправил плечи. Во мгле позади часов мерцали звезды. Глядя на них, Шурка проговорил:

— Значит, я все же сделал это...

— Да.

«Папа, я сделал это...»

— Вы что же, Полушкин, не жалеете и сейчас? — тоном огорченного учителя спросил Гурский.

С великим облегчением Шурка глянул в пронзительно-синие глаза.

— О чем жалеть? Я для этого жил. Там...

— У Лудова остался мальчик. Такой же, как вы.

— Бедняга, — искренне сказал Шурка.

— Да. Он очень любил отца.

— Я тоже...

— И чего вы добились? К одному злу прибавили другое. И зло выросло в десятки раз.

— Я думаю... тот мальчик все же не пойдет в приют.

— Речь не о нем! Речь о вас. Вы-то понимаете, что совершили недопустимое?

— Может, и недопустимое... Но я сделал, что хотел. Отомстил.

— Вот именно! А всякая месть человека человеку только увеличивает число бед. Месть — право Космического Разума, а не людей.

— А где он был, этот Разум, когда стреляли в папу и в Ухтомцева?

— Разум не в состоянии следить за движением всех атомов Вселенной...

— Ну и пусть тогда не суется! — взъярился Шурка. — И вы!.. Кто вас сюда звал?!

— А кто бы спас тебя от смерти? — язвительно напомнил Кимыч.

— А я просил?! Я бы... может быть, теперь...

— Что? — осторожно спросил Гурский.

— Был бы, наверно, вместе с отцом.

— Не знаю, — искренне сказал Гурский. — Существование бессмертных душ — неразрешимая загадка Великого Кристалла.

— А я — не в Кристалле! Я встретил бы отца

на Дороге! Она за пределами вашего Кристалла!

Стало как-то очень тихо. Только за стеклами шестелела листва (настоящая, земная?).

Наконец Гурский заговорил растерянно. Даже с боязнью:

— Откуда вы, Полушкин, знаете о Дороге?

Шурка хмыкнул, почти как Кимыч. И не ответил. О Дороге, которая в межпространственном вакууме опоясывает снаружи, по спирали, Великий Кристалл Вселенной, он однажды слышал от Кустика. Когда вечером на сеновале шепотом говорили о вечном и запредельном. На этой Дороге в конце концов находят друг друга все родные и любимые, все настоящие друзья. Потому что и н а ч е н е м о ж е т б ы т ь.

— Он не скажет, — с непонятным злорадством объяснил Кимыч. — Не выдаст друзей. Он думает, что мы не знаем про тощего супермена-молокососа, который клетками кожи, как антенной сетью, собирает межпространственные сплетни...

— Вам-то что! — дерзко сказал Шурка. И встал опять. Никогда он их не любил: ни Кимыча, ни Гурского!

— Да теперь-то уж ничего, — устало откликнулся Гурский. — Какая разница... Значит, Полушкин, вы не жалеете о содеянном?

«Нет!» — хотел он сказать яростно. Однако сдержался, прислушался к себе. Покачал головой, шепнул:

— Нет...

— Воистину вы сын Земли.

— Ну и что?.. Ну и сын. Да! И не трогайте нашу Землю!

— Сами виноваты.

— Нет! Я убил Лудова, но зато...

— Что?! — с ожиданием качнулся к нему Гурский.

— Зато мое сердце спасло какого-то мальчишку.

— Это аргумент. Но запоздалый. Он страданий сына Лудова не убавит. Кстати, его сердце теперь тоже... еле дышит.

— Тогда пусть возьмет мое... — Это Шурка сказал честно. Без всякой рисовки. И без страха. В конце концов, Дорога все равно е с т ь. А чтобы спасти Землю, он готов...

— Вы в самом деле готовы, Полушкин?

— Конечно... (Правда, сейчас уже стало боязно. Слегка).

— Почему? Значит, жалеете, что стреляли?

— Нет... Землю жалею.

Гурский оглянулся на Кимыча. Тот сказал одними губами:

— Не то...

И Шурка вдруг ясно осознал, что близится конец. О б щ и й конец. И сделать нельзя ни-че-го.

И рванулось из него последнее отчаяние:

— Вы!.. Ничего не понимаете! Вы... не люди! Чем откатывать назад Землю, убрали бы лучше с нее таких, как Лудов!

Кимыч зевнул:

— Смешно. Пришлось бы убирать почти всех.

— Неправда!

— Правда, Полушкин. — Гурский опять говорил виновато. — Это не мы. Так показывают Весы.

— Да врут ваши дурацкие Весы!

...И ахнуло, скомкалось пространство. Шурку бросило назад, спиной и затылком ударило о твердое. Распахнулось над ним черно-синее небо с тысячей многоярусных созвездий. И в то же время светило сбоку, у горизонта, лучистое солнце. И ходило по небу несколько пятнистых лун.

Шурка лежал навзничь на каменной плите. Крепкая сила гравитации прижимала к неровной твердости его ноги, руки и плечи. Но голову он мог приподнять. И приподнял.

Налево, к солнцу, тянулась волнистая желтая пустыня. Из песка торчали редкие развалины.

И справа была такая же пустыня. А на камнях неподалеку сидели Гурский и Кимыч. Кимыч в обычном своем костюме с галстуком, а Гурский почему-то в голубой мантии и черной четырехугольной шапке с кистью — как у старинных ученых.

Кимыч сокрушенно покачал головой:

— Что же ты наделал, Шурка... — Никогда он раньше с Шуркой так не говорил.

А что он наделал? Это с ним... что-то наделали. Шурка так и хотел сказать. Но тут над ним нависла круглая тень. Шурка вскинул глаза. Это был гранитный шар. Больше метра в поперечнике. Он висел на цепи, которая уходила к перекладине, похожей на рычаг колодезного журавля.

И Шурка понял, что над ним — весы. Только еще более громадные, чем там, в комнате. Но все равно — те же.

Гурский зябко запахнулся в мантию и сказал — будто не Шурке, а всей пустыне:

— Никто не может безнаказанно усомниться в точности Весов. Они непогрешимы.

— Пустите меня!

— Это не мы, — вздохнул Гурский. — Мы теперь бессильны помочь тебе. Мы даже не сможем избавить тебя от боли. Впрочем, это недолго.

«Что — недолго?» — Шурка опять глянул вверх.

Гранитный шар висел прямо над ним. Из него — словно тонкий луч — выдвинулась блестящая игла. С очень очень острым концом. И Шурка почуял: конец этот смотрит прямо в центр незагорелого круга на его груди.

Глухо, будто из какого-то запределья, Гурский объяснил:

— В шаре — все накопленное зло. Он опускается неуклонно. Ты сам виноват...

— Нет! Уберите его!

— Убрать его не смог бы даже галактический взрыв... Зажмурься, вдохни поглубже и потерпи...

Но Шурка не смог зажмуриться. Глаза раскрылись широко-широко. Серый многопудовый шар приближался. Воистину — неотвратимость. Неторопливая, неумолимая. С тонким несгибаемым жалом. И Шурка вдруг понял, что та, «домашняя» игла была намеком, предупреждением...

Теперь острие было сантиметрах в двадцати от груди. И с каждой секундой делалось ближе на несколько миллиметров.

— Уберите!!

— Не можем, Полушкин... Попробуй сам. Последний раз. Докажи, что добра на Земле больше.

— Больше!

— Нет. Всюду обман, кровь, злоба, стрельба...

— Но ведь есть же и хорошее!

— Что?

— Ну... самолеты в Африку летят с едой и лекарствами!

— А по ним стреляют.

— Есть же... книги хорошие! Музыка!

— Она не спасает от зла. Послушав музыку, люди часто идут убивать.

— Но не все же!.. После хорошей музыки никто убивать не пойдет!

— Значит, плохой больше.

— А зато... а еще... есть друзья!

— Но есть и предатели. Их больше, чем друзей.

— А кто считал?!

— Весы.

Игла была в десяти сантиметрах. Разве успеешь что-то сказать? И у Гурского на все свой ответ. Гурский проговорил:

— Как ни спорь, а планета обречена. На ее поверхности много ядовитой плесени и мусора.

— А зато...

— Что? Ну?..

— Зато цветет иван-чай...

На миг шар замер. Да!

Но почти сразу он опять пошел вниз. Тихо и неумолимо. Тонко, почти безболезненно игла проткнула кожу. Вошла в мышцы груди. Шурка обрадовался, что боль не так уж сильна. Чтобы еще ослабить ее, он вспомнил Женькины косы. И даже улыбнулся. Чуть-чуть. Но игла скользнула между ребер глубже и тронула сердечную мышцу. Шурка вскрикнул — отчаянно!

Шар взмыл на метр. С иглы сорвалась и ударила в грудь теплая капля. А в сердце словно остался колющий шип. Шурка рванулся. Руки оказались свободны. Он толкнулся локтями, сел. Левую ладонь приложил к липкой точке укола.

Шар стремительно уходил вверх. Он, словно пушечное ядро, врезался в звездный небосвод. Созвездия рассыпались и гасли. Погасло солнце, встала на дыбы пустыня. Шурку кинуло во тьму, в провал, вдавило боком в пушистый ворс.

Но вот мягко заполнил пространство зеленоватый свет.

Шурка лежал в знакомой комнате на ковре.

Кимыч и Гурский (уже без мантии) стояли у письменного стола. Весы опять заслоняла зеленая занавесь.

Гурский вцепился в бороду. Он был откровенно растерян. Как обычный земной старик, обнаруживший пропажу кошелька.

Кимыч, как бабка, хлопнул руками по бокам. Поднял к потолку плаксивое лицо.

— Молокососы паршивые!..

9. Молокососы паршивые

Шурка сел. Правой ладонью оперся о ковер. С левой слизнул раздавленную капельку крови. Другую капельку пальцем снял с груди. Тоже слизнул.

След укола тут же затянулся, остался на нем пунцовый бугорок.

Гурский мельком глянул на Шурку и вслед за Кимычем поднял глаза к потолку.

— Какие молокососы? Почему?

— Те двое... — Кимыч нервно стискивал и разжимал кулак. — Кто бы мог подумать?... Все шло как надо, часы соорудили — ну просто как по заказу: включая да крути назад... И вот! — Он подломленно брякнулся на стул. Голова ниже плеч, руки между колен...

— Вы о ком? — спросил Шурка. Были в нем и страх, и надежда. — Какие двое?

— Как это могло случиться? — сухо сказал Гурский Кимычу.

— Кто бы мог подумать!.. Они должны были хотя бы порвать змей...

— Кто?! — Это Шурка. Уже со звонким нетерпением.

Гурский в сердцах рванул на себе бороду. Потом как-то сразу успокоился. Уперся в Шурку синим взглядом. Сверху вниз.

— Те самые... «архитекторы». У которых город с площадью Часов. — Гурский говорил устало, но уже почти без досады. Шурке даже почудилось в его голосе скрытое удовольствие. — Мальчишка со змеем бежал к их городу. По всем вашим законам они должны были надавать ему по шее и погнать прочь, а они... Впрочем, смотри сам...

Гурский ребром ладони повел над головой. Потолок разъехался, будто разрезанный пополам. Шурка увидел заросли и лужайку с игрушечным городом. И троих ребят.

Увидел в странном, неземном ракурсе, словно через несколько стеклянных призм. И снизу, и сверху, и со всех сторон сразу. Очень четко.

Самый маленький был, несомненно Гриша Сапожкин. Других Шурка видел впервые. Но понял сразу — это Митя и Андрюшка, строители города.

Белоголовый Митя сидел перед Гришей на корточках, словно взрослый перед потерявшимся на улице малышом. Голос его Шурка слышал ясно:

— ...Чего ты испугался? Играй... А если хочешь, давай играть вместе...

— Вместе пускать мой змей, да?! — просиял Гриша Сапожкин.

— И змей... И в нашу игру...

Шурка всем сердцем потянулся туда. К этим мальчишкам. К солнцу и зелени. Но опять возник над головою непрозрачный потолок.

— Это они спасли тебя, — вздохнул Гурский. Легко поднял Шурку с ковра и посадил в кресло.

— Как спасли?

— Непредсказуемым своим поступком... Эта аномалия дико сбила все расчеты, вызвала обратное движение Весов. На твоё счастье...

— Подожди, — глухо сказал Кимыч. — Рано ты освободил своего ненаглядного Полушкина.

— Это не я!.. Когда они сказали «давай играть вместе», изменилась структура. Пространство и так было на грани перехода, и вот — последняя капля...

Кимыч поднял лицо.

— Это что же? Новая грань?

— Да, голубчик. Неподвластная нам. Из разряда Безлюдных Пространств. О которых говорят, что они станут зародышем нового мира... Может, нам и не стоило стараться...

Кимыч мотнул головой. Словно муху отгонял.

— Я в это не верю. Нет граней, неподвластных общим законам Кристалла.

— Видимо, есть... Они из тех, что рядом с Дорогой...

— Я не верю в Дорогу.

Гурский развел руками.

— Ей, Дороге, Илья Кимович, это безразлично...

С великим облегчением, с чувством полной безопасности Шурка смотрел вверх. Видел только потолок, но все еще слышал ребячьи голоса. И смех.

— Это Гриша Сапожкин, у которого пропал щенок, — сказал он.

Гриша смеялся от радости. Сейчас он забыл о щенке.

— Если бы ты знал, Полушкин, какие космические устои рушит своим смехом этот Гриша, — с прежней усталостью сказал Гурский.

— Пусть, — сказал Шурка.

Раздался грохот, исчезла зеленая занавесь, и Шурка увидел, как рушатся Весы.

Со звоном рассыпался прозрачный шар, разлетелись пружины и шестерни. Дымчато-хрустальный и гранитный шары покатались друг к другу. Ударились, между ними с треском проскочила синяя молния. Шурка перепуганно вздернул в кресле ноги.

— Это что же?! — громко сказал Кимыч и встал.

— Да, — кивнул Гурский. — Это сигнал, что нам пора уходить. — И повернулся к Шурке: — Оставляем тебя, Полушкин, на твоей планете... где цветет иванчай. Красивое, кстати, растение. У нас таких нет...

— Иван Петрович! — голос Кимыча прозвучал резко и капризно. — До лирики ли сейчас! Вы же понимаете, что уйти мы теперь можем только с о в с е м.

Гурский с нарочитой беззаботностью кивнул:

— Это бесспорно. Самое вероятное место для нас — на дне Черного пруда...

Кимыч дернул головой, обмяк. Но тут же привычно хмыкнул.

— Ну и наплевать... «Не все ли равно, — сказал он, — где. Еще спокойней лежать в воде»...

Шурка смутно вспомнил, что это какие-то стихи. Про моряков.

Гурский озабоченно возразил:

— Не знаю, не знаю. По мне, так на солнышке все же лучше. Даже на здешнем... А впрочем, попробуем пробиться. Что мы теряем?

Кимыч мотнул блестящим черепом.

— Бессмысленно. О н о не выпустит. Ни за что...

— Может быть, выпустит... если попросит Полушкин. О н о ведь многим ему обязано... Полушкин, вы разрешите нам уйти?

— Кто вас держит?

— Держит Безлюдное Пространство Бугров. Несколько минут назад оно стало живым. И оно стало п р и н и м а т ь р е ш е н и я. Нас оно считает врагами, а вас другом.

— А почему вас — врагами?

— Ему кажется, что мы хотели тебя погубить, — сумрачно разъяснил Кимыч. — Но разве это мы? Это Весы... Да и не Весы даже, а... Тьфу, черт! Терпеть не могу оправдываться.

— Ну и не надо. Вовсе вы не враги...

— Тогда отпусти нас, — тихо сказал Гурский.

— Как?

— Попроси у Бугров, чтобы выпустили. Мысленно попроси. Вот и все...

— А вы... ничего не сделаете с Землей?

Гурский молча покачал головой.

Кимыч нервно хихикнул опять:

— У нас не получится, если даже захотим. Как говорится, «ты победил, Галилеянин»... Знаешь, кто такой Галилеянин? И чьи это слова?

— Не-а... — Шурка, прикусив губу, попытался вспомнить и не смог.

— Еще узнаешь, — сказал Гурский. — У тебя все впереди.

— Хотя сейчас здесь главный пророк не Он, а полевые командиры, — вставил Кимыч.

— Перестаньте, Илья Кимович...

— Перестал. Теперь все равно... Лишь бы уйти.

Шурка представил заросшие пустоши и взгорки, ложбину с паровозиком Кузей, иван-чай... «Отпустите их, пусть идут...»

Над Буграми была солнечная тишина, в ней Шурке почудилось согласие. И не только ему.

— Спасибо, Полушкин, — смущенно проговорил Гурский. — Мы, пожалуй, и правда пойдем. Будь здоров...

— Не будет он здоров! — резко возразил Кимыч. — Я мог бы промолчать, но истина требует знания. Полушкин не протянет долго. Игла успела коснуться сердца.

Колющая боль и правда ощущалась в сердце. Но не сильно, чуть-чуть.

Шурка вытолкнул себя из кресла.

— Нет! Оно залечится! У меня регенерация!

Гурский смотрел озабоченно и грустно.

— Я должен предупредить. Способность к повышенной регенерации скоро исчезнет. Как и другие подобные свойства. До сих пор вы были защищены от всех земных болезней, а теперь... это все зависит от дешевой медицины. Ну, да авось обойдется.

— Не обойдется, — угрюмо сказал Кимыч.

Но Шурка не чувствовал страха. Боль в сердце исчезла совсем.

— Кимыч любит излишне драматизировать ситуации, — ворчливо заметил Гурский.

— Я не излишне... А впрочем, что будет, то будет... Кстати, мы можем сделать Полушкину последний подарок. Чтобы он вспоминал нас без обиды.

— Я и так без обиды...

— Подарок? — оживился Гурский. — В самом деле. Небольшой резерв энергии еще есть... Полушкин, хотите, чтобы мы исполнили ваше желание?

— Какое?

— Небольшое, — торопливо вмешался Кимыч. — Без явных фокусов и заметного волшебства... Имей в виду, что мертвых не вернуть...

Гурский глянул на Кимыча укоризненно. А Шурке сказал:

— Давай-ка укрепим на всякий случай твое сердце.

Шурка мотнул головой. Сердце не болело и билось ровно.

— Лучше другое желание...

Кимыч с ехидцей сообщил:

— Я знаю, о ком он попросит. О бабке...

— Да! Потому что, если с ней что-нибудь случится, куда я тогда... И потому что она родная!

— Ничего с ней не случится, — сказал Кимыч. Не Шурке, а Гурскому. — Я позаботился заранее, когда оформляли опеку. Старуха проживет не менее ста лет. А то и больше. Без дополнительного энергоресурса.

— Все-таки вы циник, Илья Кимович, — вздохнул Гурский.

— Ну и пусть... Полушкин, давай о другом.

— Тогда... знаете что? Можно, чтобы Гриша Сапож-кин отыскал щенка?

Все разом взглянули на потолок. За ним уже не слышно было голосов и смеха. Потом Гурский и Кимыч посмотрели друг на друга. Кимыч пожал плечами. Гурский опять затеребил бороду.

— Видишь ли... Месяц назад щенка поймали мальчишки с улицы Краснопольской. Привязали к дереву и расстреляли из самодельных арбалетов...

— Будущие полевые командиры, — сказал Кимыч. — Те, кто не мыслит жизни без стрельбы по живым целям...

Шурка вздрогнул, обнял себя за плечи. Как на зябком сквозняке.

— Тут ничего не поделаешь, Полушкин... А Грише лучше не знать про это. Пусть думает, что щенок живет у других хозяев...

— Пусть, — прошептал Шурка. — Но тогда... я не знаю, что и хотеть. Надо думать, а времени нет...

— Времени нет, — согласился Кимыч.

— Вот что! Если можно... Пусть это лето не кончается подольше! Пусть будет длинным-длинным! Можно?

Кимыч недовольно спросил:

— Это как же? Задержать Землю на орбите? Или изменить наклон оси?

Гурский посмотрел на него через плечо. Слегка нагнулся над Шуркой.

— Мы не можем ни задержать, ни наклонить, Кимыч прав. Но тебе и твоим друзьям лето покажется долгим-долгим. Оно не кончится, пока... ну, скажем, пока ты не истреpleшь свою анголку. А это случится очень не скоро.

— Еще бы! — возликовал Шурка.

— А теперь выведи нас.

Они покинули комнату, и кирпичный коридор (теперь в нем горели лампочки) привел к железной лесенке. Вверху светился круглый выход.

Шурка первый поднялся на поверхность. Конечно же, недалеко от Кузи. Качались головки дикого укропа и белоцвета. На иван-чае кое-где уже появились пушистые семена.

Гурский и Кимыч встали у Шурки за спиной. Поддержали его за плечи, потом обошли с двух сторон и стали уходить сквозь чащу травы. Не оглянувшись. Они были видны по поясу.

Они не просто уходили, а как бы таяли в солнечном воздухе. Исчезали, как сон.

Шурке стало грустно. Не только из-за прощания. Вообще. Ведь вместе с повышенной регенерацией и другими волшебными свойствами пропала и спасительная блокада памяти. Шурка знал, что теперь воспоминания о прошлом будут частыми и безжалостными. Никуда не уйдешь... Он уже приготовился...

Но сзади раздались знакомые голоса. К Шурке спешили Платон, Кустик, Тина, Ник. И Женька. У Женьки косы цеплялись за головки трав. Кустик храбро ломился через белоцвет, но при этом тихонько верещал.

Они подбежали.

— Шурка, мы тебя искали, искали!

— Шурчик, ты почему тут один?

Он посмотрел Женьке в глаза, почесал зудящий укол над коленом.

— Я провожал э т и х. Они ушли насовсем.

— На свою планету? — шепотом спросил Кустик.

— Не знаю. Наверно...

Кустик наклонил к плечу голову.

— Смотри-ка. Твой кружок на сердце сделался загорелый. И шрама почти не видать. Скоро будет не различить...

— А от Куста сбежала русалка, — сообщил Платон. И повернул Кустика к Шурке спиной. — Смотри.

Вместо яркой круглолицей девы-рыбы на майке был блеклый силуэт.

— Не сбежала! Я ее сам... выселил! Придумал заклинание: «Мне с тобою неохота, уплывай в свое болото! Убирайся от Куста или будешь без хвоста!» Потому что она знает что вытворяла? Сегодня с утра начала дергать хвостом и пальцами шевелить! Щекоталки репетировала... Еще вреднее, чем Алевтина с Женькой.

— «И все засмеялись», — надула губы Тина.

И все засмеялись.

IV. Чешуйки в рыжей шерсти

(Почти эпилог)

Гурский обещал не зря — лето и в самом деле было бесконечным. Дни — как недели, недели — как месяцы.

Были бесконечными и Безлюдные Пространства Бугров: и в своей просторности, и в радостях, которые они дарили ребятам.

Шурка с друзьями проводил там целые дни. Они открывали новые заколдованные места и таинственные подземелья. Но больше всего по-прежнему любили ложбину с паровозиком Кузей...

Мелькали солнечные дожди, вставали над Буграми радуги. Выгорели от горячих лучей ребячьи волосы. Шурка уже не обростал, как прежде, и царапины его не зарастали моментально. Однако все равно зарастали быстро — как на остальных...

Иногда, особенно по вечерам, делалось грустно. Даже тоскливо. Потому что теперь он снова помнил все. Даже название города, где жил раньше. Порой тоска делалась такой, что он плакал в подушку. Но даже сквозь эти слезы просачивалась радость от того, что есть лето, есть друзья, есть их страна — защищенные от бед, почти сказочные пространства...

Случалось, что покалывало сердце. И тогда опять вспоминались Весы. И закрадывалась тревога: не случится ли все-таки плохое — тогда, когда в конце концов наступит осень и солнце войдет в зодиакальную зону Весов? Может быть, Кимыч сказал правду? Ведь игла в самом деле успела коснуться сердца...

Но боль утихала. И Шурка начинал думать, что это пустяки. Разумеется, галактические корректоры никогда не врут, но Кимыч мог просто ошибиться. Да, игла коснулась, но что с того? Есть ветераны давней войны, которые до сих пор живут с осколком в сердце. А тут — слабенький укол...

И все же однажды Шурка не выдержал, поделился тревогой с друзьями.

— Пойдем со мной, — сказал Платон. И повел его к своему знаменитому дяде.

Профессор-кардиолог Звягинцев обследовал Шуркино сердце «вдоль и поперек». И сказал:

— Все в порядке. Почти. Есть легкие шумы: чуть-чуть капризничает один клапан. Но это, видимо, возрастное, пройдет. Живи и не бойся...

И Шурка перестал бояться.

Стало совсем хорошо.

Женька всегда была, как ласковая сестренка, и ни одна размолвка не омрачила их дружбу...

Правда, было событие, которое внесло в эту летнюю жизнь печальную нотку: мама и новый папа Кустика увезли его отдыхать к морю. Никто теперь не дразнил девчонок, не убежал с воплями от заслуженных щекоталок и не развлекал друзей подслушанными в космосе историями.

Уезжая, Кустик утешал друзей и себя:

— Это ведь всего на две недели.

Две недели оказались громадным сроком. Кустик успел прислать два письма. Одно короткое: как приехали, какой чистый на пляжах под Калининградом песок и какие «щекотательные» у волн гребешки. А второе...

Вот отрывки из него:

«...Один раз, когда я лежал с закрытыми глазами на песке, кверху животом, ко мне кто-то подошел и лизнул бок. Я заорал от щекотки и откатился. И увидел, что это щенок. Он испугался, но не убежал. Только отскочил. Он был мокрый. Стоял и смотрел на меня и махал хвостом, с которого летели брызги. Он был рыжий с черным пятном на ухе. Ухо было лопухастое...

...Конечно, мама и дядя Игорь (который ее муж) сперва говорили, что это безумие. Что невозможно везти собаку с собой в такую даль, через полстраны и даже через границу, через Литву. Нужны всякие разрешения и ветеранские справки...

— Ветеринарские, — поправила Тина. — Все перепутал, Кустище необразованное...

Они лежали в тени паровозика Кузи, и Платон читал письмо вслух.

— А вообще-то он складно пишет. Он точно будет писателем, — защитил Кустика Ник. А Шурка дернул-ся от нетерпения:

— Что дальше-то? Про щенка!

«...ветеранские справки и специальный билет. И что надо отдать щенка местным ребятам, если не найдется хозяин...»

— Ага, один такой щенок уже попал к «ребятам»... — не выдержал Ник.

— Не все же ведь злодеи, — вступилась за приморских мальчишек Женька.

Платон глянул поверх листа:

— Вы будете слушать или нет? «...местным ребятам, если не найдется хозяин. Но я поднял такой рев, что содрогнулось все Балтийское побережье...» Да, он точно будет русским классиком, как Лев Толстой... «...Балтийское побережье. Было ужасно стыдно реветь во всю мочь, да еще при посторонних, но я же старался не для себя, а для Гриши Сапожкина...»

Все запереглядывались.

— Слушайте дальше! «...Потому что, когда я говорю «Гриша Сапожкин», щенок начинает взвизгивать и плясать вокруг меня и даже кувыряться через голову. Платон, Шурчик, Ник, Женька и Тина! Теперь читайте очень внимательно. Кажется, я знаю, какой это щенок...» Слово «какой» подчеркнуто, — сказал Платон. — «...знаю, к а к о й это щенок. Потому что в шерсти его то и дело попадают красные блестящие чешуйки. На здешних рыбах таких нет. Я уверен, что Шуркина рыбка доплыла до этого моря...»

— Вот это да... — шепотом сказал Ник. — Доплыла и превратилась?

Никто не возразил, что, мол, «так не бывает». Насмотрелись уже на всякое. Но Платон усомнился:

— Почему же не превратилась здесь? Поближе к хозяину? То есть к Грише...

Шурка покусывал стебелек овсяницы. Объяснил задумчиво:

— Кажется, я понимаю. Она услышала мое желание в пути, когда я говорил про щенка Гурскому и Кимычу. Донеслось до нее... Но вернуться против течения она не могла. А там, на побережье, увидела знакомого Кустика...

Может, все так и было. А может, и не так. Но когда Кустик наконец вернулся и когда ребята вместе с Гришей Сапожкиным встретили его у вагона, лохматый рыжий песик выскочил из тамбура впереди всех. И прыгнул Грише на грудь. И заплясал вокруг него, закувыркался, завизжал от счастья.

Гриша поймал щенка за уши, поцеловал в мокрый нос, прижал к своей «мультишной» майке с попугаями.

На перрон упало несколько красных чешуек, ребята подобрали их.

...Потом они часто гуляли по Буграм вместе. Шестеро друзей и новый их приятель со щенком. Щенок оказался «девичьей породы» (так выразился Гриша), и по общему решению из Рыка его переименовали в Рыбку.

— Но как Рыбка оказалась в такой дали от дома? — порой недоумевал Гриша. Ему каждый раз объясняли:

— Кто-то украл и увез. А там бросил. Бывают ведь такие бессовестные люди...

Иногда ребята оказывались у лужайки с игрушечным городом. И встречали там его строителей. Митя и Андрюшка вели себя сперва недоверчиво. Но бесхитростный Гриша стал как бы ниточкой между ними и дружной шестеркой.

— Не бойтесь, они лишь посмотрят, — успокоил он Митю и Андрюшку при первой встрече.

И ребята смотрели. Осторожно, со стороны. Даже резвая Рыбка ни разу не попыталась подойти к городской стене ближе, чем на пять щенячьих шагов.

Вмешиваться и помогать Мите и Андрюшке никто не пытался. Только по-прежнему приносили кусочки цветного фаянса для мозаичных площадей.

Но однажды, когда Митя и Андрюшки не было, Шурка позволил себе самостоятельный поступок. Слово что-то подтолкнуло его. И никто его не остановил.

В кармане Шурка отыскал несколько блестящих чешуек и укрепил их на шпильках маленьких крепостных башен. Обратная сторона чешуек была клейкая, они прилепились к лучинкам сразу. И загорелись на солнце алыми огоньками...

С этого момента город стал расти. Медленно и неотвратимо.

Каждый раз, выходя на лужайку, все видели, что стены стали выше, площадь Часов шире, замки и дома крупнее. Скоро купола храма, сделанные из яичной скорлупы, были уже величиной с половинки арбуза. Башни — Шурке до пояса.

Никто не удивлялся. Слово так и должно было случиться. И все знали, что в конце концов город станет настоящим, только путь к нему будет ведом не каждому.

Город станет настоящим, если хватит времени. Если очень долгим будет лето.

А лето обещало быть еще очень долгим. Ведь оно могло кончиться не раньше, чем Шурка истреplet свою анголку. А материя была удивительно прочной. Она сильно выцвела, но пока так и не порвалась ни разу.

Если же отскакивали пуговицы или расходились швы, баба Дуся замечала это сразу.

— Ну-кося, снимай, почию... Носит вас нелегкая по буеракам...

Смотреть, как баба Дуся работает иглой, Шурка не любил. Игла напоминала о многом, хотя укол на ногу больше не болел. Впрочем, с починкой баба Дуся справлялась быстро.

— Надевай, чадо непутевое...

— Что ты! Я путевое чадо!

От материи пахло травой и солнцем Безлюдных Пространств. Полы рубашки взлетали, как крылья. И Шурка опять спешил на улицу Каляева, к друзьям.

Часто его первой встречала Рыбка. Мчалась навстречу. Она любила каждого, кто дружил с Гришей.

Но больше всех, конечно, любила самого Гришу. Всем своим верным сердцем.

Однажды Шурка шепнул Женьке:

— Получилось, что я сделал подарок Грише, а не тебе.

— Ох и глупый... — Она мазнула его кончиком косы по щеке. Шурка счастливо зажмурился. Солнечная тишина Бугров радостно звенела в ушах. Она была не полная, эта тишина. Гриша и Рыбка барахтались в траве, у паровозика Кузи. Гриша упал навзничь, а Рыбка насканивала и старалась ухватить его за майку. Гриша болтал ногами и смеялся.

«Если бы ты знал, Полушкин, какие космические устои рушит своим смехом этот Гриша...»

А почему — рушит? Может быть, наоборот!

Вот здесь бы и поставить точку. Но суровая логика повести сделать этого не дает. Можно придумать всякие чудеса, но придумать для книги счастливый конец нельзя. Если его не было...

И автору приходится писать вот что.

Семиклассник Шурка Полушкин умер за несколько суток до своего дня рождения. Когда осень все-таки пришла. Умер внезапно, как от укола в сердце. Может быть, это и правда был укол. А может быть, приступ неодолимой ночной тоски. Ведь не было уже спасительного лета...

Что же теперь? Написать про слезы ребят, про воющую Рыбку, про то, как Женька вцеплялась зубами в свои косы, чтобы сдерживать рыдания?..

Нет. Сегодня нет.

Есть еще надежда. Пока это был лишь первый взгляд в неизбежную осень. А Шуркино лето до сих пор не кончилось.

Конечно, можно сказать: как же не кончилось? За окном облетают тополя.

Да, облетают. А может быть, уже и снег лежит. Или даже звенят капли новой весны.

Все это так. Но Шурка с друзьями пока живет среди лета. Он еще не износил свою анголку. И есть время его спасти.

Как? Только одним путем. Сделайте ради Шурки что-то хорошее. Хоть капельку добра. Может быть, она заставит выровняться Весы. А то и качнет их к свету.

Сделайте, что можете, в меру своих сил. Например, помогите мальчику отыскать пропавшего щенка. А если щенка уже не найти, хотя бы утешьте мальчишку ласковым словом. Или скажите ему:

— Если хочешь, давай играть вместе...

Глядишь, он и засмеется от радости.

Константин АФАНАСЬЕВ

ГОД КАЩЕЯ

Бог имеет великое множество имен, личин, воплощений. Блажен, кто знает об этом. Проклят, кто видел хотя бы два из них.

Вечность неделима, как неделим, скажем, отрез, любовно выбранный на свадебное платье. Кромсать вечность на года и эпохи — все равно что нашить из свадебного отреза десяток подгузников, неожиданно понадобившихся задолго до криков «Горько!»

Мы взяли кусок вечности, ошметок бессмертной жизни, и в тщете своей назначили ему имя: год. Ну не смешно ли называть годом произвольный отрезок произвольного состояния материи, но так нам понятнее, так спокойнее нам, не имеющим ни мужества, ни умения осознать вечность. Здесь нет нашей вины. Мы — люди, нам простительно человеческое.

Глупа аксиома: что бессмертно — не имеет конца и, следовательно, начала не имеет. Бессмертное имеет множество начал и столько же завершений. Бессмертие, переваливая через гибель и новорождение, сильно одним — статичностью формы.

Кашей не знал, сколько раз он родился и сколько раз умирал. Он оставался Кашеем, и этого было довольно, чтобы к имени своему добавлять «Бессмертный» в каждой своей ипостаси.

Комментарии

...Молодой краснощекий парень весело гнал коня напрямик через овсы. Он был богатырь и плевать хотел на крестьян с их пшеницей, льном и прочей дребеденью. Конь его на ходу успевал схватить колос-

другой, тайне мечтая, чтобы поле это тянулось бесконечно.

...Вся материя вселенной была горошиной на Ее руке. А все вокруг, и внутри Ее, и Она сама — была пустота. Отщипывая по кусочку от горошины, скучая и томясь, Она создавала миры, не думая о том, что создает...

...Три лисьих морды проклюнулись из густого кустарника и настороженно глянули на опушку. Ветер качал обугленные ветки деревьев и сбрасывал в них остатки вороньих гнезд с маленькими тонкими костями. Одно гнездо упало прямо в кусты. Лисы исчезли. Ветер, развеселившись, швырнул туда еще два гнезда. Кусты вздрогнули трижды и замерли...

...Вода в аквариуме была теплой и почти прозрачной. Неясные людские тени привычно маячили за стеклом. Непривычным было ощущение беспокойства, идущее извне и заставлявшее плавники работать судорожно и часто...

...— А я тебе говорю — никогда так не было, чтобы на весь вагон — один пассажир, да и пассажир-то какой-то непутевый, смурной, и глаз у него недобрый, а ехать-то — сутки...

...Собака ждала крысу. Собака знала, что крыса должна появиться из темного отверстия в углу подвала. Собака была молода и нетерпелива. Там, где она переступала лапами, слежавшаяся пыль была покрыта четкими отпечатками. Крыса не хотела выходить, она хотела бегать по подвалам, находить пищу, совокупляться, стачивать клыки о деревянные перегородки и

даться с другими крысами, она хотела жить. Крыса знала, что ее ждет собака, знала, что собака уйдет, и тогда она вылезет. Но не раньше. Раньше вылезать смысла не было...

Эпизод первый

Бабки, чинно сидевшие на скамейке возле подъезда, имели раздвоенные языки и ядовитые жвала. Проходя мимо них, Кашей испытывал легкий страх и невольное уважение. Они узнали его и пропустили молча. Открыв своим ключом большой висячий замок, Кашей спустился в подвал девятиэтажки. Красные глаза крыс перемещались в темноте подвала, шорох маленьких ног следовал за ним. Он прошел, нагнувшись, в пустой дверной проем и увидел собаку. Собака не посмотрела даже в его сторону. Она существовала здесь, чтобы сторожить крысу, все остальное не воспринималось ею. Кашей повернул выключатель на стене, крысы недовольно запищали. Ряды дощатых кабинок, в которых жильцы обычно держат старые сундуки, банки с солеными помидорами и дырявые корзинки, были подписаны мелом. Угловатым почерком выведены фамилии и номера квартир. Разномастные замки тускло поблескивали в свете редких электролампечек со следами побелки.

Кабинки были пусты. Ни один человек никогда не заходил в этот подвал.

Дойдя до кабинки с номером шестнадцать, он услышал знакомое бречанье. И знакомая боль ударила в виски, проникла глубже, тяжело легла на лоб изнутри. «Мама», — то ли сказал, то ли подумал Кашей, и дверь открылась, и качнулась ему навстречу из пыльного сумрака Эвридика, Мегера, Афина, Ника, Гарпия — его мать, его боль, ужас его и проклятье прошлой вселенной, родившей эту, новую, вселенную Кашея.

Тонкие браслеты охватывали ее запястья, почти невидимая цепочка тянулась от них в стену. Кашей помнил, кто сковал эту цепь, эти браслеты по его заказу. Он помнил заросшее полуседой щетиной лицо кузнеца, сильные руки его, волосатую грудь, блестящие от пота. Хромая вокруг наковальни, он играл маленьким молоточком, хохоча от счастья ковать, творить, гнуть ювелирно, запаивать звенья, бесконечно вытягивая тонкое и блестящее. Он не взял с Кашея платы, это был первый заказ со времени падения Кузнеца, и он верил в легкость руки Кашея, и он не ошибся.

— Здравствуй, сын.

— Здравствуй, мама.

— Ты подумал?

— Да.

— Может быть, ты подумаешь еще?

— Не трогай мои мысли, мама, я не буду думать об этом еще.

— Ты боишься меня, сынок?

— Боюсь.

— Я растеряла свою силу здесь, мальчик.

— Ты накопила силу, мать, ты стала гораздо сильнее. Я не выпущу тебя никогда.

— Зачем же ты приходишь сюда?

— Я люблю тебя, мама.

Дверь закрылась, и выключатель повернулся, и собака оскалила зубы, и крысы пробежали, волооча хвосты сквозь пыль и сквозь пыль постукивая когтями по цементному полу.

И бабки у подъезда проводили Кашея молчалим, облизывая сухие губы раздвоенными языками.

Комментарии

...Домовой горестно вздохнул, просовывая сквозь решетку в подвальное окошко полоску копченого мяса. Он долго смотрел, как ест запертая в подвале женщина, не имеющая ни возраста постоянного, ни постоянной внешности. Единственное, что всегда было с ней — тонкие браслеты на руках, соединенные мелкой блестящей цепочкой, уходящей в стену подвала...

...И когда горошина материи иссякла, вокруг Нее была новая вселенная, полная движения жизни и смерти. И Ей было тесно среди этого упорядоченного хаоса, и Она поселилась на одном из миров и стала жить по его законам...

...Ниже обугленных ветвей дерева продолжали зеленеть. Целыми днями в зелени роились птицы, не помня то время, когда падала сверху широкая плавная тень и с резким клекотом отнимала жизни у слабых и беззащитных...

...Кошке было холодно и она выгибалась вдоль стены, стоя на замерзшей воде, целый день стекавшей с крыши. Ей хотелось на теплый чердак, ей хотелось кота и мяса. Но кошачье чутье говорило ей, что на чердак этого дома лучше не соваться сегодня...

...И ехал-то единственный пассажир без вещей совсем, и одет был не по сезону, а лет ему, бог его знает, сколько ему лет...

Эпизод второй

Кашей смотрел в пыльное стекло вагона, чувствуя спиной вагонную пустоту и безлюдье. Проводница, забившись в свое купе сразу после отправления, не спала, он видел ее страх, алым пятном проступивший на стене. Он видел ее страх спиной.

Маленькие белесые существа, невидимые проводнице, гнали вровень с идущим поездом невидимого проводнице дракона. Тот издыхал в воздухе, все с большим трудом поднимая перепончатые крылья. Узкие глаза пресмыкающегося, полузакрытые птичьими пленками, смотрели вперед спокойно, но без надежды. Страх облаком исходил от белесых, полупрозрачных оборотней. Страх гнал дракона, он лишал сил проводницу, он огибал Кашея.

Опустив закрытое на зиму пыльное окошко, Кашей впустил змея в купе. Тот упал на полку, странно подогнув крыло, и, не удержавшись, скатился на пол. Кашей поднял стекло, о которое тут же ударились несколько прозрачных, и закурил.

Заглянув под столик, Кашей увидел человека, малорослого, скрюченного болью, раскосые глаза на бледном лице полузакрыты, рот кривится в странной ухмылке.

— Кто ты? — спросил Кашей.

— Змей. Я последний. Они сожрали всех.

— Кто?

— Эти. Я не знаю. Нас было мало. Теперь нет совсем.

Змей постепенно успокаивался. Прозрачные отлепились от стекла. Страх проводницы таял. Алое пятно на стене сжалось до размеров легкого беспокойства.

— Откуда они?

— Не знаю. Они ищут...

— Что?

— Я не знаю.

Кашей сосредоточился и заглянул в мысли змея — темные, скукоженные страхом. Из глубины, извиваясь, глумясь, выплыло одно слово: «игла». Слово обладало интонацией, и интонация была знакома.

«Мать», — понял Кашей.

— Отпусти меня, сынок, — услышал он голос. Прозрачные снова липли к стеклу. Кашей выволок из-под стола кусок трясущейся плоти и, швырнув на нижнюю полку, заглянул в раскосые глаза.

— Я — Кашей, — сказал он медленно и раздельно.

Змея перестало колотить. Мозг его закрылся для страха и открылся навстречу Кашею широко.

Издавна горынычево племя служило Кашею. Голос холопской крови пересилил ужас прозрачных.

Кашей знал, что матери не достать иглу. Это было глупо с ее стороны — такая попытка.

— Сядь, — сказал он змею. — Я беру тебя к себе, успокойся.

— Благодарю, князь.

Проводница очнулась и включила титан. Пора было готовить чай.

Комментарии

...Однажды он завел собаку, но прошло мгновение — она состарилась и околела. Он очень мучился тогда. По ночам ему ничего не снилось, но появлялся вдруг запах псины, какой бывает, когда собака вбегает в дом с мороза, навалывшись в снег. Он даже просыпался от этого запаха, шел на балкон, горбился у перил, курил, кашлял долго. И еще утром просыпался в полседьмого и лежал на спине, старался не смотреть вбок, пытаясь вызвать ощущение присутствия собаки на полу возле дивана, но это редко удавалось...

...Она подчинила себе этот мир, Она правила им долго и жестоко, потом Ей надоело это, и Она стала наблюдать, не вмешиваясь, за жизнью тех, кого создала из праха и кого никогда не понимала до конца...

...Платье было в самый раз — не короткое, не длинное. Видны были округлые колени, и грудь была открыта в меру, и руки почти до плеч. «Сегодня», — подумала Машенька, стоя перед зеркалом, и чуть-чуть провела пробочкой от флакона с духами по левой груди прямо над вырезом платья.

Эпизод третий

Дом был небольшой, старый, двухэтажный, вокруг кирпичного фундамента сугробы мартовские, серые. Наледь под водосточной трубой солнце вечернее отражало. Солнце в спину Кашею било, когда он к дому подходил. Неуверенно подходил. Себя ли, хозяев стра-

шился? Зябко было ногам в туфлях, не по сезону легких, в тепло хотелось.

И знал он, чувствовал, что будет тепло там, за дерматиновой дверью старого дома, но не спешил почему-то, остановился, сигарету выкурил, потом позвонил.

И понял — ждали.

Замок сразу щелкнул, и в доме, хотя тишина была, чувствовалось какое-то движение, бесшумная какая-то суета.

Сам хозяин открыл — плотный, в джинсах, в рубашке модной, вокруг лысины ореольчик волос, не седой еще, но седоватый, на возрасте был хозяин, живот через джинсы переваливался, словно тоже дорогому гостю рад был, угодить старался. И когда снял Кашей полушубок, живот хозяйский в столовую его подтолкнул, хотя вроде бы и не подтолкнул, вроде бы и не коснулся.

А в столовой скатерть белая, хрусталь, изо всех комнат повытасканный, под люстрой, хрустальной же, блестел-переливался, икрой да бужениной радовал, закусками и салатами манил. Постаралась хозяйка, и хозяин — чтоб не лицом в грязь. Ждали — опять подумал Кашей.

Хозяйка вплыла, сама, что люстра, и за хозяйкой — она. В платье розовом, колен чуть выше, с прической модной, глаза из-под французской туши смело глядят, весело.

«Вот за тем и пришел, — подумал Кашей, — за это и пить сегодня с папашей твоим будем».

И сели, и разговор пошел, ни о чем вроде, но слово каждое не зря ронялось, с оглядкой на главное. И выпили, и закусывать стали, и опять выпили, и блестела лысина хозяйская, и глазами он жене подмигивал, и локотком в мягкий бок толкал ее под столом. И улыбалась она Кашею и на дочь поглядывала.

Хозяин развеселившийся ложку икры окунул в аквариум, что у стены стоял, и золотые рыбки хватали ту икру красными губами, глотали жадно и порыбьи о чем-то между собой переругивались. А после подплыли все разом к прозрачной стенке и стали на Кашею глядеть внимательно, лениво этак плавниками двигая, тяжело. Кашей же на хозяина с хозяйкой не смотрел почти, от толканий их и подмигиваний буженина у него к горлу подступала, воздуху хотелось заоконного, мартовского. На Машеньку он смотрел, на рыб смотрел мимо хозяйской лысины. Нравилась ему Машенька, а рыбы не нравились, нет.

«Как люди они, — думал Кашей. — Икринки, плоть от плоти своей рыбьей, сожрать готовы, лишь бы в брюхе тепло было, сытно».

И танцевали они с Машенькой. Под руками у него что-то легкое такое было, но по-женски округлое, вздрагивающее.

«Мое», — решил он, и спокойнее как-то стало, только раз еще передернуло Кашею, когда в зеркале улыбку хозяина увидел, нехорошую улыбку, не улыбку даже, улыбочку. Зубы все из-под толстых губ наружу вылезли, острые, мелкие, щучьи зубы. И это добродушной лысине и животу хозяйскому гостеприимному ну никак не соответствовало. Да что — хозяин, когда вот она — Машенька, рядом, и дышит легонечко так, куда-то в шею ему, и глаза ее чуть навывкате, голубые, говорящие.

Да и все мы этак-то. Когда чудо такое в руках, синица ли, журавль ли, не поймешь, когда глазки такие на тебя глядят и губки розовенькие чуть вздрагивают, до хозяина ли? До хозяйки ли с бужениной ее и улыбками приторными?

И чувствуешь умом: торг идет, а к горлу ком, и плевать уже на все, кроме платья розового и плечиков узеньких, и музыки теплой, обволакивающей.

А потом лестница наверх скрипела, в комнату, Кашею отведенную. И хозяин, захмелевший вроде, провозжал его, и когда думал, что не смотрит на него гость, по-резвому оценивающе зыркал и снова глазки прятал. А когда один Кашей остался, штору отдернул, в окно посмотрел на темный дом напротив, на фонарь желтый, под которым кошка по своим мартовским делам кралась, изгибаясь плавно.

«Ей бы рыбок тех, золотых, — подумал вдруг Кашей, — то-то рыбкам икорка хозяйская поперек горла встала бы».

Но эта мысль сверху была, снаружи, а под ней другая билась, в слова рвалась оформиться. Дал ей волю Кашей, и вот: «Спальня-то Машенькина рядом должна быть».

И только представил он, как она платице розовенькое лениво через голову снимает, темное что-то нахлынуло, в руках задрожало. И дрожащими руками приоткрыл Кашей форточку, воздуху глотнул, закурил. Сел Кашей на кровать, краешек подушки, заботливо взбитой, потрогал. И не знал, что делать ему, или уж лучше не делать ничего, пусть само все как-нибудь.

А часы на стене два показали, и кукушка высунулась, прохрипела что-то. И шаги...

Ох, романы все, повести, замки, усадьбы дворянские, да девицы робкие в рубашках до полу, в темноте со свечой к возлюбленным спешащие. Ах, как мы, юные, книжками теми зачитывались, непременно себя на место героя поставив, и фантазия наша куда дальше авторской простиралась, так далеко, что от мыслей одних сердце к горлу подкатывало и шаги героини в висках звоном отдавались.

Но когда открыла Машенька дверь, когда вошла, не было ни слова сказано, ни жеста красивого сделано, потому — плоть в Кашее все пересилила, какая уж красота тут, какая романтика. Да и Машенька знала, зачем шла, не сердце ее вело, а головка умненькая да папашины шепотки наставляющие.

И кончилось все, и пот каплями на лбу Кашеевом остывал, и плечики Машенькины под верблюжьим одеялом чуть вздрагивали, а рука Кашей сигареты на подоконнике шарил.

И спичка еще не чиркнула, когда сопение какое-то Кашей возле двери услышал, надел что-то быстро и дверь распахнул.

Сам хозяин с порога в комнату шагнул, в джинсах, в рубашке, словно и не ложился вовсе. А на лице, как давеча за столом — улыбочка, и зубы щучьи, мелкие — все наружу.

— Так, — только и сказал хозяин.

На Машеньку Кашей через плечо глянул — как она? А она ничего, одеялом плечики прикрыла, смотрит, ротик приоткрыт, словно икринку проглотить собралась.

Отвернулся Кашей. А в коридоре уже хозяйка в халате колышется, тоже в комнату вплыть норовит, и хозяин животом легонько Кашею к подоконнику отжимает.

«Иконку-то не взяли, несовременно», — подумал Кашей и еще раз на Машеньку глянул — в глазки ее сытые.

И такая боль тяжелая, мутная, с тошнотой, к сердцу, к горлу подымалась, что аж задохнулся Кашей.

— Рыбы! — не закричал, а только подумал он, медленно, тоскливо. И злоба, как пружина, раскручиваться начала, и ни любви, ни желания даже, только брезгливость одна осталась у Кашею, и ненависть.

И уже шагнул он переулком ночным прочь, скользя и запинаясь, а за его спиной на кирпичном фундаменте огромный круглый аквариум лоснился под фонарем, и метались в нем три золотые рыбы, то ли дрались, то ли делили что, и поверху вода в аквариуме ледяной корочкой покрывалась. Холодные в марте ночи.

Комментарии

...Приманка висела на вершине дуба, в сундуке на цепях. Механический заяц, синтетическая утка, пластиковое яйцо и игла, один в один с той, которую хранит Прикованный. Дубов таких было множество по границам Кашеева княжества...

...Она попыталась жить жизнью людей. Она смогла полюбить и стать любимой. Тело Ее познало радость материального существования. Она научилась плакать и смеяться внешне, но чуждый разум Ее был точен и холоден...

...Человек, стоящий у скалы, переступил с ноги на ногу. Правую пятку кольнула игла, глубоко всаженная в толстую подошву сандалии...

Эпизод четвертый

Тропа возносилась и возносила Кашею на своей спине мимо зеленых трав, мимо белых цветов, мимо желтых кузнечиков и колючих кустарников. Когда-то здесь была голая вершина, гулял ветер и парили орлы. Кашей вогнал гору глубже в землю, и все здесь расцвело. В последний раз он привел с собой змея. И тот сжег дыханием своим орлов и опалил ветки деревьев. Вот они показались уже из-за скалы, черные, костлявые — руки голодающих папуасов. Кашей вышел на опушку и, раздвинув кустарник, подошел к скале.

Некогда голый камень покрывал лишайник, кое-где в трещинах росли кривые сосенки и красные пахучие цветы. Прикованный к скале спал. Кашей тронул его за колено, покрытое белыми точками птичьего помета. Тот сказал навстречу, глаз еще не открывая:

— Здравствуй, брат, я слышал, как ты шел.

— Здравствуй.

— Спасибо за орлов.

— Это была плата.

— Я помню, я храню.

— Как ты?

— Птицы.

Кашей посмотрел вверх и увидел черные дыры птичьих гнезд.

— Слушай, а как ты сам?

— Скучно.
 — Дай иглу.
 — Нет.
 — Это мое.
 — Нет. Ты заплатил мне. Я помню договор.
 — Я верну орлов.
 — Ты не сможешь. Нас мало осталось. Что Кузнец?
 — Не знаю. Он не здесь сейчас, здесь не осталось работы для него.

— Вчера видел людей. Они носят огонь в карманах.

Кашей достал зажигалку, щелкнул.

Прикованный кивнул. Кашей закурил.

— Где игла?

— Ты не найдешь. Я не отдам, брат. Я останусь один тогда.

— Не один.

— Все равно. Я не отдам. Посидишь со мной?

— Да... Не знаю. Мне надоело все.

— Посмотри на меня.

— Я знаю, тебе хуже.

— Да, у меня нет иглы.

— У меня теперь тоже.

— Побудь со мной.

— Хочешь, я пришлю тебе женщину? Или юношу?

— Я не отдам.

Кашей затоптал окурки.

— Я пойду.

— Прощай.

— Прощай, брат.

Кашей спускался по тропе. Вслед ему смотрела лисица. И такая тоска ошпарила вдруг маленький мозг животного, что, твякнув, она бросилась бежать, оставляя на колючих кустах клочья рыжей шерсти.

Комментарии

...Овсы кончились. Впереди стеной стоял лес. Богатырь остановил коня и долго шарил за пазухой, наконец вытащил на свет божий вышитый гладью портрет девушки в нелепом кокошнике. Посмотрев на него длительно, вздохнув и перекрестившись, парень убрал портрет и тронул коня по тропе, ведущей в чащу...

...Она жила среди людей. Она радовалась их радостям и хоронила близких. Она родила сына и пожалела об этом. Она захотела убить его и не смогла. И сын надел на Нее кандалы и приковал цепью к стене подземелья. Власть Ее кончилась на этом, сила Ее была скована, замкнута, распята на осклизлой стене подвала...

Эпизод пятый

Кашей вряд ли понимал, зачем снова пришел в подвал. Его влекло сюда. Он объяснял это по-разному, но на самом деле объяснить не мог. И, дойдя до собаки, сторожившей крысу, он хотел повернуть обратно, и не повернул. Открывая замок на кабинке с номером шестнадцать, он чувствовал, что руки его тяжелы, плечи сутулы и сам он стар. Смертельно стар.

— Здравствуй, сынок.
 — Здравствуй, мама.
 — Я хотела видеть тебя.
 — Зачем?
 — Я хочу уйти, мне нет места в твоём мире.
 — Я не сниму браслеты.
 — Я действительно уйду.
 — Тебе некуда идти. Эта вселенная такова, какой ты создала ее, другой нет.

— Я твоя мать.

Кашей ощутил, как слабеют ноги и тяжело давит изнутри на глаза.

— Что ты делаешь со мной, мама?

— Я оставлю тебе этот мир.

— Мне он вряд ли нужен. Зачем ты искала иглу, мать?

— Я хочу выйти отсюда.

Кашей уже сидел, привалившись к дощатой стене кабинки. Он попытался достать из кармана сигареты, но не смог поднять руку. Воздух наполнился прозрачными телами. Их было столько, что облако страха стало почти материальным.

— Я хочу выйти отсюда, сынок.

Крысы пожирали друг друга, ворочаясь в затхлой пыли на полу. Собака крутилась волчком, пытаясь укунить себя за хвост, пауки втягивали паутину обратно в округлые брюшки и, переполняясь тонкими нитями, падали тяжелым медленным дождем на издыхающих крыс.

— Я хочу выйти отсюда...

Голос матери рвал тела прозрачных, потрясал дощатые перегородки, десятками шприцев проникал в Кашеевы вены.

— Выпусти меня, мальчик, выпусти меня.

Губы Кашея полуоткрылись, но сказать он уже ничего не мог.

Слово «нет» было слишком тяжелым, непосильным, непроизносимым.

Комментарии

...Яблоко каталось по блюдцу, показывая попеременно то румяного парня, выезжающего из леса, то молодую женщину, игравшую с молодым змеем возле пруда с зеленоватой, подогретой водой.

Кашею надоело. Он взял яблоко с блюдца и медленно надкусил...

...Богатырь сидел в степи у костра и думал свою невеселую богатырскую думу. Чем дальше ехал он, тем меньше ему хотелось ехать дальше. Дома он был героем, была у него невеста, конюшня хорошая, псарня... Костер начал прогорать уже, когда у богатыря сложился в голове обратный маршрут, в обход тех мест, где его знали. И, поудобнее пристраивая седло под голову, парень думал: «Скажу: не нашел. Хрен его знает, где он прячется. Не нашел, да и весь сказ...»

И странный сон приснился богатырю в степи на границе Кашеева царства: будто убежал он от чего-то жуткого, позванивающего тонкой цепочкой, не убежал даже, а словно падал куда, и упасть не мог, зависал постоянно и парил, обреченно ожидая удара сверху...

ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Чертов путеводитель! Из-за него я полнедели блуждаю по этим диким местам. Уже и топливо на исходе, а дороги все нет и нет. А ведь на карте красным по черному нарисована!

Мы купили этот путеводитель в пятницу, отправляясь к родственникам жены, отдохнуть на каникулах. Я никогда в тех краях не был, мы сами живем в небольшом селении неподалеку от Свилиты, там у нас ферма. В общем, погрузили мы вещи в кузов, сами с детишками забрались в кабину и — вперед.

Поначалу все было как нельзя лучше: трасса хорошая, размеченная, одно удовольствие по ней ехать, не то что у нас в деревне.

А потом вдруг все пошло наперекосяк. И вроде бы повернул в нужном месте, там еще знак был, возле рекламного щита...

Мотались мы по этой глуши трое суток.

Потом увидели впереди тусклое пятно.

«Ну, — подумал я, — кончились наши мучения».

Мы поспешили туда и — о радость! — увидели спомавшуюся машину. Она ползла накатом, с погасшими габаритными огнями. Машина была странной формы, старая, если не сказать — древняя, я даже марку не мог припомнить, однако в довольно приличном состоянии (я сразу зауважал ее хозяина).

Я притормозил, выскочил из кабины, переполненный благородным желанием помочь товарищу по несчастью, и заглянул внутрь странной машины, туда, где, по моим представлениям, должен сидеть водитель.

Однако в водительской кабине оказалось еще двое пассажиров. Все трое выглядели очень огорченными, видимо, из-за поломки, и, похоже, они замерзли.

— Эй! — крикнул я, засунув голову в дверь. — Приятели, какой кометой занесло вас в эти края?

Они испуганно оглянулись и, неуклюже дергая руками и ногами, попытались от меня. В чем дело? Я ведь только поздоровался. Слов нормальных не понимают?

Ладно, решил я, перейдем на телепатию.

— Привет, парни. Есть проблемы? — промыслил я и попробовал внедриться в мозг одного из них, однако тут же отказался от этой затеи: в его голове был полнейший хаос, там перемешались страх, удивление, желание почесать нос и даже отвращение. Когда вся эта муть осела, ко мне всплыл ответ:

— Приветствую тебя... Ужасно чешется нос... Господи, в такой момент...

Мысли его были путанные, неочищенные, видно, он долго не практиковался в телепатии. Но я все равно обрадовался.

— Какое счастье встретить вас здесь! Вы позволите мне осмотреть вашу колыхагу — может, смогу чем-нибудь помочь?

Бедняги, видимо, попали в ужасную аварию: похоже, взорвался топливный бачок и заодно разворотил двигатель. Ну, у меня в багажнике всегда полно запчастей, у нас в деревне без этого нельзя.

Закончив ремонт, я рискнул попросить их об одол-

жении. Рассказал всю мою историю и спросил, нет ли у них нормальной карты? Взамен предложил свой дурацкий путеводитель.

Увидев его, они совсем всполошились, мысли в их головах окончательно перепутались, и я на время прервал телепатическую связь, успев только понять, что в их машине есть прибор, с которым непременно нужно посоветоваться. Я сказал, что подожду снаружи, пока они совещаются.

Некоторое время они возились в своей кабине, а когда я снова заглянул внутрь, подали мне свиток (таких и в музеях не сохранилось), который оказался двухмерной картой. На ней была отлично размечена вся ближайшая местность.

Я хотел быстренько скопировать ее себе, но они сказали, что отдадут насовсем. Вот это удача!

Я на глазок определил расстояние до Сириусии — всего-то около девяти световых лет — и подсчитал, что топлива у меня хватит.

От радости я готов был расцеловать этих недотеп-путешественников!

— Друзья мои, — возмыслил я, — вы только что спасли мне аппетит и хорошее настроение! Я готов сделать для вас что угодно. Если хотите, могу отбуксировать ваше механическое чудо в любую точку галактики.

— Нет, спасибо, — скромно ответил водитель, — нам бы только до дома добраться...

— Без проблем! Где это?

— Здесь, — просто ответил он и показал на сияющий голубой шарик за бортом.

Вот так да! Ни за что бы не подумал, что здесь кто-то может жить! А ведь судя по карте, здесь нет ни одной деревни в радиусе четырех световых лет... Вот и верь после этого путеводителям!

Мне пора было возвращаться к своим.

— Послушайте, ребята, — сказал я им напоследок, — если у вас возникнут какие-нибудь проблемы — разыщите Большого Боббла из Свилиты, всегда к вашим услугам. А сейчас — до свидания. Может, заеду как-нибудь к вам на выходные.

И я помахал им третьей сверху левой рукой — по нашему обычаю. Славные они все-таки ребята, эти аборигены.

Я завел свою машину и двинулся вперед — туда, где блестела цель нашего путешествия — Сириусия. Сегодня девятница — значит денька через три будем на месте. Йее-хoo!..

Их карта оказалась на редкость точной. Мы благополучно добрались до Сириусии и прекрасно отдохнули. Я выиграл процесс против агентства, продающего этот дурацкий путеводитель по Галактике для туристов. Вдобавок ко всему теперь, благодаря мне, на всех новых трехмерных картах указана крошечной точкой та голубая деревня.

Вот так-то.

Да, чуть не забыл: эти парни называли мне марку своей машины — «Аполлон-13».

ПОБЕГ

Этап, сидящий на корточках у железнодорожной станции, резкими выкриками подняли и, не давая размять затекшие ноги, погнали строем по безлюдной улице захолустного, бог знает в каких степях затерянного городка. Никитин шагал почти в самом конце, с глухой тоской глядя на тянущиеся по сторонам заборы запыленных палисадников. Скоро город кончится, а дальнейший путь вряд ли будет долгим и интересным. Никитин уже видел, можно сказать, перед собой проволоку, вышки и эти... как их там?... лабазы, что ли?..

Никитин отвалился от дисплея и в задумчивости поскреб подбородок. На экране четко обозначилась исходная ситуация игры. Игрок находился в колонне заключенных, конвоируемой к месту отбывания, какое место — малый островок необъятного Архипелага — вырисовывалось в ближайшей перспективе силуэтами караульных вышек и приземистых — ах да! — барачков. От игрока требовалось только одно — не попасть туда.

— Ну как? — над плечом Никитина наклонился его приятель, Владик, который, собственно, и зазвал его сюда, на свой ВЦ, поиграть после работы. — Ну, да ты еще не начал? Действуй! У нас тут один вчера летающую тарелку на конвой напустил.

— И что? — спросил Никитин.

— Сбили, гады. Какая марсианочка погибла!

— Ладно, не мешай.

Владик удалился, и Никитин наконец приступил к исполнению своего замысла. Еще на днях, узнав подробности об этой новой игре, он решил не мелочиться и идти напролом. Ему хотелось изменить саму исходную ситуацию, создать такую цепь событий, которая ни в коем случае не привела бы его в лагерь. Он включил историческую разветку. Ну и дураки эти, с летающими тарелками. Они бы еще ядерной боеголовкой жажнули. А все так просто. Так просто. Никитин уверенно нажимал клавиши, пока на экране из мелькания кадров не выплыл лик, напоминающий фоторобот: прищур, усы, трубка.

Никитин подослал к вождю наемного убийцу. Убийца странным образом растворился в коридорах Кремля. Никитин устроил генсеку небольшую автомобильную катастрофу: разбилось четырнадцать машин, но Его автомобиль почти не пострадал. Не помогло и крушение поезда. Непотопляемый генералиссимус выкарабкался из-под обломков, отряхивая чуть запылившийся мундир. Никитин почувствовал себя маньяком-террористом. Наконец-таки он накрыл злодея в самом начале века, на горной грузинской тропе, сбросив ему на голову камень, и радостный от сознания выполненного долга вернулся к началу игры. Но ситуация не изменилась.

— Что за черт! — сказал Никитин и все еще раз проверил. — Странно.

Он вернулся в прошлое. Была еще одна идея,

и он ее тотчас реализовал. Теперь он прогуливался по заснеженной платформе Павелецкого вокзала в январе 1924 года и дожидался прибытия главы правительства, посвежевшего и поздоровевшего после загородного отдыха (охота, катание на лыжах и прочее). Ревностно оглядев издали веселого и румяного премьера, Никитин обратился вновь к исходной точке игры. Все было по-прежнему. На месте был лагерь, и проволока, и бараки. Зеки топали, кашляя от пыли, и в хвосте колонны плелся он сам.

Никитин плюнул и, продолжая нажимать кнопки, вскрыл запломбированный вагон с только что спасенным им премьером (впрочем, тогда и не премьером еще) и сдал его с рук на руки охранке. После совершенных пакостей он с довольным хмыканием восстановил первоначальную картинку... и взвыл от злости. Ну, ладно...

Изображения на экране превратились в пестрое месиво, так быстро он углублялся в прошлое. Он не задерживался на мелочах. Остановился лишь на минуту, чтобы сделать Пестеля диктатором. Одним нажатием кнопки заразил Иоанна Грозного клещевым энцефалитом (доигрался, гад!). Подумав, вернулся на один ход и вместо Петра возвел на престол Софью. Дело было сделано. Тамерлана на Дону подтолкнул: «Что стоишь, Тима? Иди к столице!» «Так их! Так их!» — злорадно приговаривал Никитин. Батый усыновил Невского, и, оставив Александра Ярославича ханом Золотой Орды, Никитин обратил свой взор на десять лет вглубь и, решив уж рубить так рубить, направо и налево, авось что получится, заставил папу римского в лепешку разбиться, но организовать все же большой поход на татар, увидел даже в колеблющейся мгле на экране движущиеся меж отрогов Карпат полки крестоносцев; Даниил же Галицкий, удостоивший-таки папу чести принять от него королевский венец, повел галичан, и Никитин едва не попал под копыта княжеской свиты, кубарем отлетел на обочину, получив плеткой по уху. Никитин пошел в туалет смочить ухо холодной водой — оно так и горело, — а потом с удвоенной яростью ударился в игру. Мимходом сбросил в тектонический разлом городишко, основанный Юрием Владимировичем с выразительным прозвищем Долгорукий. Хихикая, Никитин потерял руки, и Владимир решил принять ислам. В Киве произвели массовое обрезание на берегу Днепра. Сплошная антисанитария. Зато великий князь узаконил свой гарем. Что там еще остается? Рюрик? Никитин вычеркнул Рюрика.

Удовлетворенно вздохнув, он отодвинулся от экрана, созерцая дело рук своих...

...Конвоир увидел, как один из зеков, идущий в самом хвосте колонны, воровато оглянулся и, рванувшись в сторону, большими прыжками понесся в боковую улицу. Конвоир поднял автомат. Еще не было случая, чтобы он промахнулся...

— Думаешь, ты первый такой умный? — сказал Владик. — И с Адама начинали.

Михаил НЕМЧЕНКО

ВЕСТНИК

— Господин Шульце не может вас сегодня принять, — сказал секретарь. — Он должен сейчас ехать в ратушу. У бургомистра сегодня благотворительный обед в честь предстоящего посещения нашего города кайзером. Приходите завтра.

«Если еще смогу завтра ходить...» — подумал Дитмар, чувствуя, как тупая боль все сильнее сдавливает виски.

— Я бы все-таки убедительно попросил вас сказать господину издателю... — начал он.

Но тут дверь кабинета открылась, и на пороге появился тот, о ком шла речь.

— Я к вам, герр Шульце. Моя фамилия Дитмар...

Издатель бегло оглядел посетителя, легким кивком ответив на его поклон.

— Дитмар... Ах да, вспоминаю. Я прочел вашу рукопись. Но сейчас у меня нет времени. Хотя, впрочем... — Издатель вынул из жилетного кармана часы на тонкой золотой цепочке. — Минут двадцать, пожалуй, еще найдется. — Он знаком пригласил посетителя в кабинет.

— Так вот, молодой человек. — Достав из шкафа рукопись, издатель подошел к Дитмару, оставшемуся стоять у стола. — Я должен вернуть вам ваши рассказы. Они совершенно неприемлемы. Да, наша фирма последнее время наряду с классикой охотно издает и фантастические сочинения. Мы регулярно переводим и выпускаем почти каждый новый роман господина Жюль Верна. Но то, что предлагаете вы, не имеет права даже называться рассказами. Это какой-то набор кошмаров. У меня просто не укладывается в голове, как можно в наш век великих достижений человечества так писать о будущем. — Он перелистнул несколько страниц рукописи. — Вот хотя бы эта жуткая история об огромной тюрьме, где с помощью химических веществ каждый день убивают тысячи людей, в то время как поезда непрерывно подвозят все новые партии...

— Это не тюрьма, — проговорил Дитмар. — Маштабы совсем не те. Это называется лагерь смерти.

— «Лагерь смерти»... — На лице издателя мелькнула полупрезрительная усмешка. — Неужели вы сами не чувствуете, как это дешево и безвкусно звучит? Но дело, конечно, не в названии. Ведь вы пишете о вещах, от которых... Чего стоит один этот эпизод, когда молодая надзирательница отбирает заключенных с красивой татуировкой, и после умерщвления с них сдирают кожу и делают из нее разные предметы.

— Абажуры, — уточнил Дитмар. Голова кружилась, и, чувствуя, что без опоры ему не устоять, он взялся рукой за спинку кресла. — И еще дамские сумочки.

— Сумочки... — в каком-то оцепенении повторил издатель. — А дальше сюжет построен на том, что недогоревшие в печах остатки костей размалываются на удобрения особыми механизмами...

— Костедробилки, — кивнул Дитмар.

— Но это же чудовищно! — Издатель уже не ста-

рался сдерживать свое возмущение. — Где, в каком кошмарном сне вам привиделись все эти ужасы?! И как у вас могла подняться рука сделать местом действия этих бредовых выдумок — Германию 20-го века?! Нашу великую просвещенную страну, идущую во главе прогресса!.. Представляю, как бы мы выглядели, если бы решились издать ваши писания. Вероятно, сразу растеряли бы три четверти своих читателей. Ибо эти «рассказы» — не просто надругательство над нравственностью, они оскорбляют национальные чувства всякого порядочного немца. Право я начинаю сомневаться, немец ли вы сам, молодой человек.

«Если сейчас не предложит сесть — мне не устоять», — мелькнуло у Дитмара.

— Да, я немец, — произнес он, крепче ухватившись за спинку кресла. — И я хочу, чтобы люди Германии узнали... Или хотя бы почувствовали тревогу. Потому что там, впереди...

— Довольно! — оборвал его хозяин кабинета. — Вы уже достаточно красноречиво изложили свои «пророчества» здесь, на бумаге. При всем своем отвращении я заставил себя прочесть все до конца. И о привезенных из России «рабах», и о том, как полиция обшаривает дома в поисках еврейских детей... Насколько же извращенную фантазию надо иметь, чтобы так оклеветать будущее Отечества, которое под мудрым правлением нашего кайзера являет всему миру пример гуманности и веротерпимости. И вы еще смели предлагать эту пачкотню честному немецкому издателю!.. Полагаю, наш разговор окончен. Советую поскорее бросить все это в камин. — Он протянул посетителю рукопись.

— Я сейчас уйду. Но только... — Перед глазами Дитмара поплыли темные круги. — Разрешите на минуту сесть. Что-то голова...

На лице издателя отразилось некоторое замешательство.

— О да, конечно... — Он торопливо придвинул Дитмару кресло. — Вам легче?

Дитмар, которому и вправду стало немного лучше, заметил, что хозяин кабинета смотрит на него гораздо доброжелательней, чем минуту назад. И, поколебавшись, решил сделать еще одну попытку.

— Я хочу вас попросить... Раз уж так получилось... — Дитмар вынул из кармана свернутые трубочкой листы. — Посмотрите мой последний рассказ.

Издатель, казалось, готов был вспылить. Но вместо этого только пожал плечами и, поправив пенсне, взял в руки первый листок. Читал он не больше минуты.

— Ну зачем вы мне это дали? — упрекнул он, возвращая листок. — Опять все то же.

— Но это же совсем о другом...

— О да, разница огромная! — Издатель сухо усмехнулся. — Вместо пыток и детоубийств — чудовищная бомба, уничтожающая целый город... Интересно, каков ваш род занятий, молодой человек?

— Я инженер.

— Превосходная профессия. Но тогда еще более непонятно, почему у вас такое болезненное пристрастие к высосанным из пальца ужасам. Оглянитесь вокруг, господин инженер! — Издатель прошелся по кабинету. — Мир стоит на пороге 20-го века, который обещает быть подлинным веком чудес. Сколько великих открытий уже свершилось на наших глазах! Электричество и связь по проводам, летательные аппараты Лилиентала и гениальный двигатель Рудольфа Дизеля... А замечательные лучи, открытые нашим Конрадом Рентгеном! Я уже не говорю о работах Вирхова, Гельмгольца, Коха. Германский гений подобен всемирному факелу, под живительным светом которого исчезают темные пятна предрассудков и повсеместно улучшаются нравы...

— В том-то, наверно, и беда, что мы слишком много говорим о германском гении, — пробормотал Дитмар. Но хозяин кабинета слышал сейчас лишь себя.

— Читатель ждет книг о великой цивилизаторской миссии Германии, — продолжал он с пафосом. — О грядущих изобретениях, которые сделают жизнь людей безоблачной и счастливой! И вы должны...

— Экипаж ждет вас, герр Шульце, — доложил секретарь, бесшумно появляясь в дверях.

— Иду. — Издатель на миг задержался перед зеркалом, еще раз убеждаясь в безукоризненности своих усов и фрака. — Я могу подвезти вас до ратуши, — любезно предложил он.

— Благодарю. — Дитмар встал. — Мне в другую сторону.

Упитанный розовощекий кучер тронул вожжи, и экипаж мягко покатило по мостовой, через минуту скрывшись за большим угловым зданием гостиницы «Тюрингия». Он выглядел сейчас еще совсем новеньким, этот дом, где тогда, сорок лет спустя, разместилось городское гестапо.

Свернув на тихую зеленую Шиллерштрассе, Дитмар побрел домой. На свежем воздухе головокружение прошло, и боль, сжимавшая виски, стала малопомалу утихать, но он едва переставлял ноги от нахлынувшей слабости. И этот отвратительный металлический вкус во рту... Она недешево обошлась ему, последняя поездка в сорок пятый, когда, потеряв осторожность, он слишком приблизился к эпицентру там, в Хиросиме. Хотел быть очевидцем, чтобы попытаться предостеречь... Дитмар горько усмехнулся. Неисправимая святая наивность! Чего уж говорить о Хиросиме, когда никто не желает знать ни о Бухенвальде, ни об Освенциме...

Дитмару вспомнилось, как год назад в Гамбурге, после того, как ему удалось осуществить свою первую поездку в будущее, он в ужасе принялся рассказывать всем подряд об увиденном. Пытался даже созвать что-то вроде митинга и уже дал объявление в газету. Но кончилось тем, что его едва не засадили в сумасшедший дом.

Нет, не все поднимали его на смех. В Вюртемберге руководители двух мелких и свирепо враждующих между собой религиозных сект увидели в его словах глас божий, возвещающий близкий конец света, и на-

стойчиво старались обратить его каждый в свою веру. Встречались порой и вполне здравомыслящие люди, которые, казалось, готовы были отнестись к рассказам Дитмара всерьез. Но они требовали доказательств. А что он мог доказать, когда его «машина» (даже мысленно он произносил это слово только в кавычках) оказалась неспособной переносить в будущее никого, кроме него самого.

Это было необъяснимо. Как и сами ошеломляющие перемещения во времени, на возможность которых он наткнулся чисто случайно. Устройство, которое он испытал в тот вечер в своей крошечной лаборатории, предназначалось всего лишь для экспериментов по изменению электропроводности. Но едва был включен ток, — как неведомая сила перенесла его чуть не на полвека вперед.

Открытие, суть которого так и не понял сам открыватель. Ни тогда, ни потом... Исчезновения — вот единственное, что он мог представить в подтверждение своих рассказов. И однажды в Мюнхене, решившись, Дитмар растворился в воздухе на глазах у целой группы специально приглашенных людей. Эффект был потрясающим: на следующий же день ему предложили выгоднейший контракт на выступления в цирке...

С тех пор Дитмар уже не пытался никому ничего доказывать. Он поставил перед собой куда более скромную цель: для начала напечатать свои свидетельства очевидца хотя бы под рубрикой фантастических новелл. Быть может, те, кто прочтет, по крайней мере задумаются... Месяц за месяцем он обивал пороги редакций и издательств — и всюду получал один и тот же ответ. Сегодняшний визит был последней надеждой.

Дитмар до хруста сжал пальцы. Боже, как глупо и бездарно он растратил все это время! Занимался бесплодным словоблудием — когда надо было действовать... Там, в Австрии, живет чиновник по фамилии Шикльгрубер. Его сыну Адольфу сейчас восемь лет. Приехать, подстеречь — и удушить... Пусть судили бы как детоубийцу, — зато были бы спасены миллионы других детей.

Только спасены ли? Разве та темная сила, которая вытолкнула вперед Гитлера, не заполнила бы вакансию выродком с другой фамилией? И кто скажет, сколько людей надо прикончить, чтобы не появилась бомба, упавшая на Хиросиму?..

Солнце уже опускалось за дальние крыши, когда Дитмар подошел к старому дому на набережной и медленно, отдыхая через каждые несколько ступенек, поднялся на второй этаж. Войдя в свою комнату, он, не раздеваясь, повалился на узкую железную кровать. Сейчас ему хотелось только одного: забыться хотя бы на пару часов. Но не прошло и минуты, как в дверь постучали. На пороге стояла Марта, молоденькая служанка домовладелицы.

— О, господин Дитмар, вы совсем больны. Фрау видела из окна, как вы шли... Сбежать за доктором?

— Пока не стоит. — Дитмар помотал головой. — Мне просто надо немного отдохнуть.

Не мог же он сказать ей, что врачи 1897 года еще не умеют лечить лучевую болезнь.

Ведущий рубрики
Сергей КАЗАНЦЕВ
**ФАНТАСТИКА
УРАЛА
(1993-1994)**

Взглянешь на прилавки книжных магазинов или на лотки современных коробейников — всюду полуобнаженные красотки и мускулистые супермены с мечами и бластерами, отбивающиеся от инопланетных монстров. И почти сплошь зарубежные имена: Фармер, Гаррисон, Хайнлайн, Гир, Андерсон, Балмер, Говард, Лоумер, Силверберг и сотни других. А где же наши? Неужто вымерли? Оказывается, живы. Правда, кое-кто мимикрировал: и Г.Престон, и Г.Л.Олди, Лу Мэн, Г.Сейерс, Ривендж, Ю.Пепперроу, Х.Христов и Гарольд Штрюк — все они родные, отечественные. Но это разговор особый. А пишут ли фантастику уральцы? Да, глядите-ка, еще не бросили авторучки и карандаши. И если хорошенько поискать, то в многоцветье лаковых обложек можно найти и их скромные переплеты. Вот чем порадовали нас уральские литераторы и издатели:

ЕКАТЕРИНБУРГ:

Крапивин В. Собрание сочинений, кн. 4, тт. 6, 7: изд-во «91», 1993; Крапивин В. Собрание сочинений, доп. том: изд-во «91», 1993; Крапивин В. Белый шарик Матроса Вильсона: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1993.

Архипов С. Стихи и проза (из сод.: Немного истории; Сказка о мужике, Бабе-Яге да еще кое о чем): БКИ, 1993.

Бенедиктов А. Похождения Бобби Кларка: Диамант, 1993.

Георгиев С. Шуршики: изд-во УрГУ, 1993.

Дробиз Г. Эх! (из сод.: По щучьему

велению; Традиционный сбор; Голос крови; Не в масть): Арго, 1993.

Попов А. Круиз (из сод.: Мотоцикл будущего; Круиз; Подмигивающий робот): Н.Тагил, 1993.

Прашкевич Г. Шпион против алхимиков; Щупов А. Холод Малиогонта; Слепынин С. Фарсаны — серия «Иноземье»: Тезис, 1994.

Архипов Ф. Северное сияние (из сод.: Сказки): Диамант, 1994.

Лобанов Е. Путешествие в страну Экологию: Екб, 1994.

Немченко М. Мыслечерпалка (из сод.: Контакт; Исполнение обязанностей; Карусель; Ультиматум и др.): Арго, 1994.

Сотников Г. Конец Черного Города: Диамант, 1994.

Халымбаджа И. Вкус жизни: Арго, 1994.

Штрюк Г. Невидимки на краю света, или Похождения последних вещей: Уральский рабочий, 1994.

Квазар-1 (сб.): Старт, 1991, факт. 1994.

Поиск-92 (сб.): Уральский следопыт, 1992, факт. 1994.

Слово (сб.): изд-во УрГУ, 1994.
Современные уральские литературные сказки (сб.): БКИ, 1994.

ПЕРМЬ:

Пермская Е. Самоцветные сказы: Прм, 1993. Пермская Е. Разгуляйские были и небылицы: Прм, 1993.

Тихов В. Страшные сказки: Урал—Советы, 1993.

Ганжа В. Самоубийство Кибера: Прм, 1994.

Филенко Е. Галактический консул: Бегемот, 1994.

ЧЕЛЯБИНСК:

Андрощук И. Опоздавшие навсегда: Автограф, 1993.

Демишев С. Корректировщик: Члб, 1993.

Слепых О. Шутки дьявола: Члб, 1993.

Теняков Э. Оптимально возможный вариант: Члб, 1993.

Форум-1 (сб.): Члб, 1992, факт. 1993.

Нашмир: творчество молодых (сб., из сод.: И.Тощенко, Е.Тощенко, В.Кузнецов и др. — сказки): Члб, 1994.

КУРГАН:

Бурматов В. Ускоритель прогресса: Периодика, 1992, факт. 1993.

Климай А. Ихтиандр: Союз—СИС, 1993; Климай А. Ихтиандр: Зауралье, 1994; Климай А. Наташа: Зауралье, 1994.

Ковчег (сб.): Периодика, 1993.

Составил Т.ХАРЛАМОВ

КНИГОИЗДАТЕЛЬ КУЗОВЛЕВ

Вы, надеюсь, обратили внимание на три книги отечественных фантастов, напечатанные издательством «Тезис». А теперь цитирую Санкт-Петербургский журнал «Двести» № «В»:

«Итак, наконец-то екатеринбургскому издательству «Тезис» пришла в голову светлая мысль собрать под одной обложкой все девять повестей сибирского писателя Геннадия Прашкевича, так или иначе относящихся к его широко известному циклу «Записки промышленного шпиона»...»

Не умаляя храбрости «Тезиса», давшего свою марку «некоммерческим» ныне книгам «пророков в своем Отечестве», подчеркну, что «светлая мысль» пришла именно в голову (а куда еще может прийти мысль?) не менее широко известному в

кругах и фэнов, и фантастов Игорю Кузовлеву (что, впрочем, отмечает и «Двести-В» несколькими страницами дальше, в подборке «Новости от издательства»).

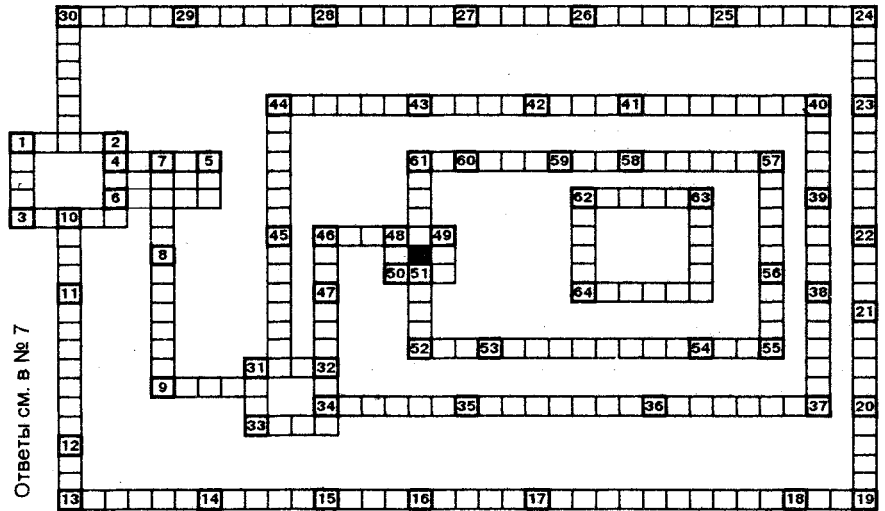
Книгоиздателем И.Кузовлев стал на плацдарме «Уральского следопыта» еще в 1989 году, сразу ориентируясь на отечественных авторов, в первую очередь молодых, начинающих. От тонких брошюр кооператива «Свиток», от нашумевшего журнальчика «Пиф» и книг ТМ «КВН УПИ» — он добрался до солидной серии «Иноземье» в ярких твердых переплетах, не затмеваю-

щих, однако, яркости содержания выбранных им произведений. И не только своим «толстым» авторитетом, но и отчасти собственным тощим кошельком он до сих пор старается закрыть амбразуру нынешнего книжного рынка, варварски расстреливающего нормальные литературные вкусы читателей.

Что ж, пусть ему наградой будет книжный ряд с родными именами (а кроме Г.Прашкевича в этом ряду уже и молодой Андрей Щупов, и ветеран Семен Слепынин), а пока рады сообщить нашим читателям, что книгоиздатель Кузовлев в 1995 году выдвинут на соискание сразу двух серьезных призов: «следопытского» имени И.А.Ефремова и Санкт-Петербургского «Странник».

КРОССЧАЙНВОРД «КОСМИЧЕСКИЙ»

1 (по горизонтали). Астрофизический модуль орбитальной станции «Мир». 1 (по вертикали). 6-й астронавт США, пилот «Меркурия-9». 2. Ракета-носитель США, выведшая на орбиту корабля «Джемини». 3. Наш космонавт, трижды летавший в космос, его жена работала на орбитальной станции «Мир». 4. Российский конструктор-двигателист, участник создания первого в мире реактивного самолета и ракет-носителей «Восток», «Восход», «Союз». 5. Германский физик, автор закона черного излучения, его именем назван кратер на обратной стороне Луны. 6. Астронавт США, участник двух полетов по программе «Спейс шаттл». 7. Название НФ повести о полете на Марс. 8. Первый французский спутник, выведенный на орбиту французской ракетой. 9. Астронавт США, побывавший на Луне. 10. Второе название аппарата «Луна-1». 11. Первый человек, ступивший на Луну. 12. Английский писатель XIX века, автор романа «Через Зодиак», где для полета на Марс используется антигравитационное устройство. 13. Самый большой естественный спутник в Солнечной системе. 14. Название западноевропейской автоматической станции, запущенной для изучения кометы Галлея. 15. Самая высокая гора в Солнечной системе. 16. Космический зонд США, впервые вышедший за пределы Солнечной системы. 17. Наш космонавт, участник программ «Союз»-«Аполлон» и «Интеркосмос». 18. Астронавт США, участник первой экспедиции на орбитальную станцию «Скайлэб». 19. Российский ученый, ракетостроитель, член ГИРД. 20. Название серии наших спутников связи. 21. Ракета-носитель США, выведшая на орбиту корабля «Меркурий». 22. Деревня в Саратовской области, возле которой приземлился Ю.А.Гагарин. 23. Первый канадский спутник. 24. Первое, военное, название космодрома Байконур. 25. Наш космонавт, член жюри «Аэлиты», совершивший единственный в России суборбитальный полет. 26. Межпланетная станция США, передавшая на Землю первые снимки марсианских пейзажей. 27. Американский ученый, ракетостроитель, осуществивший в 1926 году первый запуск ракеты на жидком топливе. 28. Серия американских космических двухместных кораблей. 29. Болгарский космонавт. 30. Французская ракета, на которой поднялся в космос первый и пока единственный в истории кот. 31 (по горизонтали). Название серии российских космических

кораблей. 31 (по вертикали). Соавтор английского учебника XIX века, где в качестве примера приводится полет ракеты. 32. Название серии российских космических аппаратов, использованных для изучения Луны и Марса. 33. Астронавт США, участник совместного полета «спейс шаттла» с орбитальной станцией «Скайлэб». 34. Спутник Нептуна. 35. Первый индийский спутник. 36. Российский ученый, ракетостроитель, участник создания снарядов «Катюши», его именем назван кратер на обратной стороне Луны. 37. Серия американских космических аппаратов, исследовавших внешние планеты Солнечной системы. 38. Вторая женщина-астронавт США. 39. Наш космонавт, командир экипажа корабля «Союз-13», совершивший три полета в космос. 40. Российский революционер, казненный в 1881 году, автор первого в мире проекта пилотируемой ракеты. 41. Название вакуумного костюма, используемого на наших орбитальных станциях. 42. Женщина-астронавт США. 43. Германский ученый, предложивший в 1929 году проект размещения обитаемой станции на геостационарной орбите. 44. Прибор, сохраняющий направление своей оси в пространстве, используемый для управления движением космических аппаратов. 45. Первый английский спутник, выведенный на орбиту английской ракетой. 46 (по горизонтали). Трос или металлический прут, используемый для ограждения люков и бортов на кораблях, в том числе космических. 46 (по вертикали). Самый маленький естественный спутник в Солнечной системе. 47. Военное название некоторых орбитальных

станций серии «Салют». 48 (по горизонтали). Французский астроном XIX века, чьим именем назван кратер на обратной стороне Луны. 48 (по вертикали). Спутник Сатурна. 49. «Это только один ..., но какой скачок в истории всего человечества» — Н.А.Армастронг. 50. Астронавт США, совершивший наибольшее количество полетов в космос. 51. Точка небесной сферы, диаметрально противоположная зениту. 52. Первая женщина-астронавт США. 53. Наш космонавт, пять раз летавший в космос. 54. Название отечественного проекта изучения кометы Галлея, совмещенного с полетом автоматической станции к Венере. 55. Французская ракета-носитель. 56. Однофамильцы, астронавты США, участники 7-го полета «шаттла» «Колумбия». 57. Российский маршал, главнокомандующий Ракетными войсками, погиб в 1960 году при испытании лунной ракеты-носителя. 58. Видимая с поверхности Земли часть Вселенной. 59. Немецкий ученый, один из основоположников космонавтики. 60. Ракета-носитель США, выведшая на орбиту первый американский спутник. 61. Прибор, 100 лет назад изобретенный уральским ученым, служащий для связи на Земле и в космосе. 62 (по горизонтали). Часть атмосферы Солнца. 62 (по вертикали). Германский ученый, ракетостроитель, чьим именем назван кратер на Луне. 63. Российский спутник, космическая обсерватория. 64. Английский ученый XVIII века, в книге «Система мира» (1731) рассчитавший выведение на орбиту спутника Земли.

Составил Сергей КАЗАНЦЕВ

Ответ на криптограмму (№ 4) Ключевые слова: Нант; Мишель Ардан; Гедеон Спилет; Навуходоносор; Бен Джайс; «Янки дудль»; «Во что бы то ни стало!». Высказывание Жюль Верна из романа «Робур-завоеватель»: «Успехи науки не должны обгонять совершенствование нравов».

Ведущий рубрики
Максим ШИШКИН

ПО «ЗОНАМ» АЛТАЯ

Екатеринбургская группа по изучению НЛО «Поиск» прошлым летом совершила 25-дневную экспедицию на Алтай. Группу составили В. Харламов (Самара), В. Сурганов и Н. Дигавцова (Екатеринбург). Цель поездки — обследование аномальных мест («зон») в горах Алтая. Ранее были получены сведения, что в районе Мультиных озер, а также горы Белухи расположены большие аномальные зоны. Вот и собрались уфологи туда, чтобы выяснить, что происходит необычного в тех краях.

Доехали до Усть-Коксы, городская администрация которого выдала разрешение на посещение зоны отдыха Мультиных озер. Среди местного населения был проведен опрос, позволивший зафиксировать случай наблюдения НЛО в 1991 году.

По словам местных жителей, объект пролетал низко над горизонтом. Его форма — два расположенных рядом в горизонтальной плоскости светящихся сгустка белого цвета. Угловой размер НЛО составлял примерно 1/3 полного лунного диска. Объект испускал зеленый луч конической формы, создавалось впечатление «ощупывания лучом местности». Затем наблюдалось «втягивание» луча в объект, что не согласуется с известными физическими законами. Чуть позже объект произвел посадку на гору.

До мультинского свертка доехали на автобусе, а дальше пошли пешком. По пути к озеру остановились на ночь на склоне горы, у кострища на берегу реки Крепкая. Это место оказалось необычным: биорамки крутились с некоей периодичностью, дозиметр (марки «Мастер-1») фиксировал несколько повышенный радиационный фон: если общий фон местности составлял 14-15 микрорентген в час, то на энергетической точке — 25-30. Методом биолокации выявили пульсацию данной энергетической структуры, совпадающую с колебаниями радиационного фона. Амплитуда пульсаций составляла от 30 секунд до 2-х минут. Складывалось впечатление, что пульсации имеют упорядоченный характер, подобный действию передающей станции. Самочувствие членов экспедиции в этом месте было хорошим. Дозиметр вскоре работать отключался, в дальнейшем же еще не раз включался, но до конца починить его так и не удалось.

По конным тропам группа дошла до первого — Нижне-Мультинского озера, где уфологи разбили свой лагерь. Затем они направились ко второму — Средне-Мультинскому озеру, где ночевали в избушке.

Ночи были поистине сказочные: звезды Млечного Пути усыпали огоньками все небо, сумрачным светом освещая землю, и небо казалось белым от звезд. Экспедиция по времени совпала с падением кометы на Юпитер, который ясно наблюдался в подзорную трубу «Турист-3». Но эти наблюдения продолжались недолго: планета быстро заходила за горизонт.

И был такой случай... У второго озера, у костра, нашли бумажку с надписью: «Местонахождение трупа» — черновик, потерянный участковым из Усть-Коксы. Потом, поговорив со студентами, жившими в избушке на третьем озере, узнали, что весной одна женщина направилась к Верхне-Мультинскому озеру в одних босоножках, через горы-перевалы, на гору Белуху, без продуктов. Из всех вещей у нее была только сумка с книгами по агни-йоге... Она, замерзшая, была найдена в лесу, недалеко от этой избушки.

При подходе к третьему — Верхне-Мультинскому озеру пришлось переходить вброд несколько рек и по мосту — водопад Шумы. Реки были бурные, вода холодная и доходила до пояса. В тех местах государственный заказник: много рыбы (хариусы), зверя (маралы, песцы, бурундуки, прыгавшие прямо около палаток, соболи), птицы.

Верхне-Мультинское озеро лежит в горной котловине, на высоте 1773 метра. По предположениям членов экспедиции, эта котловина — как бы природный энергетический резонатор, подобный радиотелескопу, что опять же было подтверждено биолокацией. Радиационный фон местности у верхнего озера — 14-15 микрорентген в час.

На верхнем озере нашли старую стоянку; ее окружали большие камни, расположенные ровным кругом и защищавшие лагерь от ветра. Здесь и остановились. А еще по пути туда встретили группу «черных магов», покидавших лагерь.

— У них были стеклянные глаза и нездоровые улыбки, — передергивает Наташу. — Ухмыляясь, они сказали нам: «Идите, мы вам приготовили хорошее место».

На «хорошем месте» обнаружили разбросанные по поляне листья чемерицы Лобеля — очень ядовитого растения, из его стеблей эти маги готовили какое-то зелье. Вскоре всех потрясла еще одна находка: небольшая палочка, 20-ти см длиной, окрашенная красной краской с обоих концов в виде колец. Экстрасенсы чувствовали здесь «нездоровую энергетику». Неподалеку росли старые кедровые с шаманскими рисунками...

На этом месте наблюдались локальные выбросы энергии земли, что фиксировалось биорамками (стальные Г-образные телескопические биолокационные рамки с изменяемой резонансной длиной и с подшипниковым поворотным устройством). Это отражалось на эмоциональном и физическом состоянии (резкая смена настроения, внутреннее недомогание) и продолжалось в течение 2-х суток. Впоследствии состояние здоровья членов экспедиции нормализовалось. Возможно, произошла адаптация организма к местным условиям.

Погода в эти пять дней была типичной для горной местности: солнце чередовалось с дождем, сменяя друг друга практически ежедневно.

А места были поистине красивые: водопады, снежные вершины горных пиков; снег лежал даже на берегу. Местный егерь угощал вкуснейшей ухой...

Во время экспедиции постоянно были слышны звуки, напоминающие пение лам. Их объяснили акустическими эффектами — инфразвуками. Интересно, что когда кто-то из группы закрывал уши руками, — пение для него не прекращалось. В основном, оно слышалось ночью, днем же на него старались просто не обращать внимания.

Работа на Мультиинских озерах велась с 8 по 18 июля, и за это время участниками экспедиции на основе инструментально-приборных измерений был сделан вывод о наличии в районе Мультиинских озер аномальной зоны с заметной активностью энергетики земли. Центр этой зоны — котловина третьего (Верхне-Мультиинского) озера.

На Алтае часто можно встретить группы туристов, послушать их рассказы о необычном. Так, например, студенты-участники географической экспедиции Алтайского университета (географический факультет) наблюдали в тех местах НЛО. Это было 14 июня 1994 г. в районе Нижне-Мультиинского озера. Явление было аналогично первому, зафиксированному в Усть-Коксе. По их словам, вокруг огней светилось зеленое гало в виде концентрических колец или спиралей.

Путешествие продолжалось. Группа доехала до деревни Мульта, где ночь гостили у местного жителя, Алексея Шкаропила, у которого, как оказалось, часто останавливаются приезжающие экстрасенсы. Переночевав, доехали до Усть-Коксы, откуда уже вдвоем (Валерий Сурганов уехал в Екатеринбург, у него закончился отпуск) направились к горе Белуха. В одном из поселков договорились с местными жителями насчет лошадей и проводников.

На одной лошади ехал проводник с рюкзаками, на другой за спиной второго проводника примостилась Наташа. Слава шел пешком. По пути встретили всадника, у которого узнали, что река Акем, через которую хотели переходить дальше вброд, разлилась. Пришлось изменить маршрут, двигаясь к реке Кучерле. Через 15 км встретили еще одного человека, взявшегося показать более короткую дорогу, а один из проводников повернул назад, так как дорога была ему не знакома. Жажда ли познаний новых троп, литр ли спирта, — но второй проводник пока решил сопровождать их.

Тонкой лентой, далеко внизу осталась речка, тропа поднималась круто вверх. Лошади сильно уставали...

Вскоре они выехали к лесу, на просторное место, и второй проводник распрощался с ними. Там и был разбит лагерь на 2 дня: хотелось отдохнуть после таких нагрузок. Уходя, проводник показал вдаль, на самую далекую вершину и сказал: «Вот вам туда надо». А после двух дней отдыха оправдали их самые смелые предположения: на гору они взобрались всего за один день.

Оглядев окрестности в подзорную трубу (20 крат), на одной из вершин нашли вертушку метеостанции и пошли в том направлении. Позже узнали название — Караторек, а находится она на высоте около 3 тысяч метров над уровнем моря.

Когда добрались — солнце уже село. Заночевали на метеостанции. На следующее утро направились к горе Белуха. Склоны гор сменялись лесными дебрями, звериные тропы вели в неизвестную глушь. Идти было очень трудно: буреломы, камни, будто разбросанные неведомыми великанами, преграждали дорогу, ноги проваливались в ямы. Так и заночевали, заблудившись на одном из склонов. Место было странным: слышалось пение, но не те протяжные звуки, что были на озерах, а ритуальное пение неких таинственных шаманов,

удары в бубен и причитания. В эту ночь было новолуние, отходить от палаток — страшно. Слава даже заблудился в нескольких метрах от палатки, когда ходил разведать путь. Видимые расстояния между предметами не соответствовали действительности, а голоса и крики отражались тысячами эхо от окрестных скал.

Однажды музыка послышалась настолько отчетливо, что воспринимался мотив некой песни, разносимой над горами, миром... Возникло ощущение способности управлять этой музыкой: быстрее, медленнее, громче, тише. Когда она слышалась, не хотелось ни о чем думать; словно ты погружаешься в нее с головой, слушаешь, и ничего тебе больше не нужно. Не так ли сочиняют музыку композиторы? Не навеваются ли она природными явлениями? Тем не менее, музыка поражала, и казалось, что исполняет ее симфонический оркестр...

Путешествие продолжалось. Через лесные чащи они вышли к реке Акем, вдоль которой и прошли до Акемского озера, а за ним — к горе Белуха. Озеро было маленьким, но больше всего удивил цвет воды — белый, от чего эти места называются «беловодьем» (цвет же воды Мультиинских озер казался ярко-изумрудным, а кто-то видел отливы то синего, то бирюзового). А еще своей красотой поразили горы, и прежде всего — Белуха, вся покрытая снегом, словно оправдывая свое название. На фоне этого снега, у вершины, они увидели образ женщины из черного камня; она шла в длинной, развевающейся накидке и держала в руках букет цветов. Если же смотреть на гору под определенным углом, то на ее поверхности будет виден спящий лицом вверх Будда, голова которого направлена на восток (определяли по компасу).

Есть также оранжевые и голубые горы, на которых собираются йоги и медитируют. Там лежат оранжевые камни, становящиеся серебристо-голубыми, если их унести оттуда.

Вода в озере была ледяная, ночи — холодные, а если выйдешь поутру из палатки — трава вся белая-белая, инеем покрыта. После полудня ежедневно начинались дожди и продолжались до самого вечера, а по ночам выпадал снег. Вода в озере за ночь покрывалась коркой льда.

Здесь они жили 4 дня. Были на Белухе, пробирались через ледники, вокруг сыпались камни, смеркалось, шел дождь. Медленно и неустанно природа сопротивлялась человеку.

Народу около Акемского озера много. В основном, это туристы-студенты и люди, занимающиеся агни-йогой, собирающиеся там на поклонение.

Домой возвращались быстро, по пути делали всего одну ночевку. В Усть-Коксе разговаривали с мужчиной, который рассказал, что на склоне одной из гор на базальтовой плите он обнаружил отверстие в форме куба с совершенно гладкими краями, как будто из скалы кто-то вынул большой кусок камня. Других отверстий не было.

Еще он рассказал, что в ледниках нашли женщину с голубыми глазами и светлыми волосами, возраст которой определили чуть больше возраста Христа.

Всю обратную дорогу пение доносилось с гор и, практически постоянно слышимое и ощущаемое, настолько надоело, что действовало на нервы. Музыка и звуки различались: одни вызывали хорошие эмоции, другие же, наоборот, давили на психику...

Каждый год члены группы по изучению НЛО «Поиск» (Екатеринбург) планируют поездки в интересные места. И каждый раз находят что-нибудь необычное...

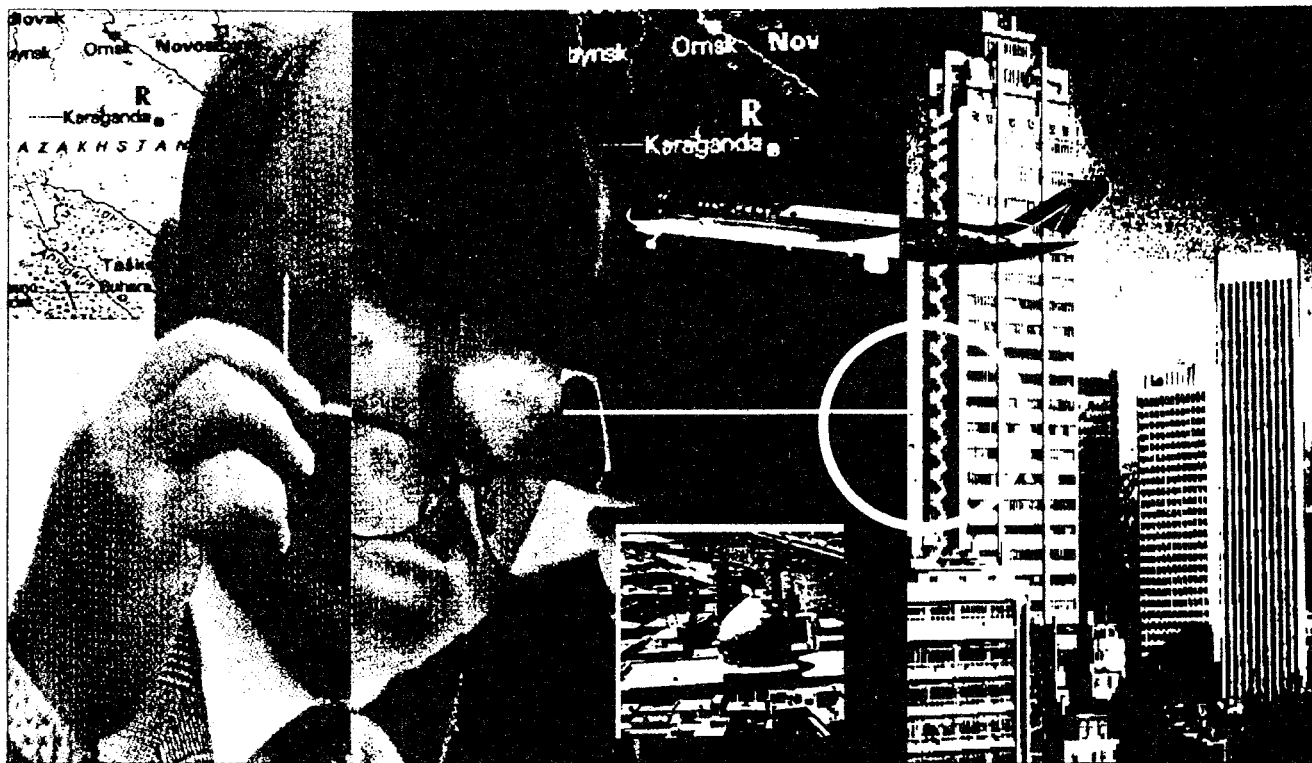
Андрей ИЛЬИН

ТАЙНЫЕ ЛЮДИ

Записки невидимки

ПОВЕСТЬ

Оформление Сергея ГРИГОРЬКИНА

Что есть несчастный случай? Несчастье и случай. С первым не проблема, несчастье я им гарантирую. Это запросто. А вот на случай мне полагаться нельзя. Лишнего времени у меня нет. Чтобы происшествие выглядело убедительно, мне надо соблюсти как минимум три условия — определить реально существующее "узкое место" в местном производственном процессе, где нарушается техника безопасности, причиной аварии выставить какого-нибудь местного работника, которому потом и придется за все отдуваться, и обеспечить ему зрителей, а следствию свидетелей, ко-

торые лично увидят, как все произошло, но не заметят меня. О нарушении ТБ говорить не приходится. Заправляясь от бака, водители постоянно плескают вокруг бензин, так что предпосылки для ЧП есть. Скажем, подходит к крану очередной шофер с пустой канистрой и тут... И тут ничего не происходит, потому что мина глаз не имеет, а имеет "часики", которые потикав сработают не когда удобно, а когда время придет. Рванувший же сам по себе бак вызовет ненужные подозрения и тщательные разборы, и нежелательные оргвыводы.

И будет все это квалифицировано уже не как

Окончание. Начало в №№ 1—4, 1995 г.

несчастный случай, а как умышленный теракт. База, естественно, сворачивается, — концы в воду.

Стандартный взрыватель отпадает. Дежурить возле цистерны я тоже не могу, мне в это время надо быть совсем в другом месте. Как же, исключив электронику, обеспечить автоматизм взрыва, да плюс еще в нужное время с наличием виновника и свидетелей? Такое возможно? Опять головоломка.

Итак, водитель подходит к цистерне, возле которой моими заботливыми руками разлит бензин, открывает кран, а на кране закреплена спичка, упирающаяся в боковую стенку от коробка. Вспышка!

Нет, очень явно — какой же это случай — и очень ненадежно. Еще раз: подходит, открывает, ставит канистру... Я ничего не пропустил? Ну-ка, подробно: подходит, открывает... Как же не пропустил, если пропустил! Не подставляет, потому что не видит куда! Вот оно, решение! Можно действовать!

Для реализации дальнейшего плана мне нужно принять человеческий вид. Быстро переодеваюсь, натягивая поверх комбинезона грязную телогрейку и чьи-то, похоже, используемые для обтирания, штаны.

Не спеша подхожу к цистерне, налепляю на ее днище пластиковую взрывчатку, но взрыватель не завожу, просто втыкаю пару патронов от пистолета с красными, т. е. разрывными, пулями. Запрыгнув на канистру, выкручиваю лампочку из висящего над краном фонаря. Аккуратно случайным гвоздем прокалываю дырку, выпускаю инертный газ, а вместо него заливаю пол-лампочки бензина. Бомба готова. Вкручиваю ее обратно в патрон. Щедро разливаю бензин.

Теперь я уверен — автоматика не подведет. Это вам не какая-нибудь хитро-мудрая механика, здесь все просто и надежно. Подойдет очередной водитель, подставит под кран канистру, потыкается, нет, темно, отойдет к столбу и включит рубильник. Нитка накаливания вспыхнет, запалит бензин, лампочка рванет и, осыпаясь огненным дождем, подожжет бензиновую лужу. Огонь, подбравшись под дно цистерны, раскалит капсулы патронов, которые, выстрелив, рванут взрывчатку. И взлетит цистерна огненным шаром в самое синее небо!

Что увидят и главное, что расскажут впоследствии свидетели? Подошел водила к столбу, включил свет, лампа, как это иногда бывает, возьми и лопни, а под ней какой-то ротозей, забывший закрыть кран, разлил бензин. Тот вспыхнул, и цистерна, нагревшись, рванула. Такая неприятность! Кто бы мог подумать!

А я, пока фейерверк не начался, должен успеть проникнуть в здание. Дело не самое простое, т. к.

товар наверняка охраняется. Не будут же они оставлять без присмотра такое богатство.

Взгромоздив на плечи какой-то ящик, я пошел к входу.

— Э, ты куда? — почти сразу же остановил меня внешний охранник.

— Я это. Ящик. Велели, — невнятно пробормотал я, продолжая идти на заплетающихся от тяжести ногах.

Охранник было дернулся вперед, но зевнул и опять привалился к стене, возле которой стоял. Верно рассудил — такого не остановишь, он только рад будет, ящик сбросит и слиняет, а мне потом эдакую тяжесть тащи куда положено. Ну его, пусть сам трудится, пуп надсаживает. Ну не любят охранники трудиться!

В здании я быстро определил заветную дверь. Судя по запорам, именно здесь гробы набивали товаром. Я встал возле косяка и, изображая скупающего работягу — велели стоять, вот я и стою, — стал ждать. Примерно через четверть часа во дворе зашелестел, запрыгал по стенам огонь. Значит, сработала лампочка! Я закрыл глаза, чтобы не ослепнуть от скорой вспышки. Еще через несколько минут рвануло. Взрыв получился грандиозный! Я на такой, честно говоря, не рассчитывал! Воздушная волна вышибла входные ворота, стекла, упругим теплом припечатала меня к стене. Ого!

Как я и рассчитывал, внутренние охранники, услышав страшный шум, открыли, выскочили в двери и на мгновение ослепли от яркого света, бушующего на улице пламени. Сейчас их интересовало лишь то, что происходит там, впереди. Понятно, жить-то хочется всем, даже охранникам. За их спинами я спокойно протиснулся в заветное помещение. Я почти не рисковал, если бы меня вдруг обнаружили, я бы разыграл сцену вполне понятной паники, вызванной взрывом — прошмыгнуть куда-нибудь, убежать, зарыться, лишь бы подальше от пламени. Вряд ли бы в такой обстановке со мной стали вести пристрастные беседы. Самим бы шкуру спасти!

Пробираясь вдоль рядов каких-то стеллажей, я быстро обнаружил искомое — раскрытые и готовые к вывозу гробы. Чуть в глубине, на оцинкованном столе лежал раздетый выше пояса мертвец со вскрытой в две стороны грудной клеткой. Даже так! Страхуются! Для надежности мешки с товаром вшивают внутрь трупов. Если кто и вскроет гроб, то обнаружит натурального, в парадном мундире, мертвого солдата. Решится ли он вести дальнейшие раскопки? Если это родственники, случайно получившие загруженный труп — точно нет. Так и уйдет тайна вместе с телом и заключенным в нем товаром в землю. Предусмотрительно! И лучше для меня.

Теперь мне предстояло самое неприятное — бы-

стро выбрать подходящий гроб и забравшись внутрь, задвинуть крышку. В этой суматохе вряд ли кто будет проверять, что находится в гробах, просто некогда! Втолкнув в машину и вывезут за забор. Что мне и требуется.

Конечно, лежать час, а может и больше в обнимку с не первой свежести мертвецом удовольствие сомнительное, но это все же лучше, чем становиться трупом самому. Мне бы только за ворота выскочить, а там выкручусь. Так думал я.

Но судьба, как это иногда случается в нашей профессии, внесла свои коррективы, подменив разработанную мною сложную комбинацию простым до смешного исходом.

Я уже потревожил, сдвинул одного из мертвцов, втиснулся в пропахший формалином гроб, сдвинул крышку и был готов к транспортировке, когда понял, что за мной никто не придет.

— Быстрее, уходим! — услышал я голоса. — Да брось ты это барахло! Сейчас того и гляди шарахнет! — снова загрохотали ноги.

— А вы куда? Какие гробы? Сами вы гробы! Вали отсюда, пока не поздно! — и снова топот, но уже удаляющийся.

Я полежал еще с минуту, предоставленный сам себе. Почему они убежали? Почему не спасают товар? Он им не нужен?

Им нужнее их жизни! — понял я. Похоже, со взрывом получился перебор! Либо здание дало трещину и того и гляди рухнет, либо огонь распространяется слишком быстро. Либо... Так чего ж я разлеживаюсь? Чего жду? Что называется, сам себя поджег, сам себя в гроб уложил! Идиот!

Сбросив крышку, я выскочил из гроба. Дышать было уже нечем. В некоторых местах кровля уже занялась. Доигрался, мать твою! Пригибаясь к полу, где воздуха было больше, я, натываясь на стеллажи, побежал к двери. Тоже мне, супер-агент! Сам себя переиграл! Самоубийца!

В основном помещении уже горело вовсю. Прикрывая голову телогрейкой, я бежал среди огня и дыма, мечтая об одном — попасть в ворота. Задыхаясь и обливаясь от выедающего глаза дыма слезами, я пытался задавить поднимающуюся во мне панику. Думать. Даже в такой момент — думать! И лишь потом действовать! Думать!! И я думал, вспоминая расположение ворот, примерное расстояние до них. Ошибиться было нельзя! Проманхнуться хоть на десяток градусов, значило заживо сгореть. Левее, еще левее, теперь шагов сорок прямо и направо. Так? Я шел вслепую уже не открывая глаз. В мыслях я восстанавливал тот, еще нормальный путь и согласно ему переставлял ноги. Я шел по памяти. И я выиграл. Открыв глаза, я увидел проем ворот. Я ошибся всего на несколько шагов!

Во дворе властвовала паника. Машины, толкаясь и сминая друг друга борта, рвались к выезду

ным воротам. Собственно говоря, их уже не было, растерзанные створки валялись в стороне КП был пуст. Туда же группами и по одиночке бежали люди.

Откуда такая суета? И почему никто не пытается гасить пламя? Горит здание? Но вряд ли огонь так сразу перекинется на другие сооружения. Что происходит, в конце концов?

А тебе не все равно? — удивился я собственному праздному любопытству. Пользуйся моментом, а не вопросы задавай! Ты свое дело уже сделал.

Спеша, но не без достоинства, я миновал пустые ворота и углубился в степь. Несколько раз меня обогнали машины и бегущие люди.

— Спешат, как будто в олимпийском марафоне участвуют, — вновь удивился я.

Поднявшись на пригорок, в последний раз решил окинуть взглядом поле недавнего боя, где моя персона сыграла не самую последнюю роль. Вон там я преодолевал минные поля, там копал убежище. Там... Далее я ничего не успел рассмотреть, но зато получил исчерпывающий ответ на свои недоуменные вопросы. Горящее здание вдруг вспучилось, приподнялось и лопнувшим пузырем разлетелось на мелкие кусочки. Оглушающий грохот ударил в барабанные перепонки, лицо обожгло волной горячего воздуха, впереди и сзади в песок воткнулись несколько раскаленных кирпичей. Я упал на землю и закрыл голову руками и задранной телогрейкой. По спине застучали мелкие осколки.

Вот оно в чем дело! Взрывчатка! Она ведь тоже не самый дешевый товар. Похоже, здесь работали не только с наркотиками. Где уж тут заниматься выносом гробов! Тут надо бежать, сломя голову, куда глаза глядят. Своя жизнь дороже чужого товара! Но это сколько же боеприпасов надо накопить, чтобы произвести такой тарарам?! С размахом трудятся ребята!

Но и мы не промах. Интересно, в какой цифре будет выражаться нанесенный мной урон? Показателем нолики один к одному в рядок, а за ними непременно подьедут заказчики требовать товар или кровные! Похоже, скоро здесь будет не скучно!

Только чему радуюсь я? Тому, что задание мое выполнено более чем на 100 процентов? Так наша служба энтузиастов-стахановцев не жалуется. Узнать-то ты все узнал, но зачем еще все это разматывать по молекулам? Был себе перерабатывающий заводик, а теперь пустырь. Угадай теперь — наградят за нанесение наркомафии невосполнимого материального урона и уничтожение базы по производству вредоносного зелья или накажут за сокрытие путем учиненного взрыва и поджога важных для следствия фактов? То ли герой, то ли вредитель!

А пока ни то, ни другое. Пока — кандидат в

покойники. Мне еще до безопасной Москвы, где мне учинят праведный начальственный суд, как до Марса пешком и все больше на брюхе через рогатки да засады. Дойду ли?

Добраться до города мне пришлось как есть, в горелой телогрейке и штанах. Убежище, где я спрятал гражданскую одежду было, скорее всего, раскрыто, отсюда и такое усердие в поисках. В любом случае проверять правильность своих подзрений я не хотел, чтобы не напороться на засаду. Береженого бог бережет!

С первой же бельевой веревки, где сушилась чья-то свежевывиранная одежда, я позаимствовал рубаху и штаны. В них я зашел в ближайший магазин и купил, из тех что попроще, костюм и хозяйственную сумку под снаряжение. В кабинке туалета только что купленной бритвой соскоблил недельную щетину. В город я прибыл уже вполне добропорядочным гражданином. Все, теперь домой, отъедаться и отсыпаться. А там решим, что дальше.

Но отоспаться мне не удалось. Что-то неладное я почувствовал уже на подходах к дому. Не могу сказать что, но что-то меня встревожило.

— Доверяйтесь интуиции, — советовал инструктор по контрслежке, — помните, наши глаза видят больше, чем мы осознаем, наши уши слышат больше, чем нам кажется. Непосвященные называют это шестым чувством, мы — сыскным талантом. Если вы почувствовали какую-то напряженность в окружающем пространстве, какое-то неясное беспокойство, насторожитесь, может вы увидели мелькнувшее год назад и давно забытое вами, но не вашей тревожной памятью, лицо, может быть услышали специфически настороженную походку следующего за вами шпика. Доверяйте интуиции, она не выдумка, не мистика, просто еще не осознанный вами, но уже подмеченный вашими зрительными и слуховыми органами факт.

На этот раз я почувствовал не просто напряжение, тревога всклокоченными галками носилась в воздухе, задевая меня крыльями за голову, шевеля волосы на макушке.

Что-то случилось. Что?

Внешне моя походка, мимика, поведение не изменилось, но я стал другим. Пружина настороженности сжалась во мне до состояния взведенного в боевое положение револьверного курка. Поднимаясь по лестнице, я мгновенно отметил сигнал тревоги — ручка-рычаг дверного замка была опущена вниз. Я же при уходе договаривался, что если все нормально, она должна располагаться горизонтально. Конечно, это могло быть случайностью — небрежностью оставленного в квартире коллеги, шалостью пробегавшего мимо ребенка, или "проказой" старушки, на минутку повесившей на ручку тяжелую сумку. Может быть. Но основной закон конспирации гласил — любое сомнение истол-

ковывается в пользу провала! Здесь лучше перегнуть, чем недогнуть!

Небрежно насвистывая что-то себе под нос, я взбежал на верхний этаж, даже не взглянув на свою квартиру. Внизу скрипнула на петлях входная дверь. Я, на всякий случай, расстегнул висащую на плече сумку. Дверь уже, конечно, блокирована, чердак тоже, напротив подъезда торчит машина с гостеприимно распахнутой персонально для меня дверцей.

С верхнего этажа застучали шаги. Провал! Теперь я был в этом уверен! Два одновременно идущих навстречу друг другу человека и я посередине — это слишком явно, чтобы быть случайностью. Даже если я сейчас увижу спускающуюся по лестнице восьмидесятилетнюю старушку, она, даю голову на отсечение, будет из той, обкладывающей меня со всех сторон, компании.

Но увидел я не старушку, а двух атлетического сложения, широко улыбающихся парней. Поверил я их растянутым от уха до уха губам, как же! Дурак знает — если хочешь без лишней крови захватить или убить противника, расположи его к себе. Доверие к тебе, это твое стратегическое превосходство! А эти настолько уверены в своих силах, что даже не очень стараются играть случайных прохожих. Наглецы! Им оставалось девять ступенек, но я уже звонил в дверь. Главное, чтобы на ней не было цепочки.

— Здравствуй, тетя Зина! — радостно возопил я открывшей мне старушке и, втолкнув ее животом внутрь, захлопнул дверь. Краем глаза я успел увидеть, как парни в полпрыжка одолели лестницу.

Их подвели мои уверенные тон и действия. Они не знали, кого ждать, и были вынуждены проверять всех вошедших в подъезд, что неизбежно связывало их действия. Если бы они были уверены, что я — это я, мне бы не дали даже дотянуться до звонка!

— Как ваше здоровье? — продолжал я в тесном коридоре орать в растерянные глаза старушке, одновременно в сумке выдергивая чеку из слезоточивой петарды.

— Ой, я, кажется, не туда попал! — и, мгновенно приоткрыв дверь, бросил под ноги преследователей "ревушку". Лестничная клетка разразилась воем и проклятиями.

— Не пускают, — вздохнул я и, уже ничего не играя, ринулся к балкону. Он выходил на противоположную от моей квартиры сторону дома. С балкона, оттолкнувшись ногами, прыгнул на соседний, ухватился за перила, подтянулся, перелез через ограждение. На прощание еще успел крикнуть: — Бабуля, срочно вызывай милицию и пожарных! В подъезде бандиты!

Чем больше сюда вскорости прибудет служивого народа, чем больше возникнет суеты, тем лучше.

До земли я спускаться не стал, понимал, безнадёжно. Всего-то две-три секунды им надо, чтобы выскочить на углы, открыв обзор за задний фасад дома. Далеко убежать я не успею.

Ввалившись в следующую квартиру с криком "Пожар!" я уронил под ноги прикрывающему срам мужику, вскочившему с постели, дымовую шашку и вылетел в коридор. Две дымовушки оставил в подъезде. Вышиб следующую дверь и продолжая орать "Пожар! Спасайтесь!" протаранил насквозь ещё одну квартиру, вышел на балкон, перепрыгнул на другой, в соседнем подъезде повторил маневр с криками и дымовыми шашками.

Уже через несколько минут дом, окутанный едким дымом, гудел, как разворошенный улей. Из подъездов выбегали жильцы, из окон, на всякий случай, выбрасывали ценные вещи. Ещё бы! Контора халтуру не выпускает! Уж если дымовая шашка, то дыма будет больше чем при настоящем пожаре!

В моем распоряжении оставалось 4,5 минуты, после которых дым осядет. В следующей квартире, не обращая внимания на истерически вопящую хозяйку — пусть орет, пусть способствует панике — я быстро подошел к раздвинутому трюмо, напялил на голову парик, крупно очертил помадой губы, одним движением ножа взрезал ремень брюк и пуговицы на рубашке, скинул лохмотья, представ перед хозяйкой в одних трусах. От таких поворотов бедная женщина даже перестала орать.

— Пардон, мадам, — извинился я и не грубо, но решительно, как подобает поступать с перерзлыми женщинами, сорвал с нее роскошный махровый халат. — Я сейчас вернусь! Айн момент!

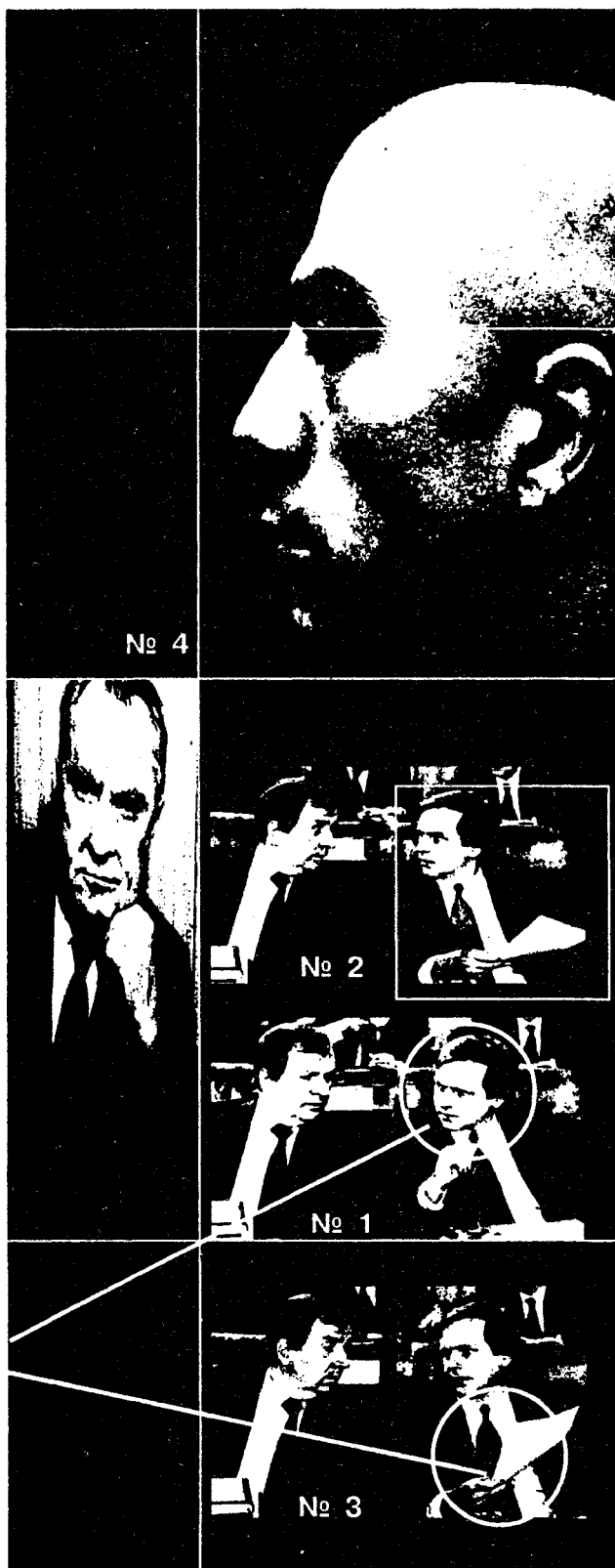
Женщина ойкнула и присела, прикрываясь руками. У меня было в запасе полторы минуты. Прихватив с собой большого плюшевого медведя — неплохая пикантная деталь, иллюстрирующая панику при пожаре, к тому же закрывающая мои не самые пышные формы, я вывалился в подъезд и через несколько секунд на улицу.

— Ой! Бабоньки! Ой-ей! — завизжал я чуть высунув голову из подъезда. Развевающийся халат раскрывал мои голые колени, плюшевый медведь, напротив, скрывал грудь и не вполне женский подбородок.

Рядом затормозил рафик скорой помощи. Из задней двери санитары потянули носилки.

— Ой, умираю! Ой-ой! Мальчики! — заверещал я, с размаху бухаясь на еще даже не вытянутые до конца носилки, — О-ей-ей!

Растерянные санитары обалдело глазели на тетку в распахнутом халате, неизвестно каким образом оказавшуюся на носилках. Пришлось подыграть — закатить глаза, упасть без сознания, удариться о какой-то выступ, да так, чтобы кровь во все стороны брызнула. Тут себя жалеть не приходится. Черт с ней с головой, лишь бы ноги унести.

Поддействовало. Носилки задвинули, дверцу хлопнули. В последний момент я заметил дюжих молодцов, рассекающих, словно нож масло, толпу испуганных жильцов, внимательно вглядывающихся во все встречные лица. Мужские лица!

Эх, плохо вас натаскивали, ребята. Не научили, что и в образе расстроенной дамы средних лет может скрываться агент мужского пола!

Скорая помощь выехала со двора, с трудом увернувшись от несущейся навстречу пожарной машины. А интересный сюрприз ждет пожарных, когда через десяток секунд дым вдруг оседет — чистенький, без малейшего признака огня дом и толпа полуодетых жильцов во дворе!

В это время медики надумали заняться истекающей кровью пациенткой. Крепкие санитары с усилием рвали из рук не первой молодости женщины плюшевого медведя. Тщетно!

— Это бывает, — кивал головой из кабины умудренный опытом врач. — Шок. Состояние аффекта. Концентрация сил...

— Тетка, отпусти игрушку! Слышишь!

Все я слышал, но машина еще недостаточно далеко отошла от "пожарища".

— Разожми руки! Эй!

— А? Вы что, мужики? — вдруг грубым басом спросила пришедшая в себя пострадавшая, отпуская медведя. — Вы чего?

Опешившие санитары тупо пялились на волосатую женскую грудь.

— Ой, мужики, какое-то затмение нашло. Ей-богу! Проснулся, орут "пожар", кругом дымища, а первую попавшуюся одежду схватил и бежать, а это женин халат. Срамотища! Презентуйте пиджачок. А? Не в этом же мне по городу идти! Я завтра занесу! — тараторил я, не позволяя растерявшейся медбригаде начать соображать, задавать себе вопросы — а парик, а губная помада?

— Договорились, мужики? С меня бутылка! — не допускал я паузы, напавшая сдернутый со спинки сиденья свободный белый халат. — Лады? Вы меня здесь ссадите. Мне надо. Мне рядом. Договорились? — и дергал ручку двери.

Водитель, боясь на ходу потерять больного, затормозил.

— Ну все, бывайте!

— А рана-то! — запоздало всполошился один из санитаров, протягивая бинт.

— Да ладно, ничего. Пройдет! — на ходу крикнул я.

Кажется, отбрехался! Теперь в магазин за новой одеждой. Только бы там, учитывая мой видок, не всполошились, не вызвали психбригаду. От тех так легко не отделаешься.

Ну денек! Два пожара (из них один настоящий, да еще какой!), два преследования и еще одно в ближайшей перспективе. С ума сойти! Все, хочу тайм-аут! Такие перегрузки не для меня. Антракт!

Два дня в соседнем городке — всего-то два часа автобусом — по чужому, заимствованному известным образом паспорту, я отсыпался в гостинице. Еще день думал, как выпутаться из сложившегося положения. В этом малоприветливом краю меня уже ничего не держало. Задание, плохо ли, хорошо ли, выполнено, связи обрублены, явки провалены. Премиленький итог! Осталось, прихватив резидентский, тот, издохлой кошки, контейнер, отбыть в места постоянной дислокации. Вот только какой заказывать билет? Самолет отпадает, там не проскочишь. Поезд? Бесспорно, толкучки там больше, но если встать у каждого вагона? Попутки? Милиция наверняка с ними, разве только угнать междугородний КАМАЗ?.. Нет, слишком эффектно и значит небезопасно. Товарняк? Пожарный. Отыскать человека, спрятавшегося в проходящем составе мудрено. Можно зарыться в уголь, гравий, забраться в зерновой вагон, цистерну с нефтью, прикинуться доской, фикусом... Ладно, без шуток. На том и остановимся. Едва ли меня ищут так же интенсивно, как раньше. Сдается мне, что у них сейчас других проблем хватает.

В очередной раз изменив внешность, я отправился на выемку контейнера. Справился быстро, если со всеми предварительными и последующими контроллемками — часа за четыре. Вот теперь точно все! Осталось пробраться на грузовую станцию, занять свой первый класс, в каком-нибудь угольном вагончике и заказать у проводника чай... Четыре-пять дней и я пред светлыми очами начальства!

Подходящий состав я отыскал быстро — полвагоны с углем и досками. Конечно, надо было лезть в уголь, но я так устал изображать из себя обитающего в норах мелкого грызуна, что дал слабину. В одном из вагонов поднял шалашом десяток досок и, втиснувшись в образовавшуюся нишу, наглухо забаррикадировал все подходы.

Контейнер, как и положено, я с собой не взял — прилепил с помощью заранее припасенных магнитов к днищу третьего от меня вагона. Груз в нем был тот же самый, что и в моем, номера близкие, значит никуда он не денется, поедет рядом.

Перестраховываясь, хотя был уверен, что у моих врагов, не без моей помощи, теперь другие заботы кроме ловли какого-то агента, я просыпал пространство вокруг себя противопсовым порошком. Все, отбой! Теперь один-два дня до выезда из опасной зоны я могу расслабляться. Потом еще двое суток обычный, с полками и свежим бельем пассажирский поезд, Москва, начальство и нудные многостраничные отчеты, рапорты, объяснительные. Но это не смерть, это я переживу.

Тепловоз дал гудок, состав дернулся, пошел разгоняя ход, с каждой минутой отсчитывал удаляющие меня от опасности километры. Тара-там-

там. Тара-там-там... Какая оптимистическая музыка. Слушал бы и слушал. Напеваает, убаюкивает мерным пристуком: спасен-спасен, спасен-спасен, каждый рельсовый стык.

Еще некоторое время я честно нес службу, но постепенно расслабился, позволил себе посторонние, не на тему: "Стой! Кто идет!" — мысли. Наверное сказало накопившееся за эти недели напряжение. Теперь все было позади. Уже не надо было держать на лице очередную маску, не надо разрабатывать легенды, ждать от каждого встречного прохожего подвоха. Я вырвался. Я еду в мир. Война закончена. И я жив! Все прочее не важно.

Очнулся я через несколько часов от того, что состав встал, снова дернулся, откатился на метр и снова замер. Похоже, очередной перегон. Сильно запахло тепловозным дымом, слышнее стал гул работающих моторов локомотива. Ветер, что ли, поменялся? Тепловоз дал близкий гудок, и опять колеса застучали, баюкая мою усталость. Я отключился.

Пробуждение было пренеприятным. Чьи-то каблучки тяжело топали по уложенным над моей головой доскам.

— Да здесь он, здесь, — доносился голос. — Я слышал. Здесь прячется.

Неужели железнодорожная охрана? Вот позорато будет. Уйти от профессиональных сыщиков, чтобы проколоться на обыкновенных станционных сторожах! Стидоба!

— Давай, давай, вылезай! Зайчик!

Изображать отсутствие было глупо и, на ходу прикидывая приличествующие моменту отговорки: потерял билет, приходится выбираться на перекладных, или — это все дружки-приятели, шутники проклятушие, вначале напоили до беспамятства, потом заложили досками, разыграть решили! — я раскрыл крышу. Что мне грозит за нарушение правил железнодорожных перевозок? Штраф? Составление протокола? 15 суток? Смешные наказания для человека, несколько дней ходившего под самой смертью. Отбрышусь, не впервой.

Изображая, и очень убедительно, т. к. действительно хотел спать, расслабленную зевоту, я выпрямился.

В то же мгновение в глаза мне ударил нестерпимый свет десятков прожекторов.

— Руки за голову и без глупостей!

В затылок больно уперся холодный автоматный ствол, звякнул передергиваемый затвор.

— Остановка конечная. Поезд дальше не поедет. Вали с вагона!

Руки заломили, защелкнули наручники. Сопротивляться было бесполезно. Прожекторы один за другим погасли, и я увидел, что вагон стоит в большом, крытом ангаре. Да, да, именно вагон. Один только вагон, прицепленный к маневровому тепловозу!

Я начал понимать, что со мной сотворили. Дав расслабиться, поверить в спасение, преступники на первом же удобном перегоне остановили состав, выдернули единственный мой вагон и, подцепив к небольшому тепловозу, укатили в известном им и совершенно не известном мне, направлении. Вот откуда вдруг усилившийся запах дыма и звук двигателей! Они играли со мной в кошки-мышки. И кошкой, увы, был не я! Теперь, вволю натешившись, меня съедят. Непременно съедят, со всеми моими конспиративными потрохами. Ам, и нету!

Я уже не чувствовал страха — только разочарование и неодолимую усталость, переходящую в безразличие. Наверное нечто подобное ощущает отсидевший свой срок заключенный, выведенный за ворота и вдруг вновь возвращенный в камеру.

Сопротивляться противнику, способному запросто выкрасть из движущегося состава целый вагон, значит только продлевать агонию. Обидно лишь, что сразу не прикончат — помучают.

Бесцеремонно, словно мешок с ветошью, меня сбросили вниз. Правильно, что им цацкаться с почти уже трупом. Подняли, протащили, загрузили в машину и повезли в неизвестную сторону.

Автоматически пытаюсь запомнить дорогу — подсчитывая время, повороты машины, потом шаги, ступеньки, двери я морально готовился к худшему. Вопрос стоял уже не о сохранении жизни — о наименее безболезненном и возможно более скором уходе. На пощаду я рассчитывать не мог, даже если бы рассказал все, что знаю. Законы жанра не позволяли оставить меня в живых. Я узнал непозволительно много.

В жарком полутемном подвале с меня сдернули изолирующий колпак и всю прочую, вплоть до носков, одежду. Взамен бросили обыкновенный крапивный мешок с прорезами для головы и рук.

Нет, это придумали не исполнители с их недалеким умишком, здесь чувствовался почерк профессионала. Его почерк! Он всегда знал, что делал. Любую часть своего гардероба я мог легко превратить в орудие убийства или самоубийства. Всякая пуговица, гвоздь, выдернутый из каблук ботинка, обещали мне хоть иллюзорную, но надежду. Он оставил меня голым и значит безоружным, лишив даже права на добровольную смерть.

— Как ты понимаешь, альтернативы — жизнь или смерть — мы тебе предложить не можем, — сказал Его голос, — но возможна другая — легкая и быстрая гибель вместо долгой и мучительной. Выбирать тебе. У нас всего несколько вопросов, на которые тебе так или иначе придется ответить. Первый — кто ты есть на самом деле?

Я молчал. Я даже не пытался унижаться, разыгрывая из себя случайного пассажира товарного вагона. Я знал, они мне не поверят.

— Вопрос второй — каналы утечки информации?

Я молчал.

— Ведите.

Загрохотала дверь. Рядом со мной в круг света толкнули спасенного мною две недели назад помощника резидента. На него было страшно смотреть — распухшее в ссадинах и кровоподтеках лицо, кровоточащий рот, безвольно обвисшие руки.

— Мне хочется, чтобы вы узнали друг друга.

Я молчал.

— Он?

Сломленный пытками помощник резидента согласно опустил голову. Он исполнил то, что от него требовали, но это его не спасло. Через минуту он кричал от страшной, причиненной ему опытной рукой, боли. Он кричал в десяти сантиметрах от моего лица так, что слюна и кровь брызгали мне в глаза. Я видел только его широко раскрытый перекошенный рот и выкаченные от напряжения глазные яблоки и слышал, слышал, слышал его душераздирающий вопль.

— Вопрос первый, — повторял спокойный голос Убийцы.

Я молчал. Наверное, по законам нашей литературы я должен был взять эту боль на себя, попытаться отбить страдальца или обмануть врага лжепризнанием или хотя бы материть его почем зря распоследними обидными словами.

Но я только молчал.

Законы литературы и жизни — разные законы. Молчание наиболее экономичный и значит выгодный способ противодействия. Честно говоря, я даже не очень сочувствовал пытаемому, я знал, что очень скоро так же кричать придется мне. Ничего не поделаешь. Близкая личная боль освобождала меня от сострадания чужой. Так нищий не может жалеть другого такого же нищего и умирающий от рака соболезнавать соседу по палате. Подобность мук уравнивает жертвы в правах.

Единственное, о чем я жалел, что спас его недавно для того, чтобы теперь доставить новые мучения. Он мог быть мертв и недосыгаем для боли уже три недели.

Пытаемый, потеряв сознание, упал на пол, но его облили водой, снова поставили на ноги, и поддерживая под руки, продолжали издевательство. Я не знал, что с ним делали, он стоял слишком близко. Да мне и не надо было это знать. В данном случае последствия были важнее самого действия. Мне было достаточно видеть его муки, остальное я мог домыслить сам. В этом был сокрыт дьявольский расчет Убийцы. Он перетаскивал на свою сторону мое воображение. Он вступал в союз со мной против меня!

Пытаемый уже не кричал — хрипел, и изо рта у него пузырилась кровь. Похоже, они пробили ему легкое.

— Я хочу услышать ответ на все тот же первый вопрос, — напомнил голос. — Попросите его ответить на мой первый вопрос.

— По-жа-луй-ста, — шептал умирающий, — мне больно! — и в глазах его стояла боль, мольба и надежда.

Я молчал.

И снова передо мной терзали, рвали, прожигали человеческую плоть. Но я видел только лицо и слышал только крики и мольбы о пощаде. И это было непереносимо. По моему лицу, шее, груди плавными струйками текла теплая кровь. Чужая кровь!

Его пытали час и два, и три.

— Я прошу ответить на первый вопрос! Я прошу ответить...

Ну почему я молчу? Что изменится от того, что я скажу, как меня зовут? Разве это принципиально? Я смогу потянуть время, дать возможность передохнуть от мучительной боли своему сотоварищу, себе. В конце концов я могу назвать любое пришедшее в голову имя. Мне нужна передышка!

Но я молчу. Я знаю — достаточно открыть рот один раз, чтобы сквозь сорванные шлюзы запрета хлынул неудержимый поток слов. Пойдя на уступку, сказав "А", я непременно протараторю весь алфавит до последней буквы.

Молчать! Только абсолютная немота гарантирует сохранение тайны!

Пытаемый уже не реагирует на боль — лишь слегка вздрагивает и мычит. Он почти умер. Его душа высвобождается из этого переломанного, перекореженного, уже не напоминающего человеческого, тела. В нем уже нельзя существовать. Не менее бесполезно оно и для палача. Этот истыканный и изрезанный кусок мяса уже не может говорить, мыслить и, главное, испытывать боль.

Ему стреляют в затылок таким образом, чтобы кровь, мозг и осколки черепа облили, облили меня с ног до головы. Они работают по всем правилам! Они пытаются сломить мою волю, обрекая даже не увидеть, но физически почувствовать смерть. Вот она, в этих недавно разговаривающих, страдавших, а теперь налипших на меня кусках человеческого тела.

Они добились своего. Мне страшно. Сейчас наступит моя очередь, и уже мое тело будет извиваться, кричать и молить о пощаде. Я должен собраться для, может быть, последнего испытания.

Я не так безоружен, как мой предшественник. В отличие от него я знаю, что такое боль. Я прошел учебку пытками!

Не давая передышки, меня валят на пол, выворачивают, загибают головой к пяткам, пристегивают кисти рук наручниками к ногам.

— Вопрос первый. Кто ты есть на самом деле? — шепчет из-за скрывающих его фонарей Убийца. Сейчас будет больно. Сейчас будет нестерпимо

больно! Еще мгновение — и мою плоть рассечет раскаленным клинком боль! Сейчас! Выдержу ли я ее? Да или нет? Я буду орать, мычать, биться в судорогах, грызть камень пола. Это слишком больно, чтобы можно было вытерпеть! Это бо-о-о-ольно!!

Когда икры моей касается, прожигая кожу и мясо, нагретая на огне спица, я кричу, дергаюсь, всецело отдаюсь боли и... теряю сознание. Я ухожу.

Ведро холодной воды плюхают мне на голову. Я возвращаюсь, но не спешу это показать.

— Вы не переборщили? — слышу встревоженный голос Убийцы.

— Да он хилjak какой-то! Дерьмо! Кисейная ба-рышня! — возмущаются моей мягкотелостью исполнители. — Мы даже не начали по-настоящему. Так, примерились!

Второе ведро. Пора приходить в себя. Я сплевываю попавшую в рот воду, я подскуливаю, я плачу.

— Хватит придуриваться! — орет один из палачей, поднося к моим глазам раскаленный докрасна прут. — Отвечай на вопрос!

— Ой, не надо! Не надо! — прошу я и, чувствуя новую боль, грохаюсь в обморок.

Растерявшиеся палачи дают мне передышку. Сильные методы воздействия не проходят, остается вести планомерную осаду. Теперь надо готовиться к худшему. И действительно, меня начинают методически избивать — не сильно, чтобы не дать возможность ответить обмороком, но постоянно, чтобы все тело горело, словно поджариваемое на сковородке. Не качеством, так количеством!

Теперь приходится терпеть. Если терять сознание от каждого удара, это станет просто подозрительным.

Часов через пять палачи утомляются. Понятно, это мне можно на полу ничего не делая вылеживать, а им приходится не покладая кулаков трудиться. Попробуйте, помашите руками и ногами без перерыва в течение часа!

— Скоро продолжим! — обещают они. — Жди! Это конечно. Это я даже не сомневаюсь. Они тоже люди подневольные. Им тоже некуда деваться.

Хлопает дверь. Судя по звукам, в камере нас осталось только двое — я и Убийца. Сейчас он начнет меня уговаривать и страшать, — подумал я. И опять ошибся!

— Хорошо валяешь дурачку! — сказал он из-за лампы. — Молодец! Я ведь тебе было доверил! Учебка? — и не ожидая реплики с моей стороны, сам себе ответил: — Она, родимая. Ростов? Или Новосибирск? Недооценивал я тебя. Думал, талант, везунчик, народный умелец. А ты, оказывается, свой, профи. Давно покинул пенаты?

Он дружелюбен. Он действительно дружелюбен! Словно встретил старого приятеля.

— О родной, конечно, рассказывать не будешь? А было бы интересно. Как там теперь? Кто правит бал? Кто сгинул? А? Понятно. А эти идиоты с горячим железом! Наивняки! Привыкли кости ломать! Ладно, это их проблемы. Хотя вообще и твои, — он хохотнул. — Сказать ты ничего не скажешь — это факт. Но и облегчить твою участь я не смогу — сам виноват! Дел понаделал — десятерым не разгрести. Убедить их в твоём молчании я не сумею, все равно не поверят, так как отрицательного опыта у них нет. Ты будешь первым. Прихлопнуть тебя по-быстрому — на себя подозрение навлечь, что тоже не в убыток. Они сейчас маме родной не верят, а у меня с ними еще расчет не завершен. Так что готовься превращаться в фарш.

Он помолчал, закурил.

— Есть у меня к тебе один вопрос. Личный. Те, что они приготовили, мне без интереса. А этот... Скажи, заводик твое дело?

Я молчал.

— Ладно, согласен, баш на баш. Ты мне про завод, я тебе про то, как быстрее завершить эту волюнку. По рукам? Бить тебя будут двое. Один, тот что поздоровее, шибко нервный и страсть на любит физической боли. От того, наверное, не в живое дело пошел, а в палачи. Достань его ногой в живот, а лучше пониже, обложи по матери, подставь под удар, и все! И нет тебя! Отмучился. Искренне советую. Мгновение боли — удар у него поставлен — и свобода. А так неделю будут мучить, все жилки по одной повьютанут. Уяснил? Ну, значит, действуй! Теперь твоя очередь. Был ты там или не был? Да или нет? — и такое в его голосе звучало сомнение, такая надежда, что я не сдержался, ответил.

— Был! — пусть теперь мучается, высчитывает, где промашку дал. Этот ребус ему до конца жизни разгадывать.

— Значит, был, — вздохнул он. — Ну прощай, однокашник. Больше беспокоить не стану. Другие охотники найдутся. И советую — не затягивай, не мучь себя понапрасну.

Он ушел, но тут же пришли другие и час, и два, и три молотили меня кулаками и узкими резиновыми дубинками. Били щадяще, чтобы надолго растянуть удовольствие. Но щадяще, не значит менее болезненно. Я потерял счет времени и счет ударам. Особо усердствовал здоровый, которого мне для облегчения своей участи следовало достать ногой. Но я почему-то не спешил. Надежда, что ли, во мне какая-то оставалась или не хотел доставлять удовольствие Убийце, принимая его совет.

— Перерыв на обед, — объявил вконец изма-

явшийся здоровяк, — а ты пока отдохни, покушай. И не скучай, мы скоро придем.

Они еще и есть дают? — удивился я. Значит действительно зарядили на недели!

Зашел медик, смазал открытые раны мазью. Совсем интересно! Лечат, чтобы дольше калечить? Отодвигают за счет медицинской помощи и калорий болевой порог, за которым мне уже станет все едино. Это значит, что каждый день на отдых мне будет даваться по меньшей мере несколько часов. Добряки!

Принесли миску с жидкой баландой (похоже, разбавленные из-под крана остатки недоеденного кем-то супа), перестегнули руки вперед, дали пластмассовую ложку. Лампы пригасили. Этих своих истязателей в отличие от Убийцы мне разрешалось видеть в лицо.

Пока я ел, за спиной и у двери стояли охранники, не спускающие с меня глаз. Кончить с собой мне не дадут точно! Ладно, смиримся и с этим.

Я жевал хлеб разбитым ртом — какая это еда, дополнительная мука — и размышлял на тему: не последовать ли совету Убийцы. Чего я жду? Милости? Ее не будет. Перевербовки? Так я ее не приму, даже если вдруг, что маловероятно, такая возможность представится. Помощи резидента? Возможно. Бродит же он где-то. Ему вызывать меня, напичканного опасной информацией, прямой резон. Может, и Контора подключится? Вдруг не такое пропащее мое дело, как кажется? Вдруг вывезет кривая. Ради такого дела можно и потерпеть.

После еды и короткого, часа четыре, забытья, меня снова били, но били уже опасней, дубинками, с оттягом, по свежим кровоточащим ранам, так, что мне даже пришлось пару раз потерять сознание. Иногда мне казалось, что им от меня ничего не надо и избивание продолжается просто ради вымещения злобы или спортивного интереса. Меня даже ни о чем не спрашивали, просто молотили чем и куда ни попадя. Но некоторое обережение моего рта и правой руки доказывало, что вопросы последуют. Я должен еще буду говорить и писать. Они лишь ждут, что эта бессмысленная молотилка рано или поздно сломит меня и я спрошу — "что вы хотите?"

Перекур — обед — сон — молотба. Шестичасовой непрерывный цикл. Как на заводском конвейере.

И все же некоторый прогресс наблюдался. Палачи подустали. Движения их стали менее резкими и менее частыми. Но слабость ударов с лихвой компенсировалась болезненностью израненного тела. Собственно говоря, меня можно было и не бить, мне было больно и так.

Перерыв — обед — забытье...

Кажется, прошло двое суток.

— Замучил ты нас! — жаловался здоровяк, разминая ушибленный об меня кулак. — Хоть бы подох скорей.

Снова серия злобных ударов. Потеря сознания. Передышка.

Я начал сдавать. Я почувствовал, как искусственно поддерживаемое состояние безразличия вытесняется чувством злобы. Я начинал смертельно ненавидеть палачей. Злость — опасный советчик, как и любые другие сильные чувства. От ненависти до предательства, как ни покажется странным, всего несколько шажков. Вначале возненавидеть, потом попытаться сохранить себя для мести, пойти на мелкий компромисс...

По-настоящему защищает только чувство безразличия. Когда плевать на боль, на своих мучителей, на родственников, на друзей, на саму жизнь. Когда на этом свете уже ничто не держит и весь ты там, в недоступной им запредельности. Такими недостижимо безразличными были первые христиане, спокойно всходившие на костер, фанатики-мусульмане, распеваящие молитвы с перебитыми руками и ногами. С такими справиться, таких перекроить на свой лад невозможно!

Я до таких высот не дотянулся. Я сломался. Я возжелал мести, хотя прекрасно понимал, что мои мучители лишь пешки, исполнители чужой воли. Главарей мне не достать.

В кратких перерывах между пытками я сладостно мечтал вернуть им пережитую мною боль. Вернуть сторицей. Насладиться их стонами, криками, жалобами, как лучшей музыкой. Не понимая того сам, я вставал на скользкий путь, ведущий к пропасти предательства. Собственно говоря, этого они и добивались.

Спасла меня снова Учебка. Я был слишком конкретен, чтобы откладывать месть на потом. Я не выторговывал жизнь, как необходимость будущего сведения счетов. Я без раздумья отдавал ее за право насладиться ответной болью. Зуб за зуб! Жизнь за жизнь! И только так! И только сейчас!

Ежеминутно я стал подмечать особенности поведения своих противников, выискивать, просчитывать слабые места в обороне. Таких почти не было. Но они были! К идеалу можно стремиться, но его нельзя достичь. В любом сверхнадежном механизме отыщется слабое звено. Так учили меня. И я искал!

Я уже знал, что и когда буду делать. Скорее всего, в этой борьбе мне придется умереть, но по меньшей мере две жизни я заберу с собой! Это и будет моя месть. На большую, уву, рассчитывать не приходится.

Постепенно и расчетливо я стал изображать слабость. Я стал унижаться, плакать, молить о пощаде и валиться с ног от каждого удара. Я перестал сопротивляться внешне, концентрируя остатки сил для последнего боя. И он наступил.

Я сдался!

Ночью, когда, по моим расчетам, отсутствовало начальство, я потребовал бумагу и ручку. И еще я потребовал еду. Должен же я за свое предательство получить что-то, кроме прекращения издевательств.

Если бы рядом был Убийца, он никогда бы не допустил подобной промашки! Но его не было.

Обрадованные неожиданным успехом, палачи поспешили выполнить мои просьбы. На стол легли листы бумаги, шариковая ручка, миска щедро сдобренного мясом горячего плова и даже стакан вина. Мне расстегнули руки.

Плача от боли, обиды и собственной слабости, поддерживая правую руку левой, я взял ручку и стал писать признание. Медленно, очень медленно я выводил на бумаге буквы. Палачи переглядывались, незаметно подмигивали друг другу. Они ликовали, предвкушая скорый отдых и щедрое вознаграждение. Я не стал исключением из правил, но лишь самым трудным подтверждением их.

Я писал, останавливался, комкал, отбрасывал листы, снова писал. Я правильно рассчитал. Боясь упустить миг удачи, они приблизились, склонились надо мной. Один пытался читать написанное сзади, через плечо. Другой, напротив, навалившись животом на стол, ждал, чтобы мгновенно выдернуть из-под моей руки заполненный лист. Они спешили, торопили угодные им события. За что и поплатились!

Я поставил последнюю на странице точку и, словно думая смять очередной лист, раскрыл им ладонь. Ручка автоматически перевернулась стерженьем вверх.

Он наклонился. Он не мог не наклониться! Слишком важна ему была эта страница, первая, которая неизбежно потянет за собой следующие! Ну же, еще маленько. Еще... Он потянул к листу руки, и в то же мгновение точным и сильным ударом я вогнал ему острие авторучки в глаз. Глубоко, до внутренней стенки черепа! Он умер, даже не поняв, что произошло. Он умер легче, чем мне хотелось бы, но, главное, умер!

Другой рукой, практически без паузы, я впечатал миску с горячим пловом в лицо сзади стоящего охранника. Он даже не закричал, рот его оказался заполненным пловом.

В следующее мгновение я должен был получить пулю в голову от стоящего у двери охранника. Но мне повезло, мне сказочно повезло! Обалдело наблюдая произошедшее, он замешкался на несколько секунд. Мгновенно уловив заминку, я перестроился на ходу. Теперь я мог не только отомстить, пожертвовав за это жизнью, но и попытаться спастись!

Далее все развивалось как в вестерне. Охранник лихорадочно лапал пистолет, срывающимися пальцами снимал предохранитель, передергивал

затвор. Я вымеривал до него расстояние, заносил освобожденную от плова миску. Я успел раньше. С силой брошенная миска, молнией блеснув под светом потолочного фонаря, ударила ему в горло, перерубая сонную артерию. Не зря я в бытность свою курсантом, часами тренировался метать предметы домашнего обихода. Пригодилось все-таки!

Последнего, приходящего в сознание охранника, я убил ударом кулака в переносицу. Он так и умер с кусками дымящегося плова на лице. Мсть состоялась. Но я о ней уже не думал. Я работал на спасение!

В коридоре, похоже, никто ничего не заметил. А нечаянные вскрики и удары, даже если услышали, приняли за начало очередной серии допроса с пристрастием. Для дальнейших действий я выбрал охранника у двери. Он был с бородой и в очках, то есть имел те главные приметы, которые делают лицо. Быстро раздев его, я натянул на себя хаки-форму, фуражку, нацепил очки. Бороду я подрезал по кругу его же ножом и, сняв единым скальпом, налепил на собственный подбородок, потерев кровь полкой рубахи. Наверное, это было варварство, сродни канибализму, но изготавливать парик у меня не было времени. Лишняя минута могла стоить мне жизни.

— Эй, открывай! — крикнул я, застучав ботинком в дверь.

Отворилась небольшая смотровая дверца. Именно из-за нее я затеял весь этот маскарад.

— Это ты, что ли? — спросил невидимый голос.

Я специально пододвинулся ближе, чтобы выделить усы и бороду, прикрыть лишний свет и загородить внутреннее помещение камеры.

— Ну, а кто еще!

Заскрежетал засов, отпирающий дверь. Я прижался к косяку. Дверь раскрылась. Единым движением я вдернул надзирателя внутрь, ударил ножом в шею. С изумлением на лице он осел на пол.

Аккуратно закрыв камеру, я пошел по коридору. Мне надо было торопиться. Еще немного, и моя униформа набухнет сочащейся из свежих ран кровью. Я стану заметен.

По дороге я дополнительно вооружился, прихватив с пожарного щита небольшой ломик. Таким, умеючи, можно было воевать не хуже, чем боевым мечом.

Коридор завершился лестницей, ведущей наверх. С большим трудом, преодолевая боль в теле, я одолел один марш и увидел идущего мне навстречу мужика. Кто он был, боевик или техническая обслуга здания, в подвале которого я находился, узнать было нельзя.

Я наклонился, сделал вид, что шнурую развязавшийся ботинок.

— Здорово, Боря! — на ходу крикнул прохо-

жий, но вдруг остановился, словно что-то сообразив. — Слушай, что у тебя с лицом? — и в то же мгновение, отпрыгнув назад, потянул из запятой кобуры пистолет.

Достать руками я его не мог, пришлось стрелять. Выстрел гулко раскатился по лестничным маршам. После секундной паузы наверху послышались встревоженные голоса, топот ног. Мне ничего не оставалось, как вернуться в подвал. Неудачно! Одна радость, что теперь у меня появился еще один пистолет.

По дороге я двумя выстрелами в упор перерубил силовые кабели. Упала мгновенная темнота.

Сейчас они блокируют все входы и выходы и, подведя временное электричество, будут оттеснять меня в заведомо известный им тупик, где эффектно расстреляют меня у голой стенки. По крайней мере, я бы действовал именно так!

Подволакивая поврежденную во время пыток ногу, я тащился вдоль стены в неизвестном и, возможно не сулящем ничего хорошего, направлении.

Голоса и топот с этажей сместился ближе к подвалу.

— Где фонари? Тащите фонари! — кричали голоса. — Счас мы этого паразита!

Одновременно, навстречу мне забухали каблук подвальной команды. Я, вжавшись в ближний дверной проем, пропустил бегущих людей.

Теперь в подвале я остался один. Один в большой мышеловке, где даже сыра для последнего обжорства не оставили. В конце темного подвального тоннеля замелькали фонарики. Облава началась.

— Держаться не менее, чем по трое. Поодиночке не ходить! — распорядился кто-то, понимающий толк в таких делах.

На размышление, принятие решения и претворение его в жизнь у меня осталось едва ли больше получаса. Самое неприятное, что я не имел даже примерного представления о том, где нахожусь.

Пойдем от общего. Скорее всего, это подвал с тепло- и электрокоммуникациями, бойлерными, складскими и другими вспомогательными помещениями. Окон, естественно, нет. Путь наверх через одну-две запертые боевиками лестницы по краям длинного коридора. Стены не расковыряешь — монолитный бетон. Подкоп не проведешь — не успеешь.

С дальнего конца бухнуло несколько выстрелов. Скрикошетившие пули зайцами запрыгали по коридору, одна впиалась в пол возле моих ног и, отскочив, барабанно ухнула во что-то у потолка.

Что же это такое громкое? Водопроводная труба?

Ладно, дальше. Судя по выстрелам в каждый подозрительный угол, шадить меня не будут, но одного-двух человек я с собой на тот свет утяну. Жаль, не больше. Итого шесть вражьих жизней

за одну проваленного агента-практиканта. Не самая плохая арифметика.

Но все же, что такое бухнуло там над головой?

Если притаиться за вырисовывающимся в случайном свете фонариком электрическим шкафом, выстрелить в идущего первым боевика, перехватить падающее оружие, хорошо бы автомат, да в три ствола, по толпе... Вот тебе еще пара трупов в довесок. И десять пуль в собственную грудь. Н-да. Эх, сейчас бы сюда мой пояс с петардами и гранатами. Другой бы счет пошел!

И все-таки это не водопровод! Не может труба с водой давать такой пустой звук.

Кстати, о трубах. Идут они, водопроводные, отопительные, газовые штук пять в ряд. Если забраться на них, дожидаться облавы и сверху, прицельно... А если не стрелять? Если переждать? Я дотянулся рукой до потолка. Действительно, ряд. А сбоку большой жестяной прямоугольник... Что? Точно! Вентиляционный короб. А для чего вентиляция? Чтобы гнать воздух в верхние этажи. Интересно.

Для дальнейшей реализации плана мне нужен был шум. Не пора ли пугнуть преследователей, поумерить их ретивость?

Распластавшись на полу, я выставил вперед руку с пистолетом, тщательно прицелился, сделал два выстрела на десяток сантиметров повыше далеких отражателей горящих фонариков и мгновенно откатился за электрический шкаф. В пол, месте где я только что находился, высекая искры, ударились несколько пуль. Нет, не любители мне противостоят! Так реагируют на выстрел только обученные, с хорошей практикой бойцы.

По крикам, проклятьям и замершему на уровне пола свету одного из фонарей, я понял, что попал.

Стрельба пошла по нарастающей. Это вступили в дело запоздавшие любители. Заглушают обвальную пальбой страх перед чужим выстрелом. В подвале поднялся невообразимый шум, словно стреляли не из стрелкового оружия, а из противотанковых орудий. Что и требовалось. Воспользовавшись суматохой, я ухватился за короб вентиляции и изо всех сил дернул вниз. Еще. И еще раз. Жест лопнула, и короб распался. Ухватившись руками за трубы, я подтянулся и перехватившись ногами, рыбкой нырнул в вентиляцию.

Один из трофейных пистолетов я, предварительно взведя, положил на "крышу" электроаппарата. К курку привязал тонкую ленту, связанную из распоротой на скорую руку рубахи.

Судя по тяге, ползти мне следовало в сторону преследователей, что значительно затрудняло задачу. По-пластунски, бесшумно, я втягивался в квадратную трубу. Когда кончилась лента, я, для остроты, дернул курок. Где-то сзади бухнул выстрел, вызвав по меньшей мере стократный ответ. Патронов они не жалели!

Воспользовавшись шумом, я убыстрил скорость. Дополз, миновал ругающуюся, стреляющую и переговаривающуюся облаву, добрался до вертикального колена. Сзади, создавая угодную мне шумовую завесу, продолжали грохотать, раскатываясь долгим эхом, выстрелы. Как мало им надо для поддержания страха. Всего-то один неприцельный выстрел!

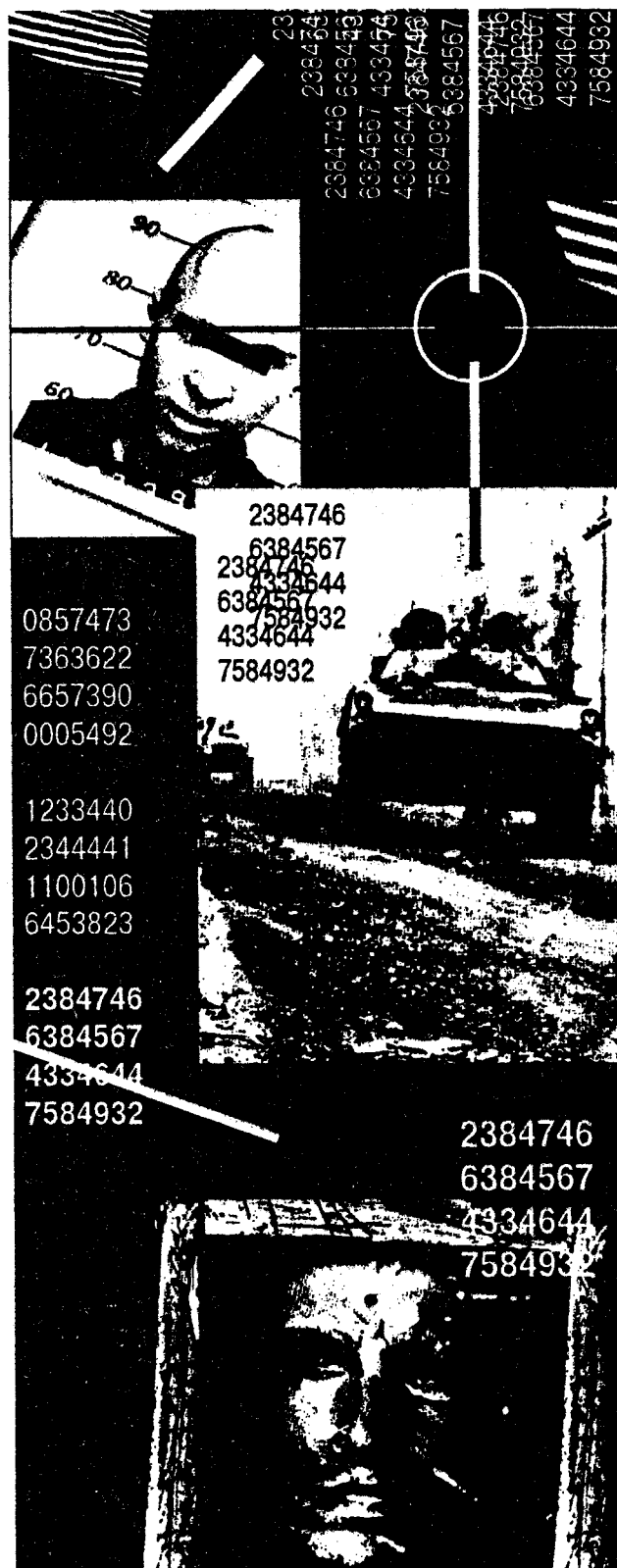
С трудом преодолев колено, я встал на ноги. Внутренняя сторона короба была гладкая, без зацепок, носки ботинок и пальцы соскальзывали с металла. Но к этой неожиданности я был готов. На уровне высоко поднятой ноги я приставил и вмял одним концом в жест пожарную монтировку. Встал на верхний конец. От моей, давящей сверху тяжести монтировка только крепче заклинилась. Над ней, под другую ногу, я коротким ударом вбил в короб нож. На секунду оперевшись в ручку ножа ногой, расперся в трубе, перенес монтировку выше.

Примерно на уровне третьего этажа я вполз в первое встретившееся мне горизонтальное ответвление вентиляции. Я был почти свободен. Погоня, обозначая себя отдельными выстрелами, продолжала ловить меня где-то там, в глубине темного подвала. Я же вознесся над ними более чем на десятиметровую высоту. Теперь мне достаточно было выбраться наружу и, спустившись к вахте, незаметно проскользнуть, в крайнем случае, прорваться с боем на улицу. Я уже продумывал маскировку, которая позволит мне одолеть это последнее препятствие безболезненно. Кроме того, есть еще окна первого и второго этажей. Время у меня в достатке. Пока преследователи пройдут весь подвал, обшарят каждое встретившееся на пути боковое помещение, да все это крадучись, ежесекундно ожидая выстрела, пока обнаружат пролом в вентиляции, пока догадаются в чем дело, я десять раз успею добраться до ближайших кустов и раствориться до темноты во временном маскировочном убежище. Эта часть операции волновала меня менее всего. Я выиграл главную — выбрался из замкнутой мышеловки подвала! Здесь меня, где всякая дверь, всякое окно обещает спасение, попробуй возьми!

По боковому коробу я дополз до ближайшего вентиляционного отверстия, огляделся. Помещение, похоже, какая-то лаборатория, было пустым. Еще с минуту послушав тишину, я выдавил жестяную решетку, притиснулся в отдушину и, вытянувшись на руках, спрыгнул вниз.

— С прибытием! — услышал я голос за спиной.

Не повезло! Но если это случайный соглядатай, а будь иначе, прозвучал бы не окрик, а выстрел, потерян еще не все! Изображая неловкое приземление, я "подвернул" ногу, в падении вытянул пистолет и, свалившись на пол, просунул дуло между левой рукой и телом. Вряд ли противник раз-

гадал мой маневр, тем более вряд ли заметил высунувшееся из-под мышки дуло. Теперь мне достаточно бросить мимолетный из-за плеча взгляд на врага и тут же всадить ему пулю в лоб, откатившись от встречного выстрела.

Но не выстрелить, не откатиться мне не удалось.

Упреждающий выстрел оцарапал бок, попал в хвостовик пистолетной рукоятки, выбил оружие из моих рук. Это еще повезло! Сантиметр выше — и от моих пальцев остались бы кровавые обрубки!

— Не убил? Тогда еще раз здравствуй!

Дымящееся пистолетное дуло с накрученным на него набалдашником глушителя и пара дружелюбных глаз смотрели мне в переносье.

— Только давай без геройства и глупых телодвижений, — предупредил Убийца.

Он вновь, в который раз уже, переиграл меня!

— Я знал, что ты выберешься здесь. Из всех возможных путей умный игрок мог избрать только этот! Присаживайся, — он указал пистолетом на стул.

Умный, гад, оставляет между мной и собой стол. Сразу, пусть даже ценой собственной жизни, не допрыгнешь, не достанешь! А так бы не пожалел, успел бы даже с пулей в сердце воткнуть ему в глотку монтировку.

— Нет, не сможешь, — оценил он взглядом мои жертвенные устремления. — Не успеешь. Лучше брось железо.

Я повиновался.

— Поговорим, — как и несколько дней назад предложил Он. — Время у нас имеется. Этим идиотам лазить по подвалу и этажам еще часа полтора. Потом я тебя, извини, пристрелю. Не хочу, чтобы на моем, пусть противнике, но все же коллеге, эти гориλλы отрабатывали приемы рукопашного боя. Мы спецы, а не боксерские груши! Ты не против?

Я пожал плечами.

— Я долго думал, как ты ухитрился улизнуть там, на заводе. И ты знаешь, ничего не придумал! Хотел проверить на месте, так места уже нет. Пустырь. Сгорел хлопковый заводик! До головешки. Несчастный случай. Тебе уже все равно, а мне любопытно. Расскажи, так сказать, в порядке обмена опытом. Мне кажется, полтора часа жизни стоят такого пустячка. Ведь это касается только нас. Остальные пусть продолжают думать, что это стихия. Ну?

— Ладно, — согласился я.

В конце концов 90 минут жизни это не мало!

— Можно подойти к доске?

Убийца прикинул возможные последствия решения, сместился ближе к окну и кивнул. Я взял мел, подошел к лабораторной доске.

— Вот периметр забора. Это — входные ворота. Здесь и здесь НП...

А почему бы мне его не умыть напоследок? Ведь не всегда он выигрывал в нашей заочной дуэли. Были и у меня победы. И не маленькие! Не одному ему ходить в победителях!

Я подробно и не без нотки заслуженного бахвальства, показывал ему где и каким образом я его тогда сделал. И ведь красиво сделал!

— Здесь было основное убежище. Здесь стояла дежурная группа...

Он все более заинтересовывался рисунком. Это напоминало разговор двух шахматистов, разбирающих когда-то проигранную, но тем не менее очень интересную партию.

— То есть от меня прикрылся мною! — хохотал Убийца, оценив мою придумку с ЗИЛаами. — Ловко! Ведь я рядом прошел! Сантиметрами!

Он снова посмотрел на рисунок.

— А вот здесь у тебя было базовое логово? — поднял он глушитель к краю схемы.

И я решился. Резко присел, левой рукой попытавшись ударить его в пах. Он не стал стрелять. На курок с испугу, не задумываясь, жмут только профаны-любители. Он был уверен в своих силах и легко отбил удар, одновременно достав меня костяшками кулака, в котором был зажат пистолет. Я упал на пол и замер.

— Что за детские выходки! Мы даже не завершили разговор! Эй, одинокашник!

Я лежал, продолжая изображать смерть. Как когда-то давно в Учебке, во время спарринг-боя с инструктором по рукопашке, я понимал, что у меня нет шансов на победу. Он был заведомо сильнее и опытнее меня. На всякий удар я получу два более сокрушительных. Наверное не стоило затевать этот безумный поединок, не стоило нарываться разбитым в фарш телом на жесткие кулаки. Но я не мог себя более сдерживать. Меня вел уже не разум, но злорадия и надежда. Надежда не на жизнь, на месть!

— Вставай. У меня есть еще к тебе вопросы. Эй!

И все-таки он был очень умный. Он не подчинился первому желанию, не подошел, не склонился надо мною, чтобы проверить мертв я или притворяюсь. Он выстрелил! Пуля, выламывая щепу, вошла в пол в сантиметре от моей головы! Я выдержал, не вздрогнул. Я лежал, продолжая изображать мертвого. Собственно говоря, я и был мертвым. Девяносто отпущенных мне минут — не в счет! Смерть уже склонилась надо мной, уже вошла в меня! Что мне было вздрагивать от выстрела. На этом свете я уже не боялся ничего.

И он поверил! Он поддался! Он приблизился на полшага и немного, совсем чуточку, наклонился. В это мгновение, а и было-то оно у меня единственное, я ударил его пяткой по руке, держащей пистолет и, поднимаясь, всем корпусом в грудь. Он успел сделать два выстрела, но все они

ушли мимо. Распрямляясь пружиной, которую давили и сжимали все эти недели, я принял на себя его вес, поднял и вместе с ним, оторвавшись ногами от пола, полетел в окно.

Вышибая стекла, мы падали, рушились вниз. В последний момент, понимая, что проиграл, он цепко схватил меня, прижал к себе. В этом последнем любовно-смертном объятии мы упали на землю.

Он не учел одного, он был готов к моим попыткам спастись, но он не допускал, просто не думал, что я предпочту не выжить, а умереть. Умереть вместе с ним. Он мерил меня по себе, и в этом была его ошибка.

Удар! Темнота! Смерть!

И все же не смерть. Не забирала меня старушка с косой, избегала, обходила стороной. Видно, не пришло еще мое время.

Страшная боль в позвоночнике вернула меня к жизни.

— Больно! Бо-о-о-ольно!! — кричала каждая клеточка моего тела.

— Жив. Жив! Жив!! — так слышал эти жалобные вопли мой мозг.

Жив!

С трудом откатываясь по земле, я привстал на ногу.

Убийца лежал навзничь. Под его головой растекалась кровавая лужа, из груди, чуть ниже ключицы, торчал кусок заостренной толстой щепы. Мы упали на кучу мусора, и я тяжестью своего тела впечатал его в эту случайно торчащую палку, которая пробила его насквозь!

Я поднялся на ноги и шатаясь пошел к ближайшим кустам.словно выставленный из норы в чистое поле зверь, я стремился как можно быстрее спрятаться, исчезнуть, раствориться в зарослях обещающего спасение леса.

В последнее мгновение из-за веток я оглянулся. Убийца лежал недвижимо, уставясь открытыми глазами в небо. Казалось, он пытается разглядеть что-то там, в заоблачной выси, что-то, доступное только ему.

— Прощай, коллега, — пробормотал я. — Тебе не повезло!

И уже почти повернувшись добавил:

— А все-таки мы не одноклассники! Я учился в другой Учебке. Совсем в другой!

Вечером, умываясь у случайного ручья, я увидел отражение своего лица. Оно выглядело как мясная отбивная, еще не уложенная на сковородку, но уже добросовестно разбитая кухонным молотком.

С таким лицом выбраться нормальным транспортом нечего было и думать. Никакой грим не поможет! Плюс теперь мои враги имели мой фотопортрет, плюс мои искалеченные руки, плюс хромота, плюс... Плюс да плюс, а в результате

один безнадежно огромный минус. Законы арифметики здесь срабатывают не всегда. Много дорог ведет из ловушки, но все они для меня закрыты.

По меньшей мере месяц нужен мне, чтобы заживить раны и приобрести человеческий вид. Имею я этот месяц? Нет! Имею надежное и более или менее стерильное (не сидеть же мне с открытыми ранами где-нибудь в земляной норе!) убежище? Нет! Есть человек, который будет четыре недели носить мне еду? Опять нет! Нет. Нет. Нет. Хочешь не хочешь, выбираться надо сейчас!

Я опять перебрал в уме транспорт. Отбросил самолеты, поезда, автобусы, попутки, конные экипажи и вьючных верблюдов. Вынужденно отказавшись даже от беспроектных до последнего провала товарняков. Больше ехать было не на чем. Впору, взмахнув руками, пристроиться к улетающей в дальние края птичьей стае. В дальние... Интересная мысль.

Но, опять-таки, на чем? На чем?? Да на себе же! Если нельзя уехать, уплыть, улететь, значит надо уйти! Пешком! Куда проще. Вот тебе ноги, вот дорога. А чтобы не вызвать ненужного подозрения своей одиноко бредущей вдоль обочин автострад фигурой, я должен пойти там, где они менее всего ожидают. Новый вопрос. Какие дороги они пасут менее всего? Ну конечно, ведущие в противоположную от желаемого мною направления. Дороги, ведущие вглубь контролируемой ими территории! Так?

Так-то конечно так, но ведут они, в конечном итоге, в тупик! В границу!

Ой ли? — не согласился я сам с собой. Почему тупик? Граница что, море, которое нельзя переплыть? Горы, которые не одолеть? Пропасть, которую невозможно перепрыгнуть? Разве она физическая величина? Нет, просто линия, прочерченная на карте. Воображаемое препятствие. Почему птицы, мураши, животные могут свободно ползать, летать и скакать туда-сюда, а я нет? Потому что нельзя? Потому что они не знают что нельзя, а я знаю?

Я нарушу закон? Да вся моя работа сплошное нарушение всех писанных и неписанных законов. Чего я боюсь? Что меня застрелит пограничник? Так он хоть "Стой, кто идет!" закричит, предупредительный выстрел сделает. А удержишься я здесь лишний денек, пристрелят просто, без окриков и предупреждений. Это дай бог, если только пристрелят, а не изрежут на ремешки или не сварят на медленном огне после того, что я тут натворил.

Нет, пусть лучше меня угробит наш отличник боевой и политической подготовки, верный присяге и долгу защитник отечества. Не так обидно будет.

Решено. Ухожу через границу!

Два дня отвел себе на поправку здоровья, что-бы, как минимум, иметь возможность надеть на

себя одежду. По понятным причинам ни в аптеку, ни в больницу я обратиться не мог. Пришлось обходиться подручными средствами.

Забравшись в заросли небольшого, возле городской свалки, леса, я из длинной палки и куска медной проволоки изготовил небольшой аркан и за полтора часа активной охоты отловил двух бездомных собак. Привязав их рядом и дав привыкнуть к себе, я разделся и лег на подстеленную одежду. Ведомые инстинктом собаки, почуявшие запах крови и подгнивающей кое-где плоти, потекли слюной и стали жадно и безотрывно лизать мое тело. Сжав зубы, я терпел боль. Главное, чтобы дворняги выскребли всю заразу из ран, продезинфицировали их слюной. Говорят, некоторые страждущие вылечивали таким образом экзему. Не панацея, конечно, но лучше, чем ничего.

Отходив день голым, я подсушил вылизанные собаками раны, облачился в постиранную от крови с помощью песка и золы, одежду и двинулся в сторону границы. Шел только ночами, стараясь как можно дальше держаться от жилья. Днями укрывался в убежищах. Пил где придется, ел что бог подаст.

В непосредственной близости от границы залег ненадолго. Изю дня в день я наблюдал, выискивая дырку в пограничной обороне, вычислял секретки, узнавал маршруты пограничных отрядов, время пересменок и многое другое.

В одну из ночей я пересек государственную границу. Контрольно-следовую полосу я прошел, нацепив на ноги муляж лошадиных копыт, вырезанных из куска дерева. Маскировался не столько для себя, сколько для тренировки слепопытского глаза пограничников. Пусть голову поломают. Поищут дырки в обороне. Глядишь, и сообразят. По чужой территории мне предстояло пройти более пятисот километров! Ситуация осложнялась тем, что кроме нескольких расхожих фраз, языка я не знал и не имел привычной для глаза местного жителя одежды. Значит, опять вынужденные и потенциально опасные ночные переходы! Идти, ежеминутно рискуя напороться на минное поле, засаду или забраться в топографический тупик. И все же идти! Рубикон, на сей раз имеющий вид полосатого пограничного столба, перейден. И, значит, только вперед!

На шестые сутки, под самое утро, я напоролся на засаду. Пестро одетый бородатый душман, возникший словно из-под земли, недвусмысленно повел стволом и что-то крикнул на своем языке. Не надо было обладать способностями ученого-языковеда, чтобы понять, что через мгновение, если я не подниму руки, он будет стрелять!

Я вступать в дискуссии не стал и резво задрал ладони.

— Поди сюда, — кивнул головой душман.

Медленно, стараясь не вспугнуть его резким

движением, я пошел в его сторону. Стрелять скорее всего он не станет. Кто перед ним — замызганный, худой, как церковная крыса, незнакомец. Чего такого бояться? Пусть так и думает. А я пока осмотрюсь.

Склон вверх — чист. Вниз — тоже. Засада — небольшая, обложенная мешками с землей яма, прикрытая от посторонних взглядов естественного происхождения валунами. Типичный НП. На брусстере автомат, под мешками гранаты. Судя по архитектуре убежища, население его — два-три человека.

Если они, подзывая меня, просто развлекаются, есть шанс проскочить, изображая глухонемого бродягу. Если честно исполняют службу, значит при обыске отыщут пистолет и разговор пойдет другой. Тогда что? Принять бой? Но три настороженных автоматных ствола против одного пистолетного? Кисло! Все равно что лезть с копьем на броневик. Разные весовые категории. Я пас! Значит обыска не должно быть. Чего бы это ни стоило!

Заискивающе улыбаясь, мыча и дергая головой, я пошел к убежищу. Судя по тому, что душман припустил дуло автомата, мое представление прошло с успехом. Противника во мне не признавали. Со дна ямы поднялся еще один любопытствующий боевик. Он что-то сказал первому, и оба засмеялись.

Да, вот такой я забавный, неуклюжий, в грязной одежде с чужого плеча — типичный деревенский дурачок. Зачем я вам? Что от меня можно добиться? Говорить — только время тратить. Пришел неизвестно откуда и уйду неизвестно куда. Бросовый я человек, с какой стороны ни зайдешь. Ну так и бросьте меня!

Однако дело приняло дурной оборот. Один из автоматчиков поманил меня рукой. Я, выпучивая глаза и пуская слюну полуоткрытым ртом, талантливо изображал непонимание. Боевик повел автоматом. Такой жест, будь я даже трижды дураком, не понять было нельзя. Я приблизился.

На дне убежища, закутавшись в спальник, спал третий человек. Значит, трое!

Подчиняясь приказу, я перелез внутрь. Встал, упершись бессмысленным взглядом в лица. Душманы переговаривались. Мне даже показалось, что я близок к успеху, что сейчас меня отпустят. Но тот, что стоял ближе, проявил бдительность. Поддевая дулом автомата куртку, он недвусмысленно предложил раздеваться. Я, играя испуг, сместился влево, занимая место между двух фигур. Ближнему не понравилось мое движение, и он больно ткнул стволом в грудь. Моргая глазами, я начал растегивать китель.

Три-четыре секунды, потом будет поздно! Ударить в пах стоящего передо мной, одновременно, головой в подбородок стоящего сзади и уже потом,

в довесок, того что лежит. Пока они не ожидают нападения, пока я могу застать их врасплох...

Начали?

И тут я увидел четвертого! Застегивая штаны он спускался по склону, заинтересованно наблюдая за происходящим на НП. На плече у него болтался автомат.

Черт! Его появление в корне меняло обстановку. Пока я вырубаю ближних, он издали наспигует меня свинцом, как гуся яблоками!

Ближний боевик, словно что-то почуяв, насторожился, стал проявлять нервозность. Мне оставались уже не секунды — мгновения. План рушился. Я, не успевая даже додумать все до конца, импровизируя на ходу, изменил схему действий. Теперь мне требовалось, чтобы этот первый испугался меня и испугавшись, взвел автомат. Только это могло обещать мне хоть малую, но надежду на спасение!

Я сделал демонстративно угрожающее движение. Душман мгновенно среагировал, отшатнулся, передернул затвор, упер в меня ствол. Он сделал то, что на его месте сделал бы любой человек, посвятивший несколько месяцев своей жизни войне. В это мгновение он подчинялся не разуму — инстинкту. Почуял опасность — готовь оружие к бою. На то и был расчет!

Автомат он взвел, но причин стрелять у него не было. Я снова восстановил на лице добродушно-придурковатое выражение. Убить меня — грех на душу взять, как если порешить безвинное животное. Несколько секунд мы стояли молча, наконец он расслабился: размякли глаза, "поплыл" плечо на спусковом крючке. Теперь на то, чтобы собраться ему потребуется не меньше полсекунды. Мне будет достаточно одной трети.

Не меняя выражения лица — это очень важно, чтобы он видел все тот же бессмысленный взгляд, это дополнительный тормоз — я неожиданно и громко вскричал, выбросил в сторону его лица кулак, но не ударил, а отшатнулся в сторону. Инстинктивно зажмурившись, он, так же инстинктивно, нажал курок. Автомат тряхнуло длинной очередью. Но меня уже не было на пути пуль. Все мои пули до последней получил в грудь его напарник, упавший навзничь на бруствер. Тут же, но не правой, что летела ему в лицо, а левой рукой я ударил его в незащищенное горло, одновременно, каблуком в голову, достав лежащего в спальнике и одновременно же — именно этому, одновременноности, учили нас в Учебке, три действия в одно мгновение! — я подхватил продолжающий стрелять автомат за дуло и подняв, направил на четвертого душмана, спускающегося по склону. Он был хороший боец. Он успел уже перехватить и взвести свое оружие, когда очередь перерезала его по животу. Его убил его товарищ, сам будучи уже фактически мертвым! Инстинкт

выдрессированного бойца, заставляющий до последнего жать на гашетку, сослужил им плохую службу.

Вырвав у мертвеца автомат, я контрольными выстрелами поставил точку. Четыре точки. Я не мог себе позволить, как это любят показывать в кино, случайный выстрел от недобитого противника.

Вот теперь уходить! Засунув под каждый труп по гранате с выдернутой чекой — это должно было задержать возможных преследователей еще на несколько минут, я побежал вверх по склону. Вверх, потому что логика догоняющего подсказывает, что лучше убегать вниз, т. к. это быстрее. И желание убегающего быстрее скрыться толкает его вниз. Именно поэтому я побежал вверх.

Вверх! В трехстах метрах от НП я заметил удобную расщелину между камнями. Сдвигая с кожи свежие коросты, я вбился, втиснулся туда, закрыв вход землей и ветками. Ни одному нормальному человеку не пришло бы в голову, что в этой щели способен уместиться человек. Кошка — может быть. Но человек!

Два дня я вылеживал в убежище. Я слышал взрывы гранат, выстрелы, шаги близко проходивших людей. Они обшаривали местность, посылали во все стороны дозоры, но ничего не нашли. На третьи сутки, в ночь, я покинул тайник и продолжил путь.

Еще через две недели я пересек границу в обратном направлении. А еще через три дня был дома.

Нет, меня не встречали как героя. Никто не бряцал наградными значками, не брал интервью, не дарил букеты. Куратор, выслушав краткий рапорт, выдал пачку пронумерованных листов, для подробных объяснительных. Ломая голову и перья, я пытался описать произошедшие со мною события. Они получались какие-то корявые и скучные, как сколоченная в школьных мастерских табуретка. Я перечеркивал листы и аккуратно складывал их в специальную корзину. Ни одна бумажка не должна была выйти из этих недоступных для постороннего стен.

Чертова бумага издевалась надо мною, преуменьшая и искажая действительность. Весь мой недавний героизм, изложенный письменно, оборачивался глупостью, изобретательность — тактическими промахами. Оказывается, все можно было сделать проще, лучше и безопасней. Решения были очевидными, лежащими на поверхности, но тогда я их не видел.

Рассказывая о том, как выкручиваясь из тяжелой ситуации, одолевая одного, второго, третьего врага в безнадежной, казалось бы борьбе, я не мог не упомянуть о том, по чьей, пусть даже косвенной, вине эта ситуация случилась, не мог не нарваться на справедливый вопрос — как вы это

допустили? — или еще страшнее — кто вам дал право брать на себя не разрешенные высшим командованием функции? Не согласовал с начальством план действий, не получил монаршего одобрения, значит, виновен, даже если в конечном итоге победил. Ты курьер, и дело твое курьерское!

И получалось, что я героически и кроваво волевался с собственной недальновидностью и даже, о ужас, недисциплинированностью и профнепригодностью! Ну как таким хвастать? Впору вынужденно замалчивать свои победы, чтобы через них не выказать свои же промахи.

За такой отчет, дай бог, чтобы не укатали в края, где Макар телятущек не гонял!

В результате, безжалостно редактируя сам себя, я изложил только факты, в которых был уверен. "Лирику" я вымарал самым жестоким образом. Я написал о заводе, о способах транспортировки, о контейнере. Последний, я был уверен, отыщется. Номер вагона известен, остальное дело техники. Контора, если понадобится, звезду с неба утянет. А о контейнере, потерянном на собственной территории, говорить нечего. Если сразу не обнаружат, каждого обходчика, каждого стрелочника во фронт построят, каждый метр пути перекопают, перешуляют силами мобилизованных курсантов военных и милицеских училищ. Но результат будет. Непременно!

— Это все? — спросил куратор, вертя в пальцах тоненькую стопочку листов.

— Все.

— Не густо. Завтра в десять!

Мое задание было завершено. Я справился с ним не лучше, но и не хуже других. Я остался жив, а это удастся далеко не всем! Теперь, по меньшей мере месяц, я мог не думать о "работе". Я заслужил это право. На это время я стану просто человеком, обывателем, просаживающим очередной отпуск. Я не хочу, чтобы мне напоминали о прошлом, чтобы мне снились кошмары со взрывами и стрельбой. Имею я право на "не хочу", хотя бы во внеслужебное время?! Оказалось — нет. Мне напомнили обо всем. И гораздо раньше, чем я мог предположить!

Через два дня я лоб в лоб столкнулся с... бог мой! — резидентом! Это был он! Это было его лицо, его глаза! Ошибиться в идентификации личности я не мог, не так меня учили. Даже между двух, похожих как две капли воды близнецов я мог опознать одного требуемого! А уж не узнать родного шефа...

Приученный к внутренней дисциплине я ни словом, ни жестом не выказал свое с ним знакомство. Я прошел мимо. И он прошел мимо, кажется, даже не заметив меня. Как он здесь очутился? Как выбрался? Как остался жив?

Он выловил меня через неделю, "случайно" встретив на улице. Хорошо одетый, средних лет

мужчина остановил меня и, дергая сигаретой, зажатой меж пальцев, попросил прикурить. Пока я доставал коробок, пока открывал, пока спичка горела, он сказал мне несколько слов. Всего несколько слов, поставивших все с ног на голову. Он сказал:

— Спасибо тебе, парень. Ты сделал много. Ты отвлек на себя их силы. Спасибо! И извини!

И, раздувая дым, ушел, растворился в толпе.

Я стоял недвижимо, пока огонь спички не обжиг мне пальцы. Я был ошеломлен. Я был раздавлен! Я понял все! Мне не надо было длинных разъяснений и разборов, мне достаточно было трех ключевых фраз!

Оказывается, все мои, на грани жизни и смерти, приключения были пустышкой! И тот завод, и те убежища, где я неделями изображал покойника, и те контрслежки и страховка его помощников, и даже мои отчаянные попытки спастись, все это было не нужно и в высшей степени глупо. Он подставил меня! Слово барабан в темноте меня колотили со всех сторон, чтобы новые барабанщики сбегались на громкий звук. Вот что ему нужно было — побольше грома! Ему нужен был мальчик для битья. Им стал я!

Давая задание, он понимал, что я обречен, что шансов остаться в живых у меня нет. Именно поэтому он рискнул показать мне свое лицо. Как уже покойнику, который не может надолго сохранить эту информацию в своей голове, не может доложить начальству о нарушении святой святых! А то, что я могу раскрыть его инкогнито противнику, его волновало мало, когда я смог бы это сделать, он был бы уже недостижим.

Он подставил не только меня. Он подставил своих, верой и правдой служивших ему агентов! Вместо того, чтобы спасти, вывести их из-под удара, он использовал их в качестве аппетитной наживки. Ему нужен был только и исключительно тарарам. Еще тогда, отбивая первого агента, я должен был привлечь к себе внимание. Сорвалось. И он отдал второго своего сотоварища. С этого момента я потянул на себя силы противника. Из меня, никчемной пешки, он вылепил значительную фигуру! И они, его противники, клюнули, откликнулись на его игру. Слово снежный ком по сугробу, катаясь туда-сюда по чужой территории, обрастал я новыми спецами. Я требовал к себе внимания! Я забирая на себя потенциально опасные глаза, руки, технику и, главное, мозги. Они думали обо мне, открывая простор для маневра шефу! Я громычал, он действовал тихо. Его филигранная работа на фоне моей топорной переставала быть заметной.

Ай да резидент!

Завод был кульминацией! Там, под его стенами я собрал все их силы. Все, против одного-единственного меня! Это надо умудриться — убедить

противника против одиночного, далеко не самого опытного бойца, выставить целый полк! И дергать его в поле не день, не два, не три!

Так ведь и поиск тот был наверняка начат с подачи шефа, — вдруг понял я. Не случай заставил их вести столь грандиозную осаду. Наверняка нет! Удачно подброшенная резидентом деза. Не нужен был бы я ему там, если бы меня не искали. Не информация его интересовала — облава! И, значит, заводик тот и что там производят и в каком количестве он знал заранее, потому и послал меня туда. Я разрабатывал объект, который был никому не нужен!

А прикрывшись мной, как дымовой завесой, он спокойно и безопасно завершил известную только ему операцию. И ушел, не как я, со стрельбой и обдиrom кожи, а спокойно, с достоинством, в комфортабельном купе фирменного поезда. И пока я залиывал и снова кровавил раны, он, сидя на мягкой полке, гонял чай и умные разговоры со случайным попутчиком. Так действуют настоящие профессионалы, а стреляют и умирают лишь такие дураки, как я!

Тогда, на остановке, "сбив" меня машиной, он незаметно и обаятельно поменялся со мной судьбой. Он стал шестеркой, а я прошел в тузы. На час. Как тот халиф. Если бы противник его раньше времени просчитал, он изобразил бы из себя мелкую, бестолковую сошку, связника, а из меня — резидента. Свою смерть он подменил бы моей и снова вышел сухим из воды.

Ай да шеф! Ай да умница! Зубр! А я вошь, затерявшаяся в его шерстке!

Меня распирала обида. Я был обманут, как глупый мальчишка, романтично верящий в благородство и товарищество. Обманут и оставлен умирать! Спасенье мое — это недоразумение, игра случая. Только в этом одном промахнулся шеф. Эх, если бы я догадался раньше! Если бы я мог хотя бы предположить подобное! Дал бы я ему прикурить! Ох дал бы!..

Но прошел день. Прошел второй. И вбитый мне в голову в Учебке здравый расчет взял верх над эмоциями. Я попытался зайти с другого конца. Да, подставил, да, по большому счету предал, но что его заставило это сделать? И что бы сделал на месте резидента я? Подумаем?

Расклад — хуже не придумать. Связи провалены, противник разматывает цепочку, заглатывая человека за человеком. До полного провала дни, если не часы. Центр интересует результат, а не лирика. Оправдания ему не нужны. И, главное, он, результат, где-то близко, пальчиками дотянуться можно. Но дотянуться не дают. Все время, все усилия уходят на то, чтобы заткнуть очередную дыру в обороне, обеспечить безопасность, предугадать ходы противника. Тришкин кафтан — не успеваешь бегать с иглой и ниткой на слыши-

мый со всех сторон треск. А тут еще присылают в качестве погонялы курьера-энтузиаста. Выдай ему на блюдечке с голубой каемочкой результат, и все тут! А где его взять? Тупик.

Что бы сделал я? Стал, следуя чувству товарищества, спасать отдельных соратников, чтобы в этой суеде неизбежно высветиться самому? Так именно этого противник и добивается, ведя слежку за отдельными агентами. Значит, сыграть на руку врагу? Дать ему возможность, начав с головы, просчитать всю агентурную сеть? И не спастись и не спасти помощников, просто благородно погибнуть всем, напрочь провалив задание. И кто сказал, что он предал всех? Почему я и два известных мне агента — это все? Может быть, это лишь малая часть нелегального айсберга? И пожертвовав нами, он спас остальное большинство? Если допустить такое, то так ли он беспринципен? Ампутировать одну, смертельно больную ногу, чтобы выжил целый организм, разве это предательство?

К тому же, я сужу о том, сути чего не знаю. Какое задание он выполнял? Какие цели преследовал? Не маленькие, если целый перерабатывающий завод, с полусотней охраны, техникой, многомиллионным оборотом был пожертвован единственно для прикрытия основной операции! Другому хватило бы для получения внеочередного звания одного этого! Я услышал бой только своего барабана, а играл целый оркестр! Что играл? Знать бы. Но если даже принять завод и все с ним связанное за десятую часть, то целое?! Ого! Глазом не охватить!

Да на месте своего начальника, свались на меня такая ответственность и такие, неодолимые на первый и на второй, и на третий, и на все последующие взгляды, обстоятельства, я просто бы застрелился. А он выкрутился, просчитал выход: направила наступающего на пятки противника по ложному пути, вывел из игры наиболее ценные кадры, пожертвовал все равно обреченными, да еще, между делом, руками курьера-практиканта рванул взлелеянный мафией наркозаводик! Как говорится, малой кровью на чужой территории.

Конечно, обидно, что в жертву принесли именно меня. Но это лично для меня я самая великая ценность. А в его распоряжении таких жизней может быть десятки. Почему он должен избрать для спасения именно мою, а не другого такого же агента? Потому что этого хочется мне?

Но разве учитывается желание рядового пехотинца, погибающего на ложном плацдарме ради достижения высших и неизвестных ему стратеги-

ческих целей? И разве напрасна его жертва? Да, он изначально не должен был победить и, не зная об этом, честно и самоотверженно шел в атаку, подставляясь чужим пулям и осколкам. Он умер; но собрал на себя десять или сто вражеских солдат и тем спас десять или сто своих сотоварищей, где-то там, далеко, в тиши и покое формировавшихся водную преграду. Разве может этот солдат обвинить в бессердечии пославшего его на смерть генерала? Нет. Он знал, на что шел. И я, и помощники резидента знали, на что шли, знали условия этой, по-военному бескомпромиссной борьбы. Мы должны были быть готовыми умереть не там где хочется, а где скажут, так чего теперь жаловаться.

Не мне судить шефа. Да и будь он хоть в малой степени виновен, разве подошел бы он, нарушая законы конспирации, ко мне на улице, рискуя быть наказанным начальством? Разве признал меня, случайно столкнувшись? Нет, прошел бы мимо и никогда бы я не узнал истины. Не прав я, доверяясь эмоциям. Дорогого стоит его "спасибо". Дорогого!

Рассуждая так, я не осознавал, что в эти мгновения, отстраняясь от своей обиды, влезая в шкуру резидента, я незаметно для себя становился другим. Я умирал, как исполнитель, и в муках и корчах сомнений рождался, как руководитель.

Не Учебка сделала меня, не навыки убивать и укрываться, эти, мучительные раздумья. Признавая за другим право распоряжаться моей жизнью, я завоевывал аналогичное право для себя. Лишь тот может послать подобного себе на смерть, кто сам в любое мгновение готов принять из рук другого смерть собственную. Право — это лишь продолжение обязанностей.

Круг разомкнулся и впустил меня внутрь. Я стал равным среди избранных. Священное действие состоялось.

Тогда, отлеживая бока на диване, бродя по улицам, глотая пиво, думая о другом, скором задании, я не догадывался, что пора школярства завершена. Что уже никто и никогда не вручит мне курьерскую сумку. Что в графе "рекомендации к использованию" моего секретного, в единственном экземпляре личного дела уверенной рукой выведено — "готов к самостоятельной работе".

Готов ли? Способен ли?

Это покажет жизнь. В конце концов это не последнее задание. А бравые пионерские вскрики "Всегда готов!" не в чести у нашей организации. У нас работают, побеждают и умирают тихо.

Такая специфика!

Людмила ДЬЯКОВА

«ОН ДОСТИГАЕТ НЕБА СВОЕГО...»

Юлий Ким — целый театр в одном лице: он и певец, и актер, и драматург, и режиссер... Каждый номер знаменитого барда — небольшой, но захватывающий спектакль.

У Юлия Кима, как и у многих людей его поколения, было не очень-то сытое послевоенное детство без отца, корейца-переводчика, репрессированного в 30-е годы. Сыну «врага народа» непросто было поступить даже в педагогический институт, где юношей принимали охотнее.

Московский педагогический «подарил» стране таких бардов, как Ада Якушева, Юрий Визбор, Вадим Егоров, Владимир Красновский, Вероника Долина. Вся молодежь дружно занималась сочинением песен под гитару.

Ю. Ким: «Первые мои песенные «опусы» появились на курсе на втором-третьем. Сочинительству своему я всерьез ни капли не предавался, в турпоходы не ходил, и вся моя лирика, естественная для этого возраста и этого жанра, была шутовская, и ничего серьезного в ней не было...»

Дальше был замечательный «камчатский период». Во время предварительного распределения он посмотрел на карту, легкомысленно ткнул пальцем куда подальше — оказалось, в Камчатку...

Ю. Ким: «Вернувшись в общежитие, сочинил песенку «На далеком севере ходит рыба-кит...» Таким образом, воспел я Камчатку, не видя ее в глаза. И песенка — к изумлению моему — как-то быстро «долетела» до Ленинграда, там ее выучил и спел чрезвычайно популярный в те годы ансамбль «Дружба». Потом «Рыбу-кит» — в числе других песен — разыграли, в качестве спектакля, студенты Товстоногова. Ну уж, а когда я увидел в журнале «Смена» своего «Кита», где было напечатано: музыка Эшпая, слова студенческие, то понял: пришла известность...»

За три «прекрасных камчатских года» чего только не придумывал неутомимый Ким: готовил песенные программы, устраивал костюмированные балы, ставил пьесы. Повезло камчатским ребятишкам той поры — представляете учителя, который сочиняет, например: «Бей баклуши, а уроки не учи»?!

В семидесятые годы Юлий Ким неожиданно... «исчез». А появился некий Ю. Михайлов, стихи к фильмам «Точка, точка, запятая», «Обыкновенное чудо», «Про Красную шапочку» и многим другим. Ларчик открывался просто: Ким «ушел в псевдоним».

Ю. Ким: «Когда «оттепель» прошла и начались другие времена, они и меня коснулись вполне определенно, ибо своих взглядов «диссидентских» я не скрывал. Преподавать запретили. Вовсю клеймили по радио за «антисоветские песенки, причем от имени трудящихся, естественно. Фамилия «Ким» кое-кого стала раздражать. Ну и к лучшему вышло: ушел в кино, стал писать на заказ стихи для кинофильмов. По сию пору продолжается сотрудничество с

замечательными композиторами: Владимиром Дашкевичем, Геннадием Гладковым. Вместе мы написали песни ко многим фильмам: «Двенадцать стульев», «Формула любви», «Человек с бульвара Капуцинов»... Самый дорогой для меня фильм — пожалуй «Бумбараш». Сейчас пьеса по переработанному мной сценарию идет сразу в двух театрах: у О.П. Табакова и в «Третьем направлении». Писать первые свои пьесы начал на Камчатке, и даже придумал и поставил советский мюзикл».

Спектакли по пьесам Юлия Кима с успехом идут в разных городах страны. В 1985 году был поставлен «Ной и его сыновья» в театре Станиславского, в 1987 году — «Волшебный сон» — в театре Маяковского, в 1990 году — «Московские кухни» — в «3-ем направлении».

По пьесам-инсценировкам Ю. Кима ставили спектакли такие известные режиссеры как П. Фоменко, М. Леви́тин, Р. Виктюк... В Омском драматическом театре состоялся юбилейный — сотый! — показ «Московских кухонь», нашлась одна «рекордная» семья, которая посмотрела пьесу 50 раз!.

Ко всему сказанному остается добавить, что у Юрия Черсановича — замечательная семья, что живет он, несмотря на свою популярность, в небольшой двухкомнатной квартире с женой (внучкой знаменитого командарма Якира), дочерью, зятем — оба студенты МГУ, и трехлетней внучкой Ксюшкой. Жизнь его наполнена не только высокими творческими порывами и взлетами, но и бытовыми проблемами, как и у многих людей; вечными разъездами с концертами и — постоянной работой...

Булат Окуджава сказал о Киме: «Поэту настоящему спасибо, руке его, безумию его и голосу, когда, взлетев до хрипа, он достигает неба своего».

Более точно оценить этот талант трудно.

Верно предупреждали друзья: перехваливаю я оригинального изобретателя Митятайкина. А все потому, что никогда не пробовал действия его изобретений на себе. Но теперь каюсь и даю зарок!

... Пригласил он меня в лабораторию и говорит:

— Думал я, думал: кому первому дать возможность попользоваться моим ЧИЖом? и понял: только тебе. Ведь это ты раньше всех других оповестил мир о моих предыдущих изобретениях: о регуляторе совести, об аппарате по выявлению дефицита на расстоянии, о крючке для извлечения подоплеку событий. Словом, за мной должок. И я тебе его отдаю. ЧИЖ к твоим услугам!

И Митятайкин показал на загадочное сооружение, возвышавшееся до самого потолка в просторном лабораторном зале.

— А что он такое, твой ЧИЖ? Что может?

— ЧИЖ — это Чудесный Исполнитель Желаний. А может он абсолютно все.

— Как золотая рыбка?

— Да. Но золотая рыбка — это сказка, а ЧИЖ — вот он, перед тобой. Полагаю, наряду с машиной времени это главное изобретение моей жизни.

— Лишь бы они были безвредными.

— Тогда... Понимаю, что это очень нескромно, но мечта всей моей жизни — издать полное собрание своих сочинений. Годы, знаешь ли, идут, а у меня по-прежнему выходят одни тоненькие книжицы в мягкой обложке. А как бы хотелось поставить на полку несколько солидных томов — толстых, в твердом переплете, на хорошей бумаге, с цветными иллюстрациями. Как у классиков, — добавил я, слегка покраснев.

— Да не смущайся! Как у классиков — будет как у классиков. Привези свои сочинения.

Я выбежал на улицу, схватил такси и вскоре вернулся со стопой папок.

— Суй их вот сюда. Он их там прочтет и рассортирует: стихи в один том, рассказы в другой, повести в третий.

Я отдал рукописи ЧИЖу. Золотая птичка немедленно включилась и запела свою волшебную песенку: защелкала, закурлыкала, засвистала.

— А тираж какой будет? — спросил я. — Или в одном экземпляре? Тогда это не совсем то, о чем я мечтал.

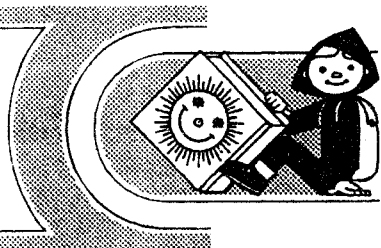
— Почему в одном? Сколько тебе надо?

— Сто... — произнес я с замиранием в сердце.

Герман ДРОБИЗ

КОВАРНЫЙ МИТЯТАЙКИН

Юмористический рассказ

— Можно сказать, золотая птичка! — воскликнул я, уже прикидывая, как напишу о новом замечательном свершении гениального Митятайкина. — Или, как там в давней песне пелось? «Выбери меня, выбери меня, птица счастья завтрашнего дня!» Значит — абсолютно все?

— С одним ограничением.

— Ах, все-таки с ограничением...

— Да. Мой ЧИЖ различает полезные и вредные желания, позволь ЧИЖу досконально исследовать тебя, чтобы он понял: что тебе полезно, а что вредно. А также — чем ты можешь быть потенциально опасен для других.

Раздвинулись дверцы, и я вошел в камеру, напоминавшую кабину лифта. Множество гибких присосок протянулись ко мне, замкнули там и сям датчики. Затем веер лазерных лучей волнообразно прошел по мне сверху вниз и пронизал от головы до пяток.

— Теперь ЧИЖ знает тебя как облупленного. Так что не бойся, ничего вредного тебе не позволит. Итак, можешь загадывать три желания. Самых заветных.

Что ж... Долго размышлять я не стал: самые заветные желания в каждом человеке живут годами и прекрасно ему известны. Они сняты по ночам и грезятся наяву.

— Вот что, друг Митятайкин... Но сначала скажи: а нескромные желания он исполняет?

— Сто так сто.

— Нет! Сто... тысяч!

— Да не волнуйся ты. Сто тысяч так сто тысяч. Куда только их девать?

— Тысячу штук ко мне в квартиру, а остальное — по всем библиотекам и книжным магазинам страны.

— А за рубеж?

— А можно?

Митятайкин только руками развел: я еще сомневаюсь?

— Тогда и за рубеж! Да! И один комплект — сюда, подарю тебе, от души!

— Заранее благодарю, — галантно поклонился Митятайкин.

ЧИЖ меж тем продолжал пощелкивать и насвистывать, но больше ничего не происходило. Вдруг он выкинул мои рукописи обратно и умолк. Замерли и мы с Митятайкиным. Осветился экран и по нему побежала строка: «Желание не может быть исполнено, так как принесет заказчику вред».

— Ничего не понимаю... Исполнится моя заветная мечта, для меня это будет небывалая радость, счастье на всю жизнь! Какой вред?! Что за дурацкую птичку ты придумал, Митятайкин. Или то вообще никакой не исполнитель желаний, и ты меня разыграл?

— Гм... — Митятейкин смущенно откашлялся. — Действительно, странно. Желание как желание. Сейчас разберемся. Я предусмотрел конфликтные ситуации между ЧИЖом и заказчиком и ввел в программу необходимость объяснять свои решения. ЧИЖ, объясни! — Митятейкин произвел нужные манипуляции.

На экране высветилось:

«Объяснение. Изучение произведений заказчика вызывает их низкий художественный уровень. Выходя брошюрами в мягкой обложке, они оставались незамеченными критикой. Выпуск собрания столь слабых сочинений в эффектном полиграфическом исполнении повлечет за собой поток рецензий, губительных для здоровья заказчика. Конец объяснения».

— Ну, наглец! — возмущился я. — Да что он у тебя понимает в художественной литературе?! Уровень ему, видите ли, низок! Не твоего ума дело! — закричал я ЧИЖу. — Тебе приказали выпустить мои тома — вот и выпускай. А на критику мне начхать!

— Уговаривать бесполезно, — вздохнул Митятейкин. — Он твоё здоровье изучил лучше всякого врача. Раз говорит, что не переживешь критику — так оно и будет.

— Я не переживу?! Да плевал я... — завопил я... и потерял сознание. Очнулся от прикосновения влажного полотенца.

— Видишь, какой ты обидчивый и ранимый, — мягко заметил Митятейкин. — ЧИЖ прав. Но не расстраивайся. У тебя еще целых два желания.

— Да... — Я почувствовал, что мое возмущение улеглось. — Наверное, птичка права: я бездарен. Вот и зарабатывать толком на своих сочинениях не могу. Сам знаешь, какая у меня квартира, какая мебель. Ни дачи, ни машины. Не хотел я загадывать ничего из этих пошлых материальных желаний. Но раз уж я такая бездарность... Ладно: Пусть хоть машину даст.

— Марка? Цвет?

— «Мерседес»! Серебристый.

— Знаешь, — сказал Митятейкин, — ЧИЖу все равно. Хочешь «Мерседес» — даст он тебе «Мерседес». Но я бы не советовал. А ремонт? Запчасти? А внимание преступного мира?

— Ладно. Тогда «Волгу» в приличном состоянии.

— Где поставить?

— Вот под этим окном.

— ЧИЖ! — сказал Митятейкин, понажимав кнопки. — Заказчик желает «Волгу».

Птичка запела. Мы с Митятейкиным навалились на подоконник высунулись и уставились на площадку у входа в здание, где должна была появиться моя «Волга».

Внезапно ЧИЖ затих. Мы обернулись. По экрану побегал текст: «Желание не может быть исполнено, так как принесет вред окружающим. Объяснение. Заказчик имеет устойчивую привычку сочинять на ходу, на бегу, полнотью отключаясь от реальности. За рулем эта привы-

чка неминуемо приведет к аварии. Наиболее вероятен наезд на пешеходов пожилого возраста. Конец объяснения».

— Черт возьми! Ну, допустим, есть у меня такая привычка. Но я же буду за рулем машины. Что, я не понимаю разницы? Сменю привычку.

— Не сможешь, — возразил Митятейкин. — Он тебя знает лучше, чем ты сам себя. И не обижайся. ЧИЖ не виноват, что ты заказываешь одни вредные желания. Впрочем, у тебя осталось последнее, третье. Но уж, пожалуйста, подумай хорошенько.

Чтобы подумать хорошенько, я сел в уголок и решил закурить. Но, оказалось, у меня кончились сигареты.

— Дай закурить, — попросил я у изобретателя.

— Извини, не курю.

— Но я не в силах глубоко задуматься без крепкой затяжки. Тогда пусть твой ЧИЖ даст мне сигарету. Эй, ты, птичка божия, дай закурить!

— Что ты натворил! — огорчился Митятейкин. — Ведь я же предупредил: подумай хорошенько. Последнее желание! А ты его истратил на такую ерунду. Да еще и невыполнимую. Это не то что моему ЧИЖу — ежу понятно: курить — здоровью вредить, а...

Но тут Митятейкин осекся, потому что ЧИЖ к этому времени спел короткую песенку, присвистнул, щелкнул... И выкинул к моим ногам пачку моих любимых болгарских сигарет «Родопи».

— Ха-ха! — злорадно воскликнул я. — Ну не идиот ли он у тебя? Выдумывает какие-то искусственные вредные последствия, но при этом спокойно выдает человеку никотин!

Митятейкин сильно смутился. Он был озадачен.

— Что-то я не предусмотрел... Ну-ка, ЧИЖ, будь любезен, объясни свое исполнение.

Вспыхнул экран и на нем высветилось:

«Объяснение. Курение укоротит жизнь заказчика, и он не успеет написать свои самые неудачные вещи, какие всегда пишутся слабыми писателями в старческом возрасте, что приводит к полной утрате их литературной репутации в глазах потомков. Таким образом, желание заказчика закурить является полезным как для него, так и для общества. Конец объяснения».

— Ах, так! — вскипел я. — Так вот назло тебе с этой минуты бросаю курить. И назло тебе еще поживу и напишу! И первым делом — про вас с Митятейкиным, про двух мерзавцев!

Я выбежал прочь и по дороге до дому придумал, как написать все то, что вы только что прочитали. Не скрою: при этом я сбил с ног двух-трех прохожих и пару раз наткнулся на фонарные столбы — подтвердив привычку, подмеченную ЧИЖом. Как видите, я стараюсь быть объективным.

Но это последнее, что я сообщаю миру о коварном Митятейкине и его подлом изобретении!

Николай ПОПОВ БЕЛОЕ ОЗЕРО

На высокой Воскресенской горе, на десятки метров выше уровня реки Томи раскинулось одно из чудесных мест Томска — Белое озеро. Со всех сторон его окружили клены, березы, ели.

Почему озеро названо Белым? Об этом есть несколько преданий. Говорят, когда-то его берега были сплошь покрыты белоствольными березами, березовые рощи простирались далеко на север.

По другой легенде вода в озере обладала чудодейственной силой — «белила» глаза. Умоется слепой человек водой из Белого озера и станет зрячим. И будто бы из многих мест приходили сюда слепцы с надеждой исцелиться. Но когда построили Томск, — засорилось озеро, потеряло лечебную силу. Привел однажды поводырь толпу слепых из Васюганья, а вода дурно пахнет, умываться даже

нельзя. Заплакали слепцы и разошлись по тайге.

Старая-престарая гадалка, которой больше полутора лет, предсказала: «Озеро можно очистить! Пусть в него бросится девчонка, незамужняя еще!» Слух об этом пошел по всей Сибири. Жила на севере, на Кети, татарская девчонка. Ей шел пятнадцатый год, у нее были ясные, чистые глаза, нежные розовые щеки и доброе сердце. Стало ей жаль слепых. Она прибежала к озеру и бросилась в него с разбега. Закипела вода и стала чистой, как глаза девочки.

У этой легенды есть некоторые

основания: подземные источники, питающие озеро, обладают небольшой радиоактивностью. В окрестностях Томска известны несколько радиоактивных источников — заварзинской водой и сейчас люди лечат глаза.

Перед Великой Отечественной войной ученики близлежащих школ, а также студенты из Политехнического техникума и Мукомольно-элеваторного института закладывали на берегах Белого озера парк. В Европе уже рвались снаряды, лилась кровь — а томская молодежь сажала деревья и цветы, расчищала аллеи... За годы войны парк разросся, в День Победы в нем состоялось первое массовое гулянье.

После войны Белое озеро обнесли чугунной оградой, расширили территорию парка, покрыли асфальтом аллеи. Лет десять назад был проведен «капитальный ремонт» озера: очищено от ила и снова заполнено водой.

С востока на запад Томск пересекает неглубокая, но быстрая речка Ушайка. В основании города она сыграла немаловажную роль. Летом 1604 года тобольские воеводы Василий Тырков и Гаврила Писемский по наказу царя Бориса Годунова приплыли с отрядом служилых людей вверх по Оби, зашли в Томь, а из нее — в Ушайку. На ее высоком берегу и был заложен русский город. Многие годы Ушайка была путеводной артерией Томска: по ней доставляли в город хлеб, соль, оружейные припасы и разные товары для томских перво жителей. Старинный памятник — Детский универсам — был когда-то купеческим магазином, который принимал привезенные товары с барж. А в устье реки долгое время располагался конный базар.

Далеко от Томска, в горах, родилась речка с каменистыми берегами и россыпями цветной гальки. В ее верховьях в старину рыли золото, и еще перед Великой Отечественной войной старатели на лотках промывали за городом золотоносную породу.

УШАЙКА

Когда Томск был еще небольшим городом, воды в изобилии хватало для всяких нужд. Неподалеку от Северного военного городка (теперь завод «Шарикоподшипник») стояла насосная станция, которую в просторечье звали «Водосвет».

Много живописных мест на берегах Ушайки. С обнаженных глиняных круч глядят в небо гордые сосны. Издревле славится своей красотой Михайловская роща, теснятся в низинах речки тальники и черемухи, перевитые хмелем.

Живо в народе сказание о чудесной речке. Будто бы название ее произошло от имени татарского героя Ушая. Поехал он освобождать свою невесту Томь, которую похитил калмыцкий тайша. Красавице грозило стать пятьдесят первой женой жестокого калмыка. Пленница горько плакала о доме, о любимом Ушае. Из ее слез скопилось озеро, а потом девуш-

ка бросилась в него. Озеро выплеснуло из берегов, могучий поток пробил каменные горы — образовалась река Томь и потекла на север.

О печальной судьбе невесты поведали богатырю вещие птицы. Ушай ринулся с золотогривого коня на землю и превратился в каменный утес. У подножья утеса, в том месте, где ударился головой богатырь, хлынул из трещины ручей и потек навстречу красавице Томи. В родном Тояновом краю Томь приняла ручей в свои объятия...

Около десятка больших и малых мостов пересекают Ушайку. Самый красивый из них — Каменный, по которому ходит трамвай. Этот мост с башенками и лодочками напоминает некие мосты в Санкт-Петербурге.

Рос город, а вместе с ним росли фабрики и заводы, Ушайка постепенно загрязнялась. Когда-то в ней водились несметные полчища плотвы, чебаков, пескарей и даже прихотливые к чистой воде серебристые хариусы. Теперь рыбы мало.

Увидят ли наши внуки и правнуки чудесную речку во всей ее красоте?..

Юрий СЫТНИКОВ, Леонид ЗЛОКАЗОВ

УКТУССКАЯ УЛИЦА

Кому-то из обитателей нынешнего Екатеринбурга (интересно, что получил город и его жители от этого переименования), видимо, хочется более полной картины старого города. Чтоб были городовые. Чтоб нищих и убогих поболее. Чтоб улицы носили названия, данные им при рождении — Васенцовская, Луговая, Тихвинская и т.д. Их нельзя порицать за это желание. Но можно порицать за безграмотную ночную самодеятельность: днем здание было как здание, а на утро на светлой его стене чернеет надпись — одно из старых (как правило, самое позднее) названий улицы. Знай наших!

Как Арсеньевский проспект, например. Это название — выражение гибкости позвоночника, как говорил Ходжа Нассретдин, Екатеринбургской городской думы по поводу приезда в город Пермского генерал-губернатора Арсеньева. Чем это название лучше названий: улица Жданова, Либкнехта, или Луначарского? А исконное название этой улицы — Верхотурская, что вполне логично — раньше переходила эта улица в Верхотурский тракт (теперь проспект Космонавтов).

Иногда до смешного доходит. Границей старого Екатеринбурга на востоке была улица 2-я Восточная. Дальше шел сосновый лес. После 1917 года город значительно раздвинул свои границы. Лес вырубили. Появился ВТУЗ-городок — совершенно новая часть города. А неутомонные ревнители старины улицу Малышева на протяжении, выросшем за время советской власти, тоже поместили Покровским проспектом, хотя таковой в старом Екатеринбурге начинался у тюремного замка и кончался, повторяем, у 2-й Восточной улицы (теперь улица Восточная).

Еще больший казус произошел с улицей 8-го марта: на стенах зданий, на ней расположенных, появились самодеятельные надписи: «Уктусский проспект». Но в число проспектов старого, дореволюционного Екатеринбурга Уктусская улица не входила.

В направлении запад-восток шли проспекты: Главный, Покровский, Сибирский и Александровский (соответственно теперь: проспект Ленина, улицы Малышева, Куйбышева и Декабристов). Кстати, последний был назван не в честь собора «во

имя св. князя Александра Невского», а в честь посещения в 1837 году нашего города будущим императором Александром II.

В направлении север-юг был только один проспект — Вознесенский. Позже, 10 марта 1903 года, была переименована в Арсеньевский проспект Верхотурская улица. И все!

А Уктусской улицей можно гордиться просто как улицей. Хотя бы потому, что она, скорее всего, была улицей № 1 нашего города.

Дело в том, что Екатеринбург начал строиться не в «глухом» месте. В семи верстах южнее будущих «новозачатных Исетских заводов» (это — первое название нашего города) существовал казенный Уктусский завод, построенный почти на двадцать лет раньше. Он скорее существовал, чем работал — из-за хронического недостатка воды для привода в действие колес механизмов. В этом на месте убедился опытный царедворец В.Татищев.

Когда строили новый завод на реке Исети, Уктусский использовался для выделки инструментов, оснастки и заготовки строительных материалов, для доставки коих к месту строительства была «пробита» дорога. На подъезде к новому городу дорога упиралась в Уктусские ворота. Через них и еще через Западные и Восточные ворота новый город-крепость общался с внешним миром. Уктусские ворота находились в южном крепостном валу у самой реки Исети. Во время перестройки крепости по проекту В.Татищева в 1735 году Уктусские ворота были перенесены ближе к западному валу.

Из Уктуса поначалу осуществлялось и руководство строительством — там находился сибирский Обербергамт (главное управление Сибирскими горными заводами). Через четыре с половиной месяца после начала строительства, в августе 1723 года, по Уктусской дороге Обербергамт был переведен из Уктуса в новый город-крепость Екатеринбург.

В пределах казенной крепости в казенных домах жили «казенные» люди: мастеровые, солдаты, офицеры, чиновники и начальство. «Вольные» — купцы, ремесленники, крестьяне — строили свои «дома» за пределами крепости. Селились они отдельными кварталами-слободами. Как правило —

по роду деятельности. Так, южнее крепости, на площади, ограниченной с запада Уктусской дорогой, с юга — речкой Окулинкой, с востока — рекой Исетью и с севера — южным валом крепости, возникли слободы «купецкие, бобыльские и ссыльные». Были и другие. Сейчас это примерно квартал в улицах 8-го марта, Радищева и Малышева. А река Исеть течет почти в том же русле.

Вскоре, за нехваткой места, началось строительство домов за Уктусской дорогой. Так стала формироваться Уктусская улица. И была она весьма и весьма важной артерией города.

В документах XVIII века она часто встречается под названием «Уктусская дорога», а с момента официального названия Екатеринбурга городом (1781 год) в документах и на планах появилось название «Уктусская улица».

Росла улица медленно. В начале прошлого века вся она от южного вала и до места, где теперь пересекается с улицей Куйбышева — была два нынешних квартала. Но сколько видели эти два квартала! Пожары 1818 и 1839 годов. Город ведь был почти сплошь деревянный. В 1839 году полностью выгорел квартал, где теперь располагается дендрологический парк. Пожарище это потом не застраивалось и было отведено под хлебный рынок. До конца старого Екатеринбурга (1924 г.) это место называлось — Хлебная площадь.

На нынешней улице 8-го марта — бывшей Уктусской — стоит дом под № 21. Это очень интересный дом — когда-то с него начиналась Уктусская улица. На сохранившейся до нашего времени калитке, слева от ворот, стоит № 1! А дальше, до самой нынешней площади 1905 года простиралась Торговая площадь, — до самой соборной церкви во имя Богоявления господня.

За площадью проходила маленькая улица, на которой стояли казенные дома Екатеринбургского горного завода, а также дома заводчиков Турчаниновых, Демидовых и других богатых людей. Улица в начале прошлого столетия называлась сначала Турчаниновской, а затем — Метлиной, Метлихинской, Метлинской (в честь одного из домохозяев).

В 1886 году, при упорядочении названий и нумерации домов, улица Метлинская стала началом улицы Уктусской.

Первая половина XIX века ознаменовалась перепланировкой городских кварталов — началось упорядоченное строительство. В том числе и на Уктусской улице. И если раньше (по документам 1812-1815 гг.) здесь можно было встретить дома «...несчастливого Ивана Никитина...», «...непременно-го работника Анфима Киприянова Масленникова...», «...екатеринбургской монетной команды мас-

терового Андрея Андреева Мезенцова...», то теперь участки эти скупили богатые купцы и мещане.

Перелистаем сборник «Город Екатеринбург», изданный в 1889 году городским головой И.Симановым. Начало улицы (старая Метлинская) — купцы, продолжение (старая Уктусская) — купцы. В квартале между нынешними улицами Малышева и Радищева тоже купцы — мукомолы и хлеботорговцы (в быту эта часть Уктусской улицы называлась «Миллионной»). А дальше селятся торговцы железом и изделиями из него. Между ними — трактиры, ренсковые погреба, пивные лавки, постоянные дворы.

На Уктусской улице находилось Горное Правление, бывший Обербергамт (теперь Консерватория). Здесь же располагалось полицейское управление (здание снесено). Стояли две церкви — во имя Сошествия Св. Духа и Максимилиановская под колокольной. В быту они назывались малый и большой Златоусты (обе снесены). Восточной стороной выходил на Уктусскую улицу старый гостинный двор (теперь квартал в пределах проспекта Ленина, улицы 8-го марта и переулков — Банковского и Театрального).

На Уктусской улице до сих пор влачит жалкое существование многострадальное здание нового гостинного двора: на памяти авторов в нем обретались и пожарная команда, и мебельный магазин, и какая-то швейная то ли мастерская, то ли фабрика... До сих пор стоит на углу улиц Малышева и 8-го марта здание бывшего магазина купцов Корольковых. Впрочем, до улицы Радищева дореволюционная Уктусская улица оказалась почти нетронутой — дома Степановых, Малиновцева, Борчанинова, Первушина, Соколова, Заспанова и проч. стоят и поныне.

На месте нынешнего цирка на берегу Исети находились единственные в станом Екатеринбурге «торговые каменные двухэтажные бани» чиновника Петра Кисарева. Наискось от них, на углу нынешних 8-го марта и Народной воли, до сих пор стоит перестроенное и надстроенное здание бывшего Екатеринбургского духовного училища (теперь СИНХ).

Такова эта первая улица Екатеринбурга (несколько лет она называлась «Улица Троцкого»). Именно улица, а не как проспект. Она по-прежнему на своем месте. Во времени, и в пространстве. Короче — в истории. И так ли уж плохо ее нынешнее название — улица 8-го марта — в честь наших бабушек, мам, жен, сестер. Тех, кого мы любим. А просит уважительного и беспристрастного к себе отношения. И спорить с ней надо при дневном свете. Так — виднее. И честнее.

**«Господину Академику
Мягкову...»**

Салаирский рудник 30-х годов XIX века — крупнейший населенный пункт тогдашнего кузнецкого округа (ныне Кемеровская область). В ту пору здесь проживало около двух тысяч горнорабочих, сотни горных и воинских чинов, а также мещане, разночинцы, священнослужители, крестьяне... Всего около трех тысяч человек. Это был центр обширной заводской округи — так называемого Салаирского края. В окрестностях развернулись активные поиски золота, неподалеку находились два завода — Гавриловский и Гурьевский. В поселке — большой госпиталь, горнозаводская школа, приходская церковь во имя популярных в народе святых — Петра и Павла.

Ныне Петропавловская церковь, много лет пребывавшая в страшном запустении и поругании, возродилась из пепла. Потому и надеюсь я, что читателей заинтересуют два малоизвестных документа, непосредственно относящихся к ее истории. Они обнаружены в Гос. архиве Кемеровской области.

«17 сентября 1831 года. Барнаул.

Милостивый Государь Андрей Павлович!

Получив от Вас рисунок иконостаса Салаирской церкви, по которому означенная мера и число образов следующих: Спасителя, Матерь Бога, Благовещение, четыре Евангелиста, два Ангела, Тайные Вечери, Петра и Павла, Трех Святителей, за престол Саваофа, две хоругви, плащаницу, все сии означенные Образа согласен с желанием Вашим написать на полотне ценою за две тысячи рублей и из-

Михаил СОРОКИН САЛАИРСКАЯ МОЗАИКА

готовить к освящению Храма. При сем покорнейше прошу Вас из условной суммы выдать мне в задаток триста рублей денег, по получении чего немедленно начну выше означенную работу.

В ожидании скорого Вашего намерения, с истинным моим почтением и преданностью имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Михайла Мягков».

Михайло Мягков — это выпускник петербургской императорской Академии художеств, удостоенный за успехи в учебе почетного звания Академика. Преподавал рисование и черчение в Барнаульском горном училище, автор знаменитого портрета Главного Начальника Колыванских заводов Петра Фролова. Видный деятель сибирской культуры.

Адресат — Андрей Павлович Мевуис, бергмейстер, управляющий Салаирскими рудниками и заводами, крупный администратор.

Следующий документ, датированный 16 января 1835 года, ответит на вопросы, неизбежно возникшие при чтении первого.

«В Алтайское горное правление Салаирской горной конторы с испрашиванием награждения Господину Академику Мягкову РАПОРТ.

Академик 10 класса Михайло Мягков для Салаирской Петропавловской церкви святые иконы ныне совершенно окончил с отличнейшим искусством, сделав сверх условия с тем за двухтысячную плату четыре необ-

ходимо нужных лиших. И потому Салаирская контора представляет себе в обязанность Алтайскому Горному Правлению представить и покорнейше просит удостоить его, Господина Мягкова, наградой, какую благоудобно будет назначить и о том почтить резолюцией».

На памятник Карамзину

А вот еще один любопытный факт из истории культурной жизни земли кузнецкой.

«Господину Горному Начальнику Колывановоскресенских заводов и Кавалеру от управляющего Салаирскими рудниками и заводами бергмейстера Мевуиса 1-го РАПОРТ.

Господами чиновниками, служащими в ведении моем, на сооружение в городе Симбирске памятника Российскому Историографу Карамзину пожертвовано денег всего сорок рублей, которые при сем Вашему Высокоблагородию обще с подписным листом имею честь представить

Салаирский рудник, 10 октября 1833 года».

Разве не приятно осознавать, что в основании великолепного памятника, воздвигнутого всем миром славному российскому историографу, есть скромная лепта горняков и металлургов земли кузнецкой.

Редкость барнаульского музея

Разночинная интеллигенция горного округа жила полнокровной жизнью: вела наблюдения за природой, совершала экскурсии и экспедиции, переписывалась с научными учреждениями, редакциями газет и журналов. Обратите внимание на следующий документ:

«Ваше Высокоблагородие Милостивый Государь Федор Вильмович!

Его Превосходительству Петру Козьмичу благоугодно было иметь в барнаульском музее доску из натеков известкового камня, добытого мною в пещере, находящейся в недалеком расстоянии от Гавриловского завода. Исполняя с ревностным удовольствием волю Его Превосходительства, при сем посылаю доску, которую покорнейше прошу почислить в число редкостей Барнаульского музея, а меня удостоить уведомления исправно ли доставлена сия моя посылка.

С глубочайшим моим высокопочтанием и совершенной преданностью к особе Вашей имею честь быть Вашему Высокоблагородия Милостивого Государя

бергмейстер Мевиус.

Салаирский рудник, 15 января 1830 года».

Федор Вильмович Геблер — это заведующий медицинской частью Алтайского горного округа, видный ученый-естествоиспытатель, лауреат Демидовской премии, создатель и куратор старейшего в Сибири барнаульского музея.

Петр Козьмич Фролов — Главный Начальник заводов и томский гражданский губернатор одновременно. Заводами управлял строго, но справедливо. Бытовала даже пословица: «не боюсь ни огня, ни меча, а боюсь Петра Козьмича». Это о П.К.Фролове, сибирский генерал-губернатор М.М.Сперанский, заметил: «он проникнут к заводам каким-то наследственным чувством... Всех чиновников он держит в твердой руке. От крестьян я слышал одни ему благословения».

Избрав достойных...

В барнаульском горном училище в разное время работали три академика: физик Василий Петров, которого называли продолжателем дела Ломоносова; выпускник петербургской Академии художеств Михайло Мягков и тюрколог с мировым именем В.Радлов. Теперь, думаю, будет понятен смысл и значение найденного мной документа:

«Милостивый Государь Андрей Павлович!

По положению о Горном училище и школах в Колыванских заводах, ученикам последних должен быть произведен ежегодно экзамен в апреле месяце, и по оному ученики, оказавшие совершенные успехи в преподаваемых им предметах, должны быть присылаемы в Горное училище.

На основании сего покорнейше прошу Ваше Богородие, избрав достойных из школьников Салаирской конторы, с разрешения г. Управляющего заводами, прислать их в Горное училище со списком, в котором сверх возраста их должны быть означены предметы, коим они обучены, способности, прилежание и успехи их.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть Вашим покорнейшим слугою

А.Карпинский.

20 апреля 1828 года, Барнаул».

Александр Карпинский — это представитель славной династии российских геологов. Несколько столетий питомцы двух ветвей могучего родового древа Карпинских (уральской и алтайской) верно служили своему отечеству. Первый советский президент Академии Наук Александр Петрович Карпинский — из их числа.

«Выписка школьникам, назначенным для отправки из Салаирской школы в Барнаульское училище» дает ответ на крайне важный вопрос — кого и за что направляли на учебу в школу высшей ступени. Еремеевы Иван и Никифор, Скударновы Яков и Викул, Меновщиков Афанасий, к примеру, происходили из семей горнорабочих (бергайеров), Костин Александр был сыном плотника. Всех их объединяло лишь то, что отличались они поведением «добропорядочным», «имели способности», «обучались с прилежанием и хорошими успехами».

А теперь давайте заглянем в библиотечный читательский формуляр жителя Салаира.

Далеко не всякий знает, что библиотека Колыванских заводов в Барнауле — была одной из лучших в России. И достигнуто это было стараниями заводских начальников Андрея Порошина и Петра Фролова. Совсем не случайно сын Порошина — Семен попал в воспитатели будущего императора Павла I.

Известный уже нам салаирский управляющий Андрей Мевиус в Барнауле, столице округа, бывал постоянно. Библиотеку, понятно, не обходил. В его читательском формуляре находим: «Жизнь Петра Великого, описанная Геленом», (перевод с немецкого (три книги), «Полный немецко-русский лексикон» Аделунга (две книги), «Магазин горного производства» Лемпе (две книги), «Оссиан, сын Фингалов», «Аглая», «Начальные основания врачебной патологии», «Начальные основания деятельности врачебной науки», «Начальные основания естественной истории. Царство животных»...

Судите сами, каков был диапазон интересов горного инженера. С техникой мирно уживалась история, с филологией и поэзией — медицина...

Перед нами лишь несколько фактов из духовной жизни дореволюционного Кузбасса. Художник-академик оформляет Петропавловскую церковь в Салаире, инженеры Колыванских заводов собирают пожертвования на памятник Н.М.Карамзину в Симбирске, горный инженер печется о пополнении экспозиции барнаульского музея, смотритель училищ Карпинский стремится собрать под свою опеку лучшие силы... Все это, конечно, детали, но такие, которые и составляют саму ткань жизни.

г. Кемерово.

МЫСЛЬ

*И тайну страшную природы
Я светлою мыслию постиг...
А.С.Пушкин*

Все испытай, всего себя измучь,
Иссохни весь, но... думать научись.
И вот сверкнет,
как свет сквозь морок туч,
Творящей самостийной силой мысль.
Твой разум обретет и глубь, и высь;
Ему и явь подвластна, и мечта.
Да, только мыслью возносима жизнь,
Иначе жизнь — лишь быт и суета.
А мысль родится вовсе неспроста,
Из хаоса сгустившись, словно луч.
Плачь и ликуй:

твой вечный миг настал.
Ты человек. Ты мыслишь.
Ты можуч.

МОРЕ

Оно покоя долго не хранит
(В нем больно волны
вольничать вольны!)
И то гранит береговой гранит,
То ваньками валает валуны.
Как жестко обострились скулы скал,
Валы по скулам — словно желваки!
Свирип и скошен этих скал оскал:
И жесткость в них,
и резкий скол тоски.
Кипит прибой, как пена на губах
(То не безумства ль пена
брызжет с губ?!),
И блекнет небо, в кипень волн упав,
И связки звезд заглатывает глубь.
— Что мне «Титаники» — я сам —
титан! —
Грохочет море и ревет оно.
Бессмертным силам
бой смертельный дан:
Для даней в новых днях удобно дно.

МИГ СКОРБИ

Не пил не ел, с лицом как мел,
То вдаль, то в никуда глядел;
От дум ли долгих осовел,
От песен ли осоловел.
В очах глубь тайны от совы,
Разлет бровей от соловья.
Не окликай и не зови:

Олег ПОСКРЕБЫШЕВ

НА ПАШНЕ ЖИЗНИ

В чужой судьбе — печаль своя.
Осоловел — и вдруг замолк.
В зеницах осовелых мгла.
В изгибе губ застывший вздох.
В душе остывшая зола.

Такое испытал, поди, любой
(А впрочем, вряд ли...
может быть, и нет):
Бывает, что победа над собой
Куда важнее всех других побед.
...Вот кто-то —
Ладен, молод и кудряв —
С тобою в споре выбился из сил.
Ты побеждал,
Но, зная, что неправ,
Вдруг согласился с ним...
И — победил.
Или припомни:
Вовсе неспроста
Тебя любовь, как будто в тигле, жгла...
Ты сдался и от женщины отстал —
Тогда она сама к тебе пришла.
Пускай тебя обволокла юдоль
Или декабрь ждет белый, а не май —
Прими его
(А с ним — тоску и боль)
И сам себя доподлинно узнай.
Не утратившись лютости пурги,
В себе лишь лютость одолеть сумей
И, боль перемогая, жить смоги,
Как для себя не смог бы, —
Для людей.

ОХОХОНЮШКА

Ох-ох-ох да охоньки! —
Голос твой тонехонький,
Баистый да ласковый,
Тайностный да сказковый.
Ах-ах-ах да ахонька,
Невеличка-махонька
Встала раньше солнышка
День испить до доньшка.
Ух-ух-ух да ухоньки! —
Тесно младе в кухоньке:

Во поле охота ей,
Где земля работает.
Эх-эх-эх да эхонька,
Ты ли не умехонька!
А все то, что на сердце,
Щедро к людям ластится.
Ох-ох-ох да охонька,
На добро радехонька.
И цветешь ты, радуя
Жизнь добром и правдою.

ПОРТРЕТ

Молодому художнику

Не рвись бездумно к тайностям
холста:
Елозить кистью наутад не стоит.
Нет, ты вначале сам себя заставь
Чутьем постичь того, кто пред тобою.
И свет его, и сумерки пойми,
К сомненьям припади
и к искушеньям;
Представь его судьбу за мигмом миг,
А из мгновений жизнь
сложи по звеньям.
В полях судьбы его, в лесах, в лугах
Замри, как он перед тобою замер.
Да прост не будь... однако не лукавь...
И краски, как им должно,
лягут сами.

СОРНЯКИ

Такая прорва сорняков,
Что ахнешь поневоле:
Не станет мочи никакой,
Как поле переполешь.
Но лезут снова и еще:
Ах, сволота, ей богу!
Но, может, это хорошо,
Что было их так много.
Любой в закрут ползет, как спрут:
Изрежет вам все пальцы...
Но не с того ль они так прут,
Чтоб нам не забываться!
Поставив сердце на ребро,
Надежно обозначишь:
На пашне жизни лишь добро
Не лезет по-сорнячи.
В нем нет бахвальности тупой:
Мол, всех других самее!..
Вот за добро ты и постой,
Сколь сможешь,
Как сумеешь.

ЧТО В ИМЕНИ ТВОЕМ?

Библиотека г. Верхнего Тагила, первой возвратившая себе имя издателя-просветителя Ф.Ф. Павленкова (См. очерк «Как возвращали имя» («УС», 1992 № 3), в начале нынешнего года принимала гостей. Здесь состоялась первая встреча заведующих сельскими библиотеками, которые в начале века были основаны совкупными усилиями: на деньги, завещанные Павленковым, и средства уездных земств. Просветительская инициатива издателя, активно поддержанная и развитая местными властями, стала как бы той, теплой печкой, вокруг которой почти столетие спустя, собрались нынешние хранители сельских читален. Собрались в пору трудную для сельской культуры. Когда почувствовать локоть друг друга особенно необходимо.

Инициаторами встречи стали Клуб ЮНЕСКО «Уральский следопыт» и екатеринбургская областная библиотека им. В.Г. Белинского. Идею встречи поддержало и помогло организационно областное управление культуры.

Однако сначала немного географии.

Территория нынешней Свердловской области сложилась из нескольких уездов бывшей Пермской губернии. Целиком вошел в нее обширный Верхотурский уезд и частично Екатеринбургский, Камышловский, Ирбитский, Красноуфимский, Кунгурский. Земства ирбитское и камышловское на инициативу Павленкова не отозвались, остальные в той или иной мере ее поддерживали. На территории нынешней Свердловской области оказался, таким образом, 31 населенный пункт, где в разные годы начала века возникли бесплатные народные библиотеки им. Павленкова — первые и долгое время единственные очаги культуры в сельской округе.

Время внесло в этот перечень свои коррективы. Исчезли с лица земли, оказавшись «неперспективными», деревни Путимка и Путимцева в нынешнем Верхотурском районе. В том же Верхотурском скопилось до десятка дворов прежде обширное и богатое село Отрадново. Обезлудела и лишилась библиотеки деревня Коптелы в Шалинском районе. В черте города Краснотурьинска оказался некогда самостоятельный поселок Сухойойка.

Таким образом, павленковских библиотек на карте области осталось 26. Назовем эти селения поименно: Акинфиево (Нижнесалдинский р-н);

Балакино, Башкарка, Бродово, Верхняя Ослянка, Висимо-Уткинск, Кайгородское, Лая, Петрокаменское, Серебрянка, Усть-Утка, Черноисточинск, Шиловка (все — Пригородный район вокруг Н.Тагила); Большой Ут, Карги (Ачитский р-н); Большая Именная, Елкино (Нижнетуринский горсовет); Верхний Тагил (Кировградский р-н); Верхняя Синячиха (Алапаевский р-н); Верхняя Тура (Кушвинский горсовет); Волчанск (Карпинский р-н); Кленовское (Нижнесергинский р-н); Сухановка (Артинский р-н); Филькино (Серовский горсовет).

Все 26 собрать в В. Тагиле не удалось — внесли свои поправки условия финансовые, транспортные, семейные, но зато те, кто приехал, о расходах и дорожных хлопотах не пожалели.

Что однако же за прихоть — скучить вместе павленковские библиотеки? Зачем это? Поначалу у всех, кто приехал, возникали такие вопросы. Но когда встретились за «круглым» столом и познакомились, никто в полезности сей акции не усомнился. Было, оказывается, о чем поговорить, поплакаться, облегчить душу. И поделиться кое-чем из опыта своего. И поразмышлять, что это такое — сельская библиотека в наше меркантильное время? Зачем сегодня селянину книга? И только ли за чтением приходит он в книжную обитель? Где-то сельская читальня — часть целого отлаженного культурного комплекса, а где-то одна-одинешенька осталась в пошатнувшемся селе. Но в любом случае — это место не шумно-клубно-дискотечно-го отдыха, а общения тихого, неспешного — то ли наедине с книгой, то ли в узком кругу духовно близких людей. Словом, библиотека нынче, как и храм, музей, клуб по интересам (но они ведь не в каждом селе бытуют) призвана противостоять бездуховности, неудержимому наплыву печатного ширпотребу и масскультуры, формировать вкусы. Словом, гореть той негасимой свечой, которая собирает людей в духовном общении. Случается, что в иной деревне и положиться больше не на кого.

Наверно каждый за столом этой встречи почувствовал дискомфорт ответственности, очевидный резон и возможность объединения под знаком той просветительской миссии, которую в начале века осуществил русский издатель Павленков.

Так родилось пока в границах одной уральской области Содружество 26 павленковских библиотек. Его участники подписали Обращение ко всем дру-

гим библиотекам Урала и России, что отмечены именем Павленкова, с призывом присоединиться к Содружеству в интересах сельской культуры и просветительства.

Первой практической акцией Содружества павленковских библиотек стал конкурс за право вновь носить имя Ф.Ф. Павленкова. Имя будет возвращено тем из библиотек-участников Содружества, что быстрее обретут свое неповторимое лицо и место в духовной жизни малого города, села, рабочего поселка. Будем, решили участники Содружества, стремиться к тому, чтобы звание «павленковская» предполагало новый, более высокий статус массовой библиотеки, было показателем качества и содержательности культурно-просветительской работы на селе.

Организаторами проведения конкурса стали Клуб ЮНЕСКО «Уральский следопыт», областная библиотека, управление культуры Свердловской области.

В декабре минувшего года подведены итоги конкурса. Первыми победителями признаны библиотека пригородного поселка Филькино (г. Серов) и кайгородская сельская библиотека (Пригородный район).

И вот на карте области появилась третья по счету библиотека имени Павленкова — в поселке Филькино. Имя присвоено постановлением Администрации г. Серова.

Жители поселка, читатели библиотеки отметили это событие своими традиционными посиделками — с праздничным столом, с песнями и плясками под баян и аккордеон, с выставкой изделий местных умельцев, с игровой викториной, посвященной русскому издателю и его щедрой благотворительной акции.

Гости из областной библиотеки, журнала «Уральский следопыт», Клуба ЮНЕСКО, городского отдела культуры сказали много теплых слов в адрес библиотекаря — Надежды Александровны

Поповой. Обласное управление культуры поощрило ее активность и творчество денежной премией; другие гости — подарками поселковой библиотеке.

Доброго пути тебе, Содружество павленковских читателей!

По примеру Павленкова

Дар «Уральского следопыта»

Массовые библиотеки четырех уральских областей — Свердловской, Пермской, Челябинской и Тюменской — получили в дар по одному комплекту «Уральского следопыта» 1994 года. Это — около четырех тысяч годовых комплектов общей стоимостью более двух миллионов рублей.

Челябинский вариант

Издательство «Пластик-информ» (г. Челябинск) предприняло переиздание знаменитой дореволюционной павленковской биографической библиотеки «Жизнь замечательных людей» (200 биографических очерков). Переиздание будет состоять из 38 томов, каждый из которых вместит 5–6 павленковских биографий выдающихся личностей всех времен и народов. 201-м странет жизнеописание самого издателя-просветителя.

Томики серии со вкусом оформлены, тексты переведены на современную орфографию, внимательно просмотрены редактором. Каждый том сопровождают статьи-послесловия и краткие справки об авторах биографий.

Первые тома уже вышли в свет.

Издательство «Пластик-информ» (ген. директор С.Г. Георгиев) приняло решение передать по одному комплекту этого беспрецедентного издания одиннадцати павленковским библиотекам Челябинской области.

Свердловская областная научная библиотека им. В.Г. Белинского взяла на себя расходы по приобретению 26 комплектов «Павленковской биографической библиотеки» для 26 павленковских библиотек, что расположены на территории Свердловской области.

Виталий ДОВГОПОЛ
профессор-доктор, заслуженный
металлург Российской
Федерации

СТАЛЬ КРЕПКА МАРГАНЦЕМ

Недра Урала богаты железом, но очень бедны марганцем. Крайне нужным для выплавки черных металлов. Марганец очищает жидкую сталь от растворенных в ней вредных элементов, таких, как сера и кислород.

Старейший марганцевый рудник России и Урала — Сапальский — расположен близ Нижнего Тагила и введен в эксплуатацию в 1870 году. Затем были освоены Чиатурское (Грузия) и Никопольское (Украина) месторождения с их богатейшими запасами руд.

Во второй половине 19 века были изобретены способы многотоннажного производства литого железа: бесемеровский, томассовский и мартеновский. Дорогие и маломощные тигли заменили доменные печи.

В 1875 году инженера Нижнетагильского металлургического завода К.К. Фрелиха командировали за границу за опытом, но западные спецы не пожелали открыть секреты. Под руководством честолюбивого инженера тагильчане самостоятельно освоили выплавку на древесноугольном топливе доменного ферромарганца, с содержанием 60–80 процентов марганца. Это был первый в России доменный ферромарганец.

В том же 1876 году на Нижнетагильском заводе введена в эксплуатацию первая на этом предприятии мартеновская печь. Хорошо раскисленный ферромарганцем тагильский мартеновский металл заслужил высокую оценку Министерства путей сообщения. Мостовые конструкции были использованы при строительстве Горнозаводской железной дороги, которая проходила через Нижний Тагил. Это первый в мире случай применения литого железа в мостостроении.

Все в том же 1876 году мартеновский металл пошел на изготовление паровых котлов, установленных на Нижнетагильском металлургическом заводе. Завод Ятеса в Екатеринбурге (в настоящее время на его площадке завод «Уралтрансмаш») поставил паровой котел для пассажирского парохода, совершающего рейсы по Иртышу. Уральцы первые в мире использовали литое железо в котлостроении.

Скудность запасов марганцевых

руд местных месторождений ставила уральскую металлургию в жесткую зависимость от южных районов страны. По данным знатного металлурга, профессора Уральского политехнического института В.Е. Грум-Гржимайло, тагильские заводы местное Сапальское месторождение разрабатывали очень бережно, а в 1923 году рудник вообще законсервировали и небольшие оставшиеся залежи марганцевой руды решили сохранить, как резерв, на черный день. К несчастью для нашей Родины такое тяжелое время наступило в 1941 году, когда фашистская Германия напала на Советский Союз. В Нижний Тагил был эвакуирован Харьковский танковый завод № 183. Для танков нужны гусеницы, звенья которых отливались из особопрочной стали, содержащей 13 процентов марганца. В этих исключительных обстоятельствах и пришлось вспомнить о скромной сапальской кладовой. К концу сорок первого года первые тагильские танки, знаменитые «тридцатьчетверки» ушли на фронт.

Скудность запасов марганцевых руд заставила инженеров внедрять смелые технологические решения: дефицитный низкоуглеродистый электропечной ферромарганец заменяли на менее дефицитный доменный. За счет высокого содержания углерода марганец из руды восстанавливался в металл. Выплавка доменного ферромарганца началась в сентябре 1941 года на Кушвинском заводе в печи малого объема, а в ноябре — в больших объемах на Магнитогорском металлургическом комбинате. Марганцевый же агломерат производился на

Гороблагодатской и Магнитогорской аглофабриках. Его применение в цехах Магнитки увеличило производительность печи в 2–2,5 раза и снизило на четверть расход кокса.

Еще в марте 1939 года в решении 18 съезда ВКП(б) было предусмотрено организовать на Урале и Сибири добычу марганцевых руд до размеров, позволяющих работать на собственном, а не привозном сырье. Проектные организации оперативно разработали техническую документацию на строительство на Северном Урале рудника мощностью 270 тыс. тонн марганцевой руды в год. В довоенное время в Полуночном были построены три барака, бытовые и хозяйственные здания, временная небольшая электростанция, расчищена от леса площадка. Начались изыскательские работы и проектирование железнодорожной ветки Ивдель-Полуночное. Первые рельсы уложены осенью сорок первого.

Стремительно росла добыча Полуночной руды: 1941 год — 6 тыс. тонн, 1942 — 113, 1944 — 309 тысяч тонн. Осваивалось и Марсятское месторождение, находящееся в Серовском районе Свердловской области.

Гитлеровское командование, понимая, как велико значение североуральского марганца для металлургического производства, предприняло 11 ноября 1942 года отчаянную попытку разбомбить самый крупный на Урале Полуночный марганцевый рудник. Эта авантюра провалилась. Часть самолетов была рассеяна огнем советских истребителей, другая, не достигнув цели, заблудилась и погибла.

Весомый вклад в победу внесла знаменитая Магнитка, где в то время выплавлялась почти половина уральской стали.

После развала СССР, когда нарушились производственные связи, ослажилось обеспечение России марганцем. Поэтому металлурги вынуждены были в декабре 1992 года создать Акционерное общество «Российский марганец». В апреле 1993 года начата выплавка доменного ферромарганца на алапаевском металлургическом заводе.

Михаил ДОМОВ ДОРОГИ КРИВИЧЕЙ

В глубокой древности на территории нашей страны обитали племена восточных славян. Одним из самых многочисленных было племя кривичей. Как и другие славяне, они сеяли хлеб и разводили скот, занимались охотой и рыболовством. Земля кривичей была обширна — от Днепра до верховьев Волги. Относительно их происхождения в летописи сообщается, что кривичи пришли от словен, но не уточняется, какую часть земли словен они занимали. Известный археолог В.В.Седов, исследуя длинные курганы кривичей, выяснил, что впервые они появились в районе Псковского озера еще в VI веке.

В тех местах обитали балтийские и финские племена. Совместная жизнь, заимствования в инвентаре и погребальной обрядности изменили кривичей, сделали их самобытным племенем. Но влияние было взаимным, более высокая культура кривичей сказалась на хозяйственной жизни и духовном мире их соседей. Например, их мифический родоначальник Крив получил соответствие в балтийских преданиях.

У древних литовцев Криве Кривайтис считался первым жрецом громовержца Перкунаса, святилище которого находилось в долине Швинторога в Вильнюсе. Сами литовцы связывали его имя со словом «кривой», поэтому атрибутом Криве Кривайтиса был искривленный посох. Такое примитивное толкование по звуковому сходству показывает, что имя это не литовское, и культ Криве Кривайтиса скорее всего воспринят литовцами от соседей. Об этом же говорит и название древней части Вильнюса — Кривгород (Krywgorod), там, значит, был когда-то город кривичей.

А в прусских преданиях рас-

сказывается о двух братьях, прибывших морем к устью Вислы. Один из них — Видевут — стал у пруссов верховным правителем. Другой — Брутен — основал главный культовый центр в Ромове, где построил святилище трех богов Патолса, Потримпса, Перкунаса, принял титул Сруво Срувайто и стал первым верховным жрецом пруссов. Это переименование Брутена можно объяснить тем, что его культ слился с местным кривичским. Имени их божества пруссы не понимали. Они, как и литовцы, связали его со словом «кривой», и атрибутом его тоже стала кривая палица.

Эти предания позволяют нам восстановить некоторые начальные страницы истории кривичей. Они указывают на Южную Прибалтику как родину их предков. В.В.Седов тоже связывает культуру кривичей с висло-одерской группировкой славян. В тех краях тысячи лет назад жили древние арии. Во II тыс. до н.э. они ушли далеко на юг. Среди тех арийских племен, вторгшихся в Индию, было племя «Криве». Так же — krievis — называли в Латвии русских — по имени ближайшего племени. Не все арии ушли из Европы, оставшиеся вошли в состав разных народов, в том числе и славян. Арийцы кривы приняли участие в славянском движении на восток, а затем дали свое имя объединившимся вокруг них племенам.

Двойное имя Криве Кривайтиса приводит к мысли, что в его образе слились два персонажа — Крив и Кривайт, причем второе имя уменьшительное. Скорее все-

го, оно было названием племени — имя родоначальника с добавлением суффикса «ait». То есть кривайты — это потомки Крива. Они возглавляли большой союз славянских племен, в котором составили правящее сословие жрецов. Верховным богом союза был Перун (он же литовский Перкунас и прусский Перкунс). Его жрецов избирали только из главного племени — потомков первого жреца Крива. С течением времени племена в союзе перемешались, и все люди стали называться на славянский манер — кривичами. Немало кривичей жило среди балтийских племен, которые отождествили племя и его родоначальника. Вот и появились двойное имя.

С VIII века кривичи начинают строить укрепленные городища. Появляются Изборск, Псков, Ладога. В IX веке исчезают их длинные курганы у Псковского озера, зато появляются круглые — какого-то другого народа. А курганы кривичей тогда же обнаруживаются в землях полочан и смолян. Видно, что какой-то сильный враг теснил кривичей, заставляя их покидать обжитые места. О большой войне в тех местах есть упоминание в «Повести временных лет». Но откуда взялись варяги летопись не уточняет — современникам это было ясно. Во всяком случае это не скандинавы — те ничего не знали о Руси раньше времени Владимира. Да и в летописи они известны под своими именами (свеи, готы, нурманы) и отличаются от варягов. Более убедительна версия советского историка А.Г.Кузьмина, который доказывает славянское происхождение варягов. Главным их противником были словене, жившие у озера Ильмень. А на самой «линии фронта» между ними ока-

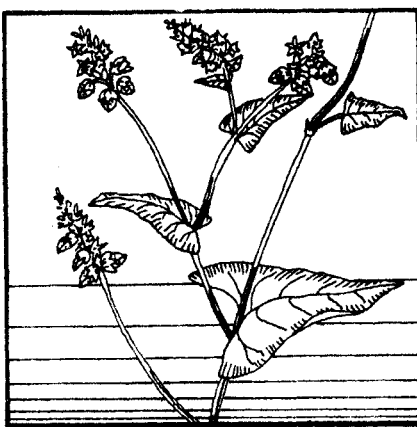

Александр СЕМЕНИН

ПТИЧЬЯ ГРЕЧИХА

Рисунок Марии БАЖЕНОВОЙ

туном», то поймете, что трава эта не боится вытаптывания, проедет телега — подомнет, впечатает тонкие стебельки в землю, но не погубит растения. Поэтому и на футбольном поле, и на аэродро-

ме, и на ипподроме желанна птичья гречишка.

Оценили ее по достоинству травники-любители и народные врачеватели. Настоями траву-муравы (10 граммов на стакан воды) лечат язву желудка и дизентерию, малярию и кишечные расстройства. Применяют конотоп и как вяжущее, кровоостанавливающее и мочегонное средство. Кашицу из свежей травы или компрессы, смоченные в ее настое, прикладывают к ушибам и долго незаживающим ранам. А еще птичья гречишка помогает выводить камни из почек, смирять головные боли, и, как утверждают народные врачеватели, эффективна для роста волос.

Как дикорастущее овощное растение, спорыш, к сожалению, используется редко. А жаль! Бла-

годаря богатому химическому составу и высокой питательности молодых стеблей и листьев, это растение оказывает многообразное полезное физиологическое воздействие на организм человека. Траву-мураву можно использовать для приготовления вкусных диетических супов, салатов, приправ и в качестве заварки для чая. Вот несколько рецептов блюд, в состав которых входит это не приметное растеньице.

Салат из спорыша. 100 г молодых листьев спорыша, 100 г зеленого лука, 2 яйца, 50 г сметаны, соль и укроп по вкусу. Зелень промыть, мелко нарезать, посолить и перемешать с измельченным вареным яйцом. Заправить сметаной и посыпать укропом.

Суп из спорыша с картофелем. 100 г спорыша, 100 г картофеля, 10 г моркови, 5 г репчатого лука, 5 г жира, специи, 350 г бульона или воды. Картофель нарезать брусочками и варить 20 минут, затем добавить измельченную зелень спорыша и обжаренные лук и морковь.

Пюре из спорыша с крапивой. Промытые листья спорыша и крапивы, взятые в равных количествах, измельчить на мясорубке и посолить по вкусу. Использовать для заправки супов до 2 столовых ложек на порцию, в качестве приправы ко вторым мясным и рыбным блюдам и в салатах — по 1-2 столовые ложки на 1 порцию...

По всей стране расселилась травка-муравка. Не найдете ее лишь в тундре и жаркой пустыне. Но и там, где повстречаете заросли гречишки, через год ее может не оказаться. Растение это однолетнее, и не дав по какой-то причине семена, в тех или иных местах может исчезнуть. Но так же неожиданно оно и разрастается весной на, казалось бы, безжизненных отвалах, каменистых склонах и вдоль дорог.

Лишь в доброй детской сказке можно увидеть шапку-невидимку и расстелить скатерть-самобранку. Или отдохнуть-повалиться на траве-мураве. А впрочем, травка эта всем хорошо известна, и встретить ее можно повсюду. В особенности же полюбились ей деревенские улицы и полевые дороги, каменистые россыпи и песчаные берега рек. Там, где едва прозябают или чахнут другие травы, трава-муравка пиршествует и, разрастаясь, веселым зеленым ковриком покрывает неприглядные неудобья. Наверно, таким и должно быть любимое в народе растение: таинственным, сказочным и каждодневно встречаемым, привычным; удивительно стойким, жизнелюбивым и очень целебным и питательным. В обиходе траву-мураву называют также спорышем и птичьей гречихой.

Тонкие стебельки растения стелются по земле и, как у всех гречишных, являются многоколечатыми. В начале лета в пазухах мелких эллиптических листьев появляются крошечные зеленоватые или розовато-белые цветки. До самых заморозков выбрасывает гречишка все новые «коленца» — разрастается и цветет, уживаясь на самых бедных песчаных и каменистых почвах. Почему называли ее птичьей? Ответ очень прост: любят ее пернатые, и воробьи, и голуби расклеивают листочки спорыша. Ведь травка-гречишка содержит белки и углеводы, богата витаминами А, С и К, другими полезными компонентами. Вот почему в деревнях ее широко используют как наживочный корм для свиней и домашних птиц и нередко называют «гусятником» и «свинухой».

О многом могут поведать нам названия растений. Так, если услышите, что кличут спорыш «конотопом», «наколесницей» и «топ-

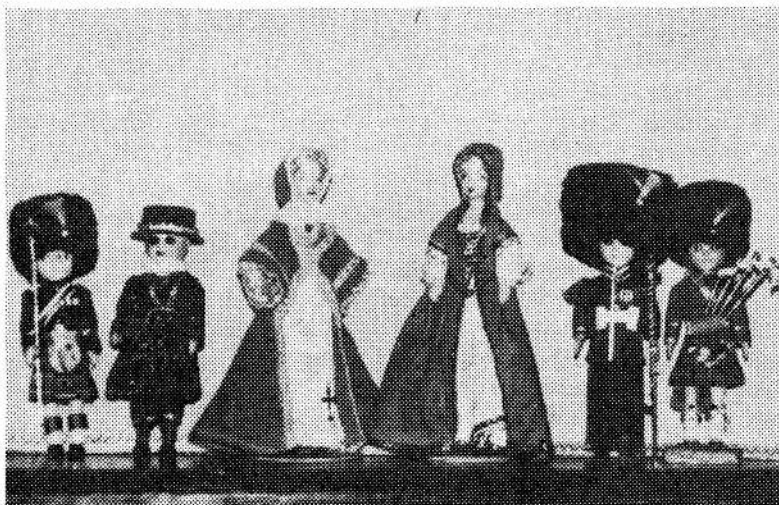
Регина ТЕРЕШКИНА

КУКЛЫ С ТУМАННОГО АЛЬБИОНА

Почти каждый русский, побывавший в туманном Альбионе, привозит домой фигурку английского гвардейца в ярком красном кителе и высокой шапке. Но даже те, кто посетил наиболее известные места паломничества туристов, включая музей мадам Тюссо, уезжают назад, так и не зная, что только в Лондоне существует четыре различных музея кукол и игрушек, что королева Виктория в детстве много играла в куклы и одевала их со своей воспитательницей, что эта страна, известная своей промышленностью, не спешила создавать собственную отрасль, занимающуюся производством игрушек, предпочитая завозить дешевые поделки из Германии.

Производством игрушек в Англии долгое время занимались лишь высококвалифицированные мастера. Они изготавливали кукольные домики и маленькую мебель, лошадей-качалок, деревянных кукол и кукол, покрытых воском. В историю игрушек мира вошли имена таких семейств — создателей миниатюрных шедевров, как Монтенари и Пьеротти. Их творения были скорее игрушками для взрослых, чем для детей. Аристократические семьи заказывали кукол, чтобы научить девушек не только шить, но и заботиться об одежде, чистить, чинить, гладить ее. Куклы

для кукол любого общественного положения. Были тут пригородные домики для кукол среднего достатка; квартирки в одну комнату с кузней для кукол из простонародья; великолепные столы апартаменты для высокопоставленных. Некоторые из этих помещений были уже обставлены на средства, которыми располагали куклы не очень богатые; другие можно было по первому требованию обставить на самую широкую ногу, сняв для них мебель с полок, заваленных креслами, столами, диванами, кроватями и драпировками. Знатные аристократы, дворяне и прочие куклы, для которых предназначались эти дома, лежали тут же в корзинах, тараща глаза на потолок; но, определяя их положение в обществе и помещая каждую особу в отведенные ей общественные границы (что, как показывает опыт в действительной жизни, к прискорбию, очень трудно), создатели этих кукол намного перегнали природу, которая частенько бывает своенравной и коварной, и, не полагаясь на такие второстепенные признаки, как платье из атласа, ситца или тряпичных лоскутков, они вдобавок сделали свои произведения столь разительно непохожими друг на друга, что ошибиться было невозможно. Так, кукла — благородная леди обладала идеально сло-

служили своеобразными манекенами, одетыми по последней моде. Их перевозили в специальных сундуках. Дамы из Англии посылали кукол в Бостон, получая, в свою очередь, «модную продукцию» из Парижа. Во время наполеоновских войн куклы французских модельеров получили разрешение беспрепятственно проникать через блокаду, чтобы английские леди не отстали от моды.

В «Рождественских повестях» Чарльз Диккенс создал такой образ жилища мастера-игрушечника Калеба Пламмера:

«Калеб с дочерью вместе трудились в своей рабочей камерке, служившей им также гостиной и столовой. Странная была это комната. В ней стояли дома, оконченные и неоконченные,

женным восковым телом, но — только она и равные ей. Куклы, стоящие на более низкой ступени общественной лестницы, были сделаны из лайки, а на следующей — из грубого холста. Что касается простолудинов, то для изготовления их рук и ног брались лучинки из ящика с трутом, по одной на каждую конечность, и куклы эти тотчас же входили в отведенные для них границы, навсегда лишаясь возможности выбраться оттуда».

Большинство английских девочек играли в тряпичные куклы. Немногие родители могли себе позволить купить готовые головки, пришивающиеся к плечам кукол.

Большой популярностью пользовались вырезавшиеся бумажные куклы, которые тоже назывались «английскими». Впер-

вые их изготовили в 1791 году, и в то время они были дороги, но с развитием полиграфической техники их цена уменьшилась, и они приобрели широкую популярность. До конца девятнадцатого века Англия занимала также ведущее положение в мире по производству печатных настольных игр, головоломок и, особенно, разрезных картинок-загадок.

Первые оловянные солдатики были созданы в Германии, но постепенно центр их производства переместился в Англию. Фигурки воспроизводили представителей различных родов войск и полков, военных музыкантов, лошадей, везущих пушки и другое военное снаряжение. Но были и мирные игрушки. Так, комплект фигурок конца девятнадцатого века показывал сценку на железнодорожном вокзале с паровозом и вагончиками. В 1908 году был создан комплект из семи фигурок — представителей гражданских сословий. В честь коронации британских монархов выпускались модели коронационных карет с лошадьми, а по случаю коронации Елизаветы II изготовили комплект из 150 фигурок, включавший и музыкантов. Эффектные куклы-торговки, на прилавках которых был богатый выбор миниатюрных товаров, оказались во многих музеях игрушек мира.

Воины оказывали свое влияние на производство игрушек. После 1914 года перестали экспортироваться игрушки из Германии, в производство были вовлечены домохозяйки и инвалиды. Появились куклы из различных материалов, изображавшие солдат, медсестер, моряков. После войны Британия снова полностью уступила свой рынок Германии, однако создание типично английских кукол продолжалось. Так, Нора Веллинг создала серию кукол, изображающих полицейских, игроков в гольф, «герл-гайдов» (девочек-скаутов), обитателей южных островов в юбочках из травы, моряков с туристических линий.

Во время второй мировой войны выпускать игрушки перестали совсем, и новый подъем производства начался в 1953 году — коронации Елизаветы II. Пегги Низбет создала куклу в коронационном наряде. Ее фирма специализируется на дорогих куклах, очень точно выделанных, с ручной росписью. Среди них — куклы, одетые в костюмы знаменитых личностей. Так, в английском каталоге игрушек 1990 года можно найти королеву-мать и королеву Елизавету II, ее супруга Филиппа, герцога Эдинбургского, королевских детей, лидеров того времени — президента США Джорджа Буша с супругой Барбарой и советского президента Горбачева с «миссис Раиса Горбачев». Куклы одеты в костюмы классического периода, например, эпохи Гейнсборо, девочек из различных частей Великобритании (Англии, Шотландии, Уэльса, Ирландии), гвардейцев, нарядных продавщиц лаванды, апельсин, вишен, цветов. Много лет выпускает фирма фигурки героев литературных произведений, в том числе Шерлока Холмса и доктора Ватсона. Недавно появилась серия «Мадам Тюссо», в которой есть и сама основательница музея в молодости, Людовик XVI, королевы Елизавета I, Виктория, сэр Уинстон Черчилль, король Генрих VIII с его шестью женами.

Последние пользуются любовью и других игрушечных фирм, например, фирмы Рексард. Она выпустила серию из 20 кукол в исторических костюмах (в моей коллекции есть Катариона Арагонская и Анна Болей). Художница Одетта Арден создала образы Елизаветы I, мадам Помпадур. Значительно длиннее список английских кукол в костюмах различных народов мира, хотя коллекционеры предпочитают иметь образцы, одетые в их родной стране.

Наиболее популярные в Англии куклы — мужчины-шотландцы. Их выпускают уже более ста лет, считается, что их костюм более интересен, чем женский. Они носят шапочки-береты, а шотландские гвардейцы — меховые кивера, юбочки-килты и пледы, расцветка которых говорит о принадлежности к определенному клану. Неотъемлемой частью костюма является

сумочка «спорран», часто мехом наружу; при ходьбе и ветре она мешает юбочке развеваться. Плед прикрепляется при помощи кэринорма, серебряной броши с камнем, чаще всего с шотландским дымчатым кварцем, по которому и называли брошь. Шотландцы считают, что для ходьбы по горным тропам их костюм наиболее практичен.

Неизменным со времен Тюдоров остается костюм «бифитера», солдата охраны лондонского Тауэра.

Женский костюм жительницы Уэльса обычно завершает высокая шляпа, напоминающая цилиндр, надеваемая поверх кружевного чепчика.

О многом могут рассказать куклы. Например, кукла, изготовленная фирмой «Маленькая галерея» в Корнуолле, снабжена краткой исторической справкой, где сказано, что менее 100 лет назад тамошних девушек нанимали, чтобы они долбили породу на поверхности оловодобывающих шахт, зарабатывая 4-6 пенсов в день.

В 1960 году в Британии впервые появилась американка Барби, встретившая восторженный прием у девочек. Консервативному старшему поколению Барби показалась слишком сексуальной, и в 1963-м британцы создали куклу Синди с более детским лицом, которая выглядела будто девочка, одевшаяся в мамины наряды и подсунувшая под джемпер пару носовых платков. Впрочем, это ей не мешало одеваться у модельеров, создающих модели для членов королевской семьи. Вскоре у нее появился друг Поль. Куклы всегда могли носить платье друг друга. Постепенно изменилось, повзрослело лицо Синди. Куклы, вернее, их производители, продолжают соперничать, и секреты их новых нарядов охраняются столь же строго, как изделия «взрослых» французских модельеров. Была даже такая телепередача «Синди против Барби».

В Англии, известной своими традициями в производстве фарфора, в последние годы увеличился выпуск фарфоровых кукол, которые считаются более экологически чистыми. Выпускаются дорогие коллекционные куклы с ручной росписью, в костюмах, выполненных со множеством деталей. Производятся они ограниченными сериями и снабжены сертификатами подлинности. На них иногда смотрят как на средство вложения капитала, поскольку цена их постоянно растет. Изображают они очаровательных малышей, нарядных невест, героев сказок. Куклы и игрушки прошлых лет с большой серьезностью продают на аукционах.

В стране сохраняется традиция изготовления кукол, изображающих неугодных политических деятелей. Во время пребывания у власти Маргарет Тэтчер ее чучело неоднократно носили демонстранты, причем иногда сжигали его. Доходит и до таких казусов: рядовые граждане с удовольствием покупают тапочки, украшенные фигурками королевы и ее супруга, принца Чарльза и принцессы Дианы, президента США с первой леди.

Но это — игры взрослых. Современные же английские дети азартно играют не только на компьютере, но и в солдатиков, многие из которых стали пластмассовыми, более подвижными и дешевыми, девочки укладывают спать малышей и следят за последними новинками нарядов кукол-модниц. Все дети любят мягкие игрушки. Бабушки стараются покупать продукты в магазине, предоставляющем купоны — скидку на приобретение дорогой фарфоровой куклы. Так недавно приобрела куклу за полцены моя знакомая англичанка, которой отдала свои купоны сердобольная соседка. Богатые коллекционеры бьются за раритеты на аукционах. Ну, а туристы увозят с собой на родину игрушечных гвардейцев, бифиторов или полицейских «бобби».

Фото Е. Щербаковой

Ольга КОЛПАКОВА

«СЛООНВННК» НА КИРОВОНГРАДСКОЙ...

Слоны живут в Африке и Юго-Западной Азии. Это я узнала из энциклопедии. Еще они живут в зоопарках — показывали по телевизору. А еще слоны есть в небольшой екатеринбургской квартире на Кировоградской. Сама видела!

Слоны занесены в Красную книгу. Это редкие животные — всего два вида. Но к «кировоградским» это не относится.

Слоны весят по шесть тонн, а высотой — до четырех метров. Питаются растительной пищей. Но те, с которыми я недавно познакомилась, вообще ничего не едят. Зато они любят мыться и чиститься. И все спокойно уместаются в одной комнате. Все пятьсот хоботов. Это не опечатка. Их действительно полтысячи. Сейчас я попробую вас с ними познакомиться. Слоны целлулоидные, фарфоровые, мраморные и из слоновой кости, из литого и дутого стекла, из папье-маше и термопластика, пластмассы и дерева, пластилина и ткани всевозможных расцветок и сортов, парафиновые слоны и шоколадные, из консервной банки, железа, серебра и обыкновенного картона, из резины и фанеры. Слоны-лейки, заколки, подвески, неваляшки, диванные подушки. Слоны-циркули, чашки, целлофановые пакеты, погремушки, точилки, формочки для песка, закладки для книг, серьги, игольницы. Слоноксифон, бутылка, копилка, утюг, мыльница... Да! Еще отдельно, будьте знакомы, надувные слоны. И мягкие, набитые ватой. И слоны-каталки... Нет, я не в силах всех назвать. Обращаюсь за помощью к хозяйке этого «Слоновника» Елене Яковлевне Браверман.

— Еще носовые платочки, открытки, наклейки, вкладыши от жевательной резинки, слоны-ластики, брелоки... — подсказывает Елена Яковлевна, доставая с полок (от пола до самого потолка) своих питомцев.

— Удивительно! А говорили, что слоны в диковинку у нас... — я пытаюсь сосредоточиться на каком-нибудь одном экземпляре, но не хватает силы воли. — Вот что в диковинку, так такие домашние коллекции. Но кто же из них был первым?

— Вот он! — Елена Яковлевна берет на руки ма-

ленького тряпичного слона. — Брат привез в подарок. Слоник из Германии. Ему уже больше тридцати лет. Для слона это, конечно, не возраст, но он все равно здорово полинял. И бивни выпали. Вот эти фарфоровые и мраморные слоники появились в коллекции позже, хотя до этого, наверное, не одно десятилетие украшали комоды и каминные сестринств. Очень старые и редкие слоны. Я встречала точно таких же в музеях. Этот большой слон из папье-маше был подброшен к нам. Приходим вечером домой, а он сидит под дверью, ждет. Облезлый, грязный, прибрудный слоненок. Помыли его, подкрасили и потом выяснили: соседка пошла выносить мусор и наткнулась на него. Принесла нам.

Много у меня слонов из чужого детства: друзья дарят, с ребятами прямо на улице меняю. Некоторые дети, узнав, сколько в нашей квартире живет слонов, просто дарят свои игрушки. Вообще, как только узнают о коллекции, откликаются, даже сами делают.

— Я не буду спрашивать, почему именно слоны...

— И правильно. Слоны, бесспорно, самая большая моя компания и самая любимая. Но давайте заглянем в комнату дочерей, — предлагает Елена Яковлевна.

Девочек, Кати и двойняшек Ани и Ксени, дома нет. Катя уже закончила школу и продолжает учебу за границей. А младшие дамы очень заняты: кроме обыкновенной школы, музыкальная, воскресная и бассейн.

Девичья «светелка» очень уютная и вся в полочках. А полки все аккуратно заставлены. Нет, не слонами, им достаточно одной комнаты. Здесь полсотни маленьких кувшинчиков и вазочек из керамики, тридцать точилок для карандашей (в виде глобуса, пианино, мусорного ведра, телефона, лампочки...) и непоресчитанные мной собрания ластиков, расчесок, камней...

— Были бы коллекционеры, а предметы для коллекционирования всегда найдутся, — вспоминаю я недавно перечитанных Ильфа и Петрова.

— Это, наверное, паталогия, — признается хо-

зайка необычной квартиры. — Люди стараются избавиться от всего лишнего, мелкого, старого, а у нас это копится, хранится, покупается и расставляется на обозрение. Но мы не специально, само собой так получается. На днях пришел сосед, увидел подаренных дочкам игрушечных свинку и трех поросят и говорит: «Так, вы уже за свиней взялись!». «Да нет, — отвечаю, — вот, подарили просто четырех...» А потом решили с девочками пересчитать, сколько у нас в доме найдется игрушечных хрюшек. Оказалось — пятнадцать штук.

— Да, вы достойно встретили год свиньи. Но, подозреваю, что вот такие, несколько «случайные» коллекции требуют немалых затрат.

— Я домохозяйка. Муж работает один, и мы не можем себе позволить многого. Но если и на этих мелочах: игрушках, сувенирчиках, открытках, книгах мы будем экономить, то все равно не сможем купить ничего дорогого и серьезного, да еще и лишим себя этих маленьких радостей. Такая вот ерунда создает настроение...

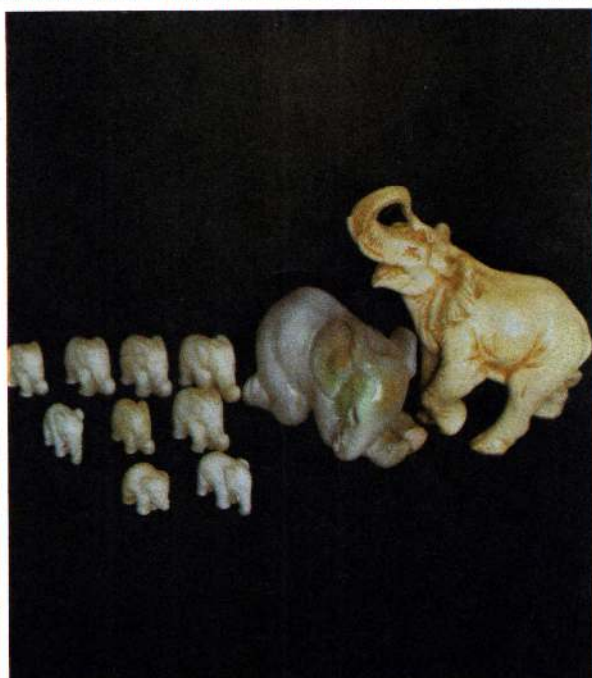
— И особый стиль вашей квартиры. Наверное, коллекционирование объединяет вашу семью?

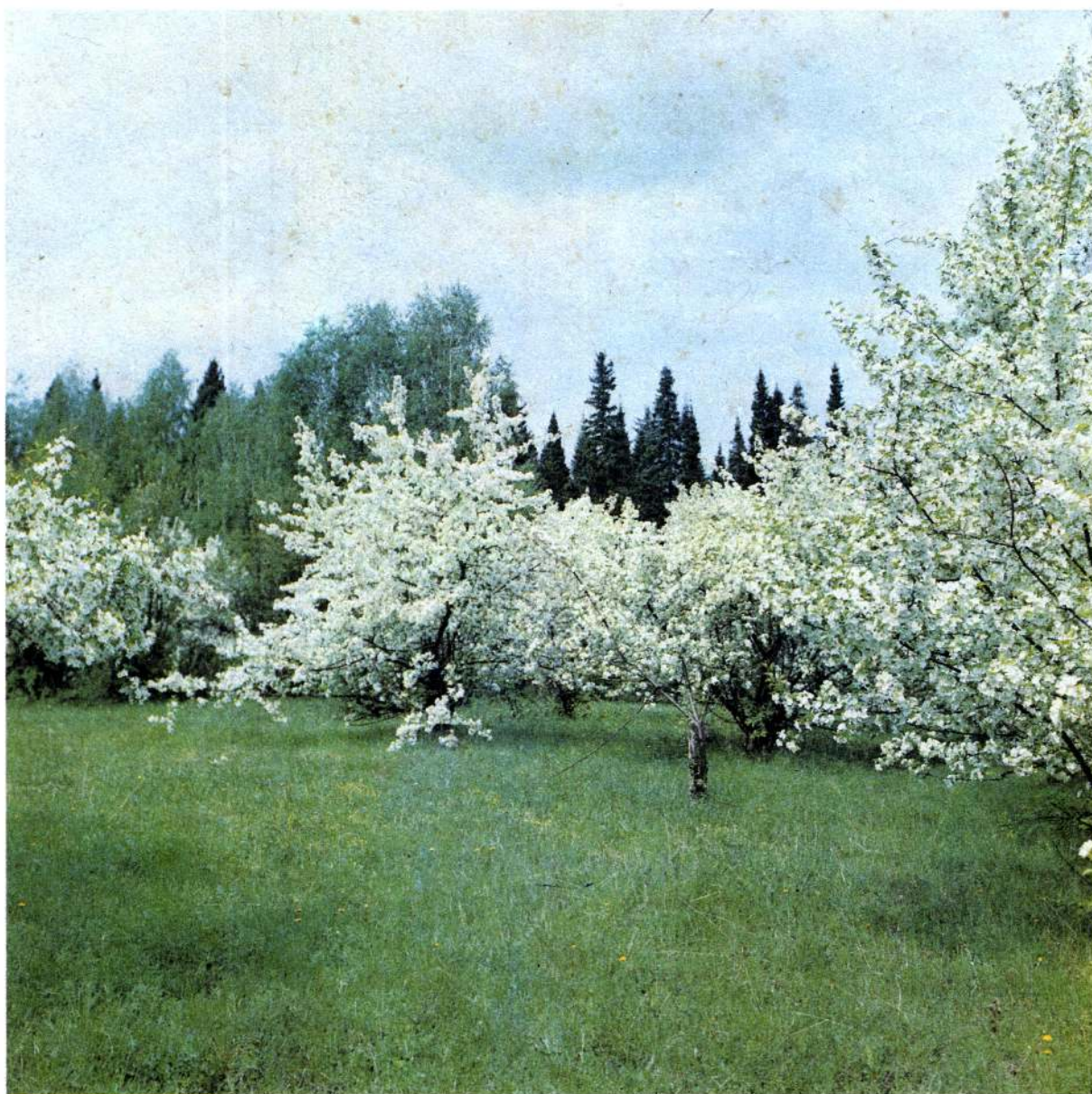
— Да, мы все этим увлечены. Но сначала нас объединяет то, что мы все стараемся делать вместе, много общаемся. Вчера, например, всей семьей до половины второго ночи разбирались с равенством треугольников. С математикой у нас не блестяще, мы все гуманитарии. Это тоже нас объединяет. Читаем много, охотно, и вкусы близки: классическая русская литература, из современной — Аксенов, Довлатов, Токарева. Муж, правда, больше, чем мы, любит и знает историю. И все вместе мы любим слонов.

— Да, давайте вернемся к нашим слонам, мы уже про всех сказали хоть одно слово или нет?

— Есть еще слоны-елочные украшения, слон-стакан для карандашей, слон-вымпел. А вот слоненок расписанный под хохлому. А этого я на базаре у бабули за рубль купила. Он шит из обыкновенного капронового чулка. Это слон из перчатки. Значки со слонами. Слоненок из латекса...

Мы еще долго брали в руки и ставили обратно на полки слонов, слоних и слонят. Из всех городов бывшего Советского Союза, из Германии, Израиля и еще бог знает откуда — огромное стадо маленьких слонов. И если у вас завалился где-нибудь одинокий ненужный слон, пятьсот его собратьев готовы немного потесниться.

ISSN-0134-241X Индекс 73413, «Уральский следопыт», 1995, № 5-6, стр. 1-96

В СЕДЬМОМ И ПОСЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ ЖУРНАЛА БУДУТ ОПУБЛИКОВАНЫ:

второй спецвыпуск для подростков под рубрикой «ОЙ, КУДА МЫ ЗАЛЕТЕЛИ». Повесть-сказка Любови ВОРОНОВОЙ «КЛЮЧ В ТРАВЕ». НФ — повесть Геннадия ПРАШКЕВИЧА «ДЕМОН СОКРАТА». Под рубрикой «УФОЛОГИЯ» — рассказ о контактах с пришельцами на Урале. Очерки Юния ГОРБУНОВА «КНЯГИНЯ АННА БЛАГОДАТЬ» и Игоря НЕПЕИНА «ДЕЛО» БОРИСА РУЧЬЕВА». Новые материалы под рубриками: «СПЕЦХРАН», «РОССИИ ЦАРСКОЙ ОРДЕНА», «КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА», «МУЗЫКА И МЫ», «ЭКЗОТЫ НА ОКНАХ», «ЭКОДОМ», «НЕПРИЧЕСАННЫЙ МУЗЕЙ».